

Администрация Краснодарского края

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Краснодарского края «Краснодарский государственный
историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына»*

*Краснодарское краевое отделение Всероссийской общественной
организации «Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры»*

ООО «КУБАНЬПРОЕКТРЕСУРС»

ДРЕВНОСТИ КУБАНИ

Выпуск 25

Краснодар
2022

УДК 902(470)

ББК 63.4(2)

Д 73

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Вальчак С. Б., канд. ист. наук,

Верещагин В. В.,

Голубев Л. Э., канд. ист. наук (ответственный редактор),

Давыденко Г. Г.

Пьянков А. В.,

Ржевский Д. С.,

Ржевская Е. И.,

Схатум Р. Б., канд. ист. наук,

Улитин В. В., канд. ист. наук.

Д 73 **Древности Кубани** / Краснодар. гос. ист.-археол. музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. - Краснодар: Кубаньпроектресурс, 2022. – 244 с.

Вып. 25. / редкол.: С. Б. Вальчак и др.

Рецензенты:

Волков И. В., кандидат исторических наук, консультант генерального директора ООО «Археология в строительстве» (г. Москва),

Демиденко С. В., кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (г. Москва)

ISBN: 978-5-6049018-6-1

Сборник включает статьи по древней и средневековой археологии Краснодарского края и некоторых других территорий Западного Кавказа (Республика Адыгея, Карачаево-Черкесия).

Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также всем, кто интересуется историей и археологией Кубани.

© ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына»

© ООО «Митра»

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПАНАГИЯ 1 КАК ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО- ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Абрамова А. Н., ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына», г. Краснодар, **Горошников А. А., Горошникова З. В.**, Институт археологии РАН, г. Москва

Аннотация. Материалом для данного исследования послужила серия скелетных останков, происходящих с поселения Панагия 1, датирующегося концом позднего бронзового века. На сегодняшний день памятник является одним из наиболее исследованных, и, наряду с поселением Балка Лисовицкого 1, служит опорным для разработки периодизации позднебронзового века Тамани и характеристики материальной культуры его населения. Относится к кругу памятников сабатиновской и белозерской культур. В результате археологических работ с 2018 по 2020 гг. выявлено 35 погребальных сооружений, относящихся к данному временному периоду, а по краниофенетической программе одним из авторов изучено 11 черепов разной степени сохранности. В результате межгруппового сравнения с применением анализа соответствия отмечено высокое сходство изучаемой серии с населением бронзового века Поднепровья. Данный вывод о влиянии населения Поднепровья на жителей юго-запада Таманского полуострова подтверждается и на археологическом материале. При этом население, проживавшее в этой части

полуострова в эпоху античности и оставившее могильник Волна 1, оказалось сильно отличным от населения позднебронзового века. Данный вывод без привлечения к анализу групп населения, проживавших на изучаемой территории с IX по начало VI в. до н.э., пока трудно интерпретировать.

Ключевые слова: палеоантропология, дискретно-варьирующие признаки, поздний бронзовый век.

ANTHROPOLOGICAL DATA OF THE PANAGIA 1 SETTLEMENT AS A SOURCE FOR THE RECONSTRUCTION OF POPULATION RELATIONSHIPS IN THE SOUTHWESTERN PART OF THE TAMAN PENINSULA DURING THE LATER BRONZE ERA

Abramova A. N., Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, Krasnodar

Goroshnikov A. A., Goroshnikova Z. V., Institute of Archeology RAS, Moscow

Abstract. For this study we examined a series of skeletal remains from settlements of Panagia 1, dating the end of the Late Bronze Age. For now, the monument is one of the most researched and, with the settlement of Balka Lisovitskiy 1, might be considered for the determination of the period of the development of the Late Bronze Age at Taman and an assessment of the material culture of its population. The settlements of Panagia-1 refer to the circle of monuments of the Sabatinovo and Belozersk culture. As a result of archaeological work from 2018 to 2020 35 burial constructions were identified, related to this period. According to the craniochronically identified program one of the researchers identified 11 skulls with varying degrees of preservation. As a result of intergroup comparison with the excess estimate, there was a high concentration of the population on the south-west of the Taman Peninsula with the population of the Bronze Age in the Dnieper region. This conclusion about the influence of the population of the Dnieper region on the inhabitants of

Panagia-1 is also detected in archaeological material.

At the same time, the population lived in this part of the peninsula in the era of antiquity and set the burial ground on the territory of the Volna 1, shows us strong differences with the population of the Late Bronze Age. This conclusion, without relating to the analysis of groups of populations living in the study area from IX to the beginning of VI century BC, is difficult for interpretation.

Keywords: paleoanthropology, discretely varying characters, Late Bronze Age.

Несмотря на то, что история археологического изучения Таманского полуострова насчитывает уже не одно столетие, материальная культура населения этой территории в эпоху поздней бронзы изучена крайне слабо. Одной из причин этому стало малое количество памятников, известных исследователям.

Ситуация кардинально изменилась с середины 2000-х годов, когда на территории полуострова начались масштабные археологические исследования, предварявшие крупные строительные работы. Наибольшего развития эта ситуация достигла в период с 2014 г. по настоящее время, что связано с развитием инфраструктуры полуострова и строительством терминалов ЗАО «Таманьнефтегаз» в его юго-западной части. Было открыто свыше двух десятков памятников, относящихся к периоду поздней бронзы и давших колоссальное количество материала, позволяющего пролить свет на быт населения Тамани в древности и его связи с населением соседних территорий как на востоке (Прикубанье), так и на западе (через территорию Крыма с населением Поднепровья, Поднестровья и Подунавья).

В свете новых археологических данных Таманский полуостров вызывает особый интерес у исследователей как место контактов местного и пришлого населения. Пересекая Керченский пролив, племена перемещались в обе стороны, обмениваясь техническими и культурными достижениями.

Об этих контактах мы можем вести речь по большей мере с точки зрения археологических материалов, коих, как говорилось выше, получено огромное количество, и их дальнейшая интерпретация и введение в научный оборот – дело не одного десятилетия.

Антропологически же население, проживавшее в эпоху поздней бронзы на территории современного Таманского полуострова, не изучено вовсе. Не считая двух работ, выполненных одним из авторов данного исследования, на сегодняшний день мы ничего не знаем о морфологическом разнообразии и особенностях строения скелетной системы данных популяций (Абрамова, 2020; Абрамова и др., 2021). Отчасти, причина кроется в отсутствии антропологических коллекций как таковых, что в большинстве случаев связано с плохой сохранностью костных останков, характерной для данной природно-климатической зоны.

Памятник является одним из наиболее масштабно исследованных, и, наряду с поселением Балка Лисовицкого 1, служит опорным для разработки периодизации позднебронзового века Тамани и характеристики материальной культуры его населения. В общей сложности за три года работ на поселении исследовано 35 погребений, отнесенных к эпохе поздней бронзы. Большинство из них группировались в южной части раскопа 2018 г., на возвышенности, выделяющейся в рельефе. В некоторых случаях погребения прорезали хозяйственные ямы, несколько были совершены в хозяйственных ямах и котлованах для добычи глины. Кроме того, отдельные черепа и фрагменты костей скелета встречались в культурном слое памятника, в заполнении хозяйственных ям и котлованов на разных уровнях.

Могильные ямы, которые удалось проследить, имели овальную или подпрямоугольную со скругленными углами форму. Инвентарь большинства погребений – округлобокие лепные горшки со слабо выделенной шейкой и нижние части стенок с дном крупных лепных сосудов.

Преобладает восточная и ВСВ ориентировка (однако расчищены несколько погребений с южной ориентировкой), поза умерших – преимущественно скорченно на правом боку (обнаружено также несколько погребений, в которых умерший уложен на левом боку).

Отдельную группу образуют погребения, расчищенные под камнями жилых построек. В этом случае фиксируется вытянутое трупоположение, а также отдельные фрагменты скелета, уложенные не в анатомическом порядке.

Полученные по итогам работ материалы позволяют охарактери-

зовать древнее население этого региона в пределах XIV–X вв. до н. э. (Клемешова, Горошников, Горошникова, 2022). Поселение относится к кругу памятников сабастиновской и белозерской культур, присутствие которых на Тамани достоверно установлено по итогам масштабных археологических охранно-спасательных работ в последнее десятилетие: в ходе их обнаружены и исследованы как погребальные, так и поселенческие комплексы (Кияшко, Сударев, 2018).

Материалом для данного исследования послужила антропологическая коллекция, полученная в ходе работ, проведенных в период с 2017 по 2019 гг. на территории поселения эпохи поздней бронзы Панагия 1, расположенного в юго-западной части Таманского полуострова.

В задачи исследования входило обсуждение частоты встречаемости дискретно-варьирующих признаков на черепах изучаемого населения, а также проведение сравнения населения бронзового века Таманского полуострова с более поздним населением эпохи античности (архаического и классического периодов) на основе материалов, полученных по итогам исследований грунтового могильника поселения Волна 1, а также с опубликованными данными по населению эпохи бронзы Поднепровья и Армении (Мовсесян, 2005, с. 243–245).

Всего по системе дискретно-варьирующих признаков изучено 11 черепов. Несмотря на малочисленность изученной коллекции и крайнюю фрагментированность материала, было решено дать предварительную характеристику населению памятника.

Краниоскопический бланк, по которому проводилось исследование, включает в себя 120 признаков, предложенных как отечественными авторами (Козинцев, 1972; 1984; 1987; Мовсесян и др., 1975; Мовсесян, 2005), так и зарубежными (LeDouble, 1903; Berry, Berry, 1967; Hauser G., DeStefano, 1989), а также часть авторских признаков, находящихся в разработке и предложенных Д. В. Пежемским. Однако достаточно полные данные были получены лишь по части признаков, приведенных в таблице 1.

Расчет всех частот, приведенных в таблице, производился «per cranium». Латинская терминология приведена в соответствии с

предложенной Г. Чеснисом и С. Павилонисом, (Česnys G., Pavičionis, 1982). Мужские, женские, а также детские черепа анализировали совместно. Межгрупповое сравнение проводили с помощью анализа соответствия (Correspondence analysis). Данный вид анализа выбран в связи с тем, что в его основе лежит матрица значений X^2 , позволяющая анализировать качественные признаки.

На черепаках, происходящих с территории поселения Панагия 1, по сравнению со средними значениями для Южной Европы и Кавказа (Мовсесян, 2005), прослеживается достаточно высокая частота встречаемости надглазничных, лобных и теменных отверстий, а также вставочных косточек в ламбдовидном шве. Метопический же шов, напротив, достаточно редко фиксировался (Мовсесян, 2005, с. 43).

Для сравнения были подобраны ранее опубликованные группы бронзового века с территории Поднепровья и Армении (Мовсесян, 2005), а также данные автора по черепакам, полученным в ходе исследований грунтового могильника поселения эпохи античности Волна 1. Антропологические материалы с территории некрополя античного поселения были выбраны по причине территориальной близости двух памятников, тем более, как было показано, дискретно-варьирующие признаки не подвержены эпохальной изменчивости, что позволяет проводить сравнение разновременных групп (Мовсесян, 2005; 2010, с. 44).

Общая картина данного анализа выглядит следующим образом (рис. 1). Первый вектор отражает почти 39% вариабельности и противопоставляет серии с территории Армении и античных жителей юго-запада Таманского полуострова с населением Поднепровья и населения Панагии 1. В группах Поднепровья реже встречается отверстие в барабанном кольце и надглазничное отверстие. Второй вектор, отражающий 18,8% инерции, отделяет жителей позднего бронзового века Армении от групп Поднепровья и Таманского полуострова. Группы эти дифференцируются по частоте встречаемости вставочных косточек в ламбдовидном шве, os triquetrum и лобного отверстия.

Выводы о близости и генетическом влиянии населения Поднепровья на жителей юго-западной части Таманского полуострова подтверждаются и археологическим материалом, полученным в

ходе исследований ряда памятников, в частности, поселений Балка Лисовицкого, Балка Хреева и Панагия 1.

Вещественный комплекс памятника имеет прямые аналогии с ареалом обитания сабаатиновской и белозерской культуры, что прослеживается прежде всего в керамическом комплексе, в частности, в данном случае речь идет прежде всего о подлощенных двуручных лепных сосудах и черпаках с высоко приподнятыми над краем сосуда ручками (часто с выступом на верхнем крае ручки), сосудах, орнаментированных колесовидными и цилиндрическими налепами, расчлененными валиками, и т. д., а также и среди глиняной пластики, например, обнаруженными зооморфными изделиями, также и находками глиняных шаров, так называемых хлебцев (Горошников, Горошникова, 2021).

Таким образом, изучение краниоскопических особенностей населения, оставившего поселение Панагия 1, показало их сходство с населением бронзового века Поднепровья. При этом, жители, населявшие эту часть полуострова в эпоху античности, оставившие могильник Волна 1, оказались сильно отличны от населения позднебронзового века Панагии 1. Однако однозначно утверждать, что контакты между ними отсутствовали, не представляется возможным, так как материалов, позволяющих пролить свет на один из слабо изученных периодов истории Тамани в период с IX по начало VI вв. до н. э., слишком мало на сегодняшний день.

Раскопки поселения Панагия 1 продолжают и в настоящее время. По их завершении территория памятника будет исследована полностью на общей площади свыше 15 га. Несомненно, антропологическая коллекция значительно пополнится, что станет темой для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. Н., 2020. Поселение периода поздней бронзы Панагия-I на Тамани: предварительная палеоантропологическая // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции. – Ростов-на-Дону.

Абрамова А. Н., Горошников А. А., Горошникова З. В., 2020. Предварительный палеоантропологический анализ населения поздней бронзы Таманского полуострова по материалам поселения Панагия 1 // ДК. Вып. 24. – Ростов-на-Дону.

Гершкович Я. П., 1997. Происхождение и эволюция сабастиновского керамического комплекса // Археологический альманах (Донецк). № 6.

Горошников А.А., Горошникова З. В., 2021. Закрытый комплекс с зооморфным глиняным изделием из раскопок поселения «Панагия 1» на Тамани в 2018 г. // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых. – М.

Клемешова М. Е., Горошников А. А., Горошникова З. В., 2022. Технично-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия-1 (предварительные результаты) // В печати.

Кияшко А. В., Сударев Н. И., 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. – Керчь.

Козинцев А. Г., 1972. Дискретно-варьирующие признаки на человеческих черепках I тысячелетия до н.э. из Минусинской котловины // Архив анатомии, гистологии, эмбриологии. Т. 62. № 4.

Козинцев А. Г., 1984. Заднескуловая щель как расчленимый признак // Вопросы антропологии. Вып. 74.

Козинцев А. Г., 1987. Краниоскопия и расовая классификация // Советская этнография. № 2.

Куштан Д. П., 2013. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. – Археологічний альманах. № 29. – Донецьк.

Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. – М.

Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г., 1975. Программа и методика определения аномалий черепа // Вопросы антропологии. № 51.

Berry A. C., Berry R. J., 1967. Epigenetic variation in the human cranium // Journal of Anatomy. Vol. 101.

Cesnys G., Pavilonis S., 1982. On the terminology of non-metric cranial traits (Discreta) // Homo. Bd. 33.

Hauser G., De Stefano G. F., 1989. Epigenetic variants of the human skull. – Stuttgart.

Le Double A.F., 1903. Traité des variations des os du crâne de l'homme et de leur signification au point de vue de l'anthropologi et zoologique. – Paris.

Sava E., 2014. Așezări din perioada târzie a epocii bronzului (Noua-Sabatinovka) în spațiul pruto-nistrean. – Chișinău.

Таблица 1. Частоты встречаемости дискретно-варьирующих признаков на черепах с поселения Панагия 1

№	Признак	Панагия 1	
		N	частота
	Sutura frontalis (metopica)	11	0,091
	Sutura frontalis (metopica) inc.	11	0
	Sulcus frontalis	11	0,237
	Foramen frontale	10	0,1
	Ossa suturae coronalis (C1-C2)	9	0
	Ossa suturae coronalis (C3)	3	0
	Os bregmae	9	0
	Ossa suturae sagittalis	10	0,1
	Foramen parietalis (сквозн.)	11	0,545
	Foramen parietalis (несквозн.)	10	0,1
	Os interparietale	9	0
	Os lambdae	9	0,111
	Processus interparietalis	11	0
	Os Incae completum	11	0
	Os Incae bipartitum	11	0
	Os Incae tripartitum	11	0
	Os Incae incompletum	11	0
	Os Incae multipart.	11	0
	Os triquetrum	11	0
	Os quadratum	11	0
	Ossa sut. lambdoidae (L1-L2)	9	0,444
	Ossa sut. lambdoidae (L3)	9	0,222
	Sutura mendosa ↑	8	0
	Sutura mendosa ↓	8	0
	Foramen supraorbitale	7	0,571
	Foramen supraorbitale inc.	8	0,375
	Foramen incisivum bipartitum	7	0,286
	Foramen tympanicum	6	0
	Sulcus sinus transversi	9	0,111

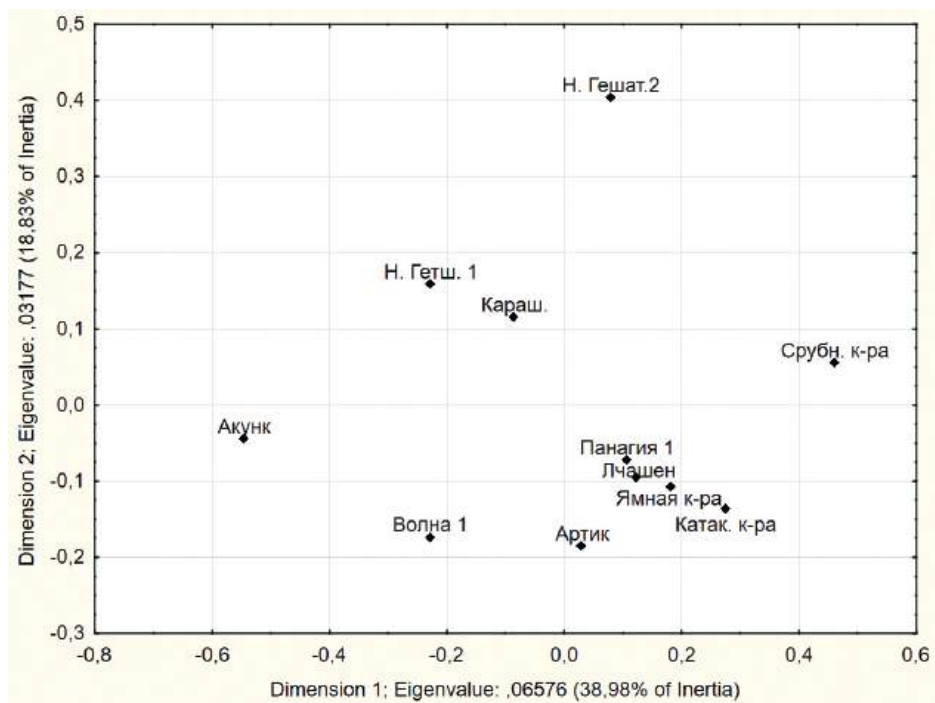

Рис. 1. Результаты анализа соответствия краниологических серий

ОТЧЁТ О РАБОТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТРЯДОВ КРАЕВОГО ЛАГЕРЯ «АЛЬПИНИСТ» В 1999 ГОДУ

Г.Ф. Акимченков,

независимый исследователь, г. Абинск, Россия.

Аннотация. В публикации приводятся итоги археологической разведки, проведённой автором этой публикации силами отрядов краевого лагеря «Альпинист» на территории горной полосы Абинского района Краснодарского края, в среднем течении реки Абин на участке между станицами Шапсугской и Эриванской. Всего было обследовано пять курганных могильников, которые насчитывали от 3 до 78 курганных насыпей, а общее количество курганов насчитывало 188 насыпей. Все могильники были нанесены на карту-схему, а насыпи кратко описаны.

Ключевые слова: Краснодарский край, Абинский район, река Абин, археология, разведка, карта, памятник, могильник, курган, дерево

REPORT ON THE WORK OF THE ARCHEOLOGICAL TEAM REGIONAL CAMP “ALPINIST” IN 1999

G.F. Akimchenkov,

independent researcher, Abinsk, Russia.

Abstract. The publication presents the results of the archaeological exploration carried out by the author of this publication by the forces of

the Alpinist regional camp in the mountain strip of the Abinsk district of the Krasnodar Territory in the middle reaches of the Abin River in the area between the villages of Shapsugskaya and Erivanskaya. In total, five burial mounds were examined, which numbered from 3 to 78 mounds, and the total number of mounds consisted of 188 mounds. All cemeteries were plotted on a schematic map, and the mounds were briefly described.

Keywords: Krasnodar Territory, Abinsk region, Abin river, archeology, exploration, map, monument, burial ground, burial mound, tree

Археологические исследования в краевом спортивно-оздоровительном лагере «Альпинист» предусматривались утвержденной программой лагеря и проводились по заданию КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына (Борзило И. И., 1999), которое предусматривало обследование среднего течения реки Абин на участке между станицами Шапсугской и Эриванской. Работа выполнялась с 13 июня по 12 августа 1999 г. силами учащихся отделения спортивного туризма Абинской ДЮСШ «Виктория» и взвода кадетов из ст-цы. Елизаветинской.

Обнаруженные археологические памятники наносились на карту, и делалось их подробное описание. Всего было обследовано пять могильников с количеством курганных насыпей от 3 до 78, общее количество курганов – 188 насыпей (см. рис. 1).

Курганный могильник Калинин-3

Могильник находится в 3,5 км к западу от ст-цы Эриванской, в лесу на ЮЗ склоне хребта Грузинка, по правому боку Калининской щели, к северу от дороги Шапсугская – Эриванская.

Обследование мы начали с юго-восточного угла могильника от кургана, расположенного в 20 м от ручья, протекающего в Калининской щели.

Курган 1, диаметр в нижней части – 4 м, высота – 0,8 м, материал насыпи – местный грунт; каменная крепидка и многочисленные одиночные камни сверху, в основном мелкие до 20 см, происхождение речное. В южной части большой плоский камень, выросший в землю,

размер – $0,6 \times 0,4$ м, толщину определить не представилось возможным. В северной части старый пенёк, возраст дерева – примерно 350 лет, поперёк насыпи многочисленные деревья – буки.

Курган 2 находится в двух метрах от № 1 (аз. 250°), грунтовая насыпь, диаметр – 4,5 м, верхняя часть срезана старым раскопом, высота оставшейся части – 0,8 м. Старый раскоп имеет форму эллипса – $1,5 \times 1$ м, стенки его оплыли, по верху отдельные камни овражного происхождения до 20 см, две группы деревьев. На юге – бук, 6 стволов от одного корня, возраст – 15–20 лет.

Курган 3 находился в 15 м от № 2 (аз. 225°), грунтовая насыпь, $6 \times 0,5$ м, сильно расплылся, отдельные камни овражного происхождения на севере и на юге у подножья многочисленные буки, возраст – до 40 лет.

Курган 4 находился в 3 м от № 3, грунтовая насыпь, $5 \times 0,7$ м, вокруг следы ровика, отдельные речные камни, в северной и восточной части многоствольные деревья – клен, ясень, бук, в СЗ части мощный пенёк от дерева возрастом до 350 лет, на самом кургане лежит мощный полугнилой обрубок ствола диаметром до 0,6 м.

Курган 5 находился в 3 м от № 4, (аз. 75°), $3 \times 0,2$ м, сильно расплывшийся грунт, отдельные камни овражного происхождения, на С и СВ два многоствольных бука, возраст – до 25 лет.

Курган 6 находился в 1,5 м от № 5, (аз. 75°), $3,5 \times 0,4$ м, сильно расплылся, грунтовый, 5 небольших буков возрастом 15–20 лет.

Курган 7 находился в 1 м от № 4, (аз. 340°), $6,5 \times 0,9$ м, грунт, отдельные камни овражного происхождения, 4 клена – до 15 лет. Между № 7 и № 4 мощный пенёк с двумя стволами, возраст – до 200 лет.

Курган 8 находился в 3 м от № 7, (аз. 90°), $5,5 \times 0,9$ м, грунт, фрагменты крепиды из овражных камней, вокруг деревья – клены.

Курган 9 находился в 8 м от № 8, (аз. 90°), $5,5 \times 0,9$ м, грунт, отдельные камни овражного происхождения, старый расплывшийся раскоп диаметром до 1,2 м. В западной части многоствольный клен возрастом 15–20 лет, на ЮВ у подножья 2 дуба по 30 лет.

Курган 10 находился в 2 м от № 9, (аз. 310°), $4 \times 0,5$ м, грунт, сильно расплылся, отдельные камни овражного происхождения, в северной части клен до полутора десятков стволов, возраст – до 30 лет.

Курган 11 находился в 1 м от № 10, (аз. 60°), 3,5 × 0,5 м, грунт, отдельные мелкие камни овражного происхождения, 3 дуба возрастом до 50 лет.

Курган 12 находился в 2 м от № 11, (аз. 90°), 8 × 1,5 м, грунт, старый расплывшийся раскоп сечением 1,5 × 1 м, очень много деревьев: бук, дуб возрастом до 120 лет, между двумя стволами дуба пень возрастом до 250 лет.

Курган 13 находился в 2 м от № 12, (аз. 35°), 4,5 × 0,9 м, грунт, много камней, старый расплывшийся раскоп 1,2 × 0,7 м, трехствольный граб возрастом 120 лет, вырос от пня, возраст которого не установлен, бук – 7 стволов от одного корня, возрастом до 15 лет.

Курган 14 находился в 4 м от № 13, (аз. 90°), 3,5 × 0,6 м, грунт, отдельные овражные камни, глубокий старый раскоп диаметром до 1,2 м, два многоствольных бука возрастом 25–30 лет.

Курган 15 находился в 2 м от № 14, (аз. 300°), 3 × 1 м, грунт, отдельные овражные камни, много деревьев: буки до 25 лет, поверху муравейник.

Курган 16 находился в 2 м от № 15, (аз. 60°), 6 × 1,2 м, грунт, отдельные овражные камни, по центру старый раскоп размерами 1,5 × 1 м, 5, многоствольные буки возрастом до 60 лет, в восточной части срезано и повалено дерево возрастом до 400 лет.

Курган 17 находился в 3 м от № 16, (аз. 65°), 3 × 0,5 м, грунт, вокруг ровик, отдельные овражные камни, 9-ствольный бук возрастом 25–30 лет.

Курган 18 примыкает к № 17, в северной части 2 × 0,25 м, грунт, отдельные овражные камни, несколько молодых засохших деревьев.

Курган 19 находился в 1 м от № 18, (аз. 280°), 2,5 × 0,35 м, грунт, отдельные камни на СВ и ЮЗ по краям многоствольные буки возрастом 20–25 лет.

Курган 20 находился в 12 м от № 19, (аз. 270°), 7 × 1,5 м, грунт, отдельные камни, старый раскоп диаметром 1 м, около двух десятков деревьев: бук, старший возрастом до 40 лет.

Курган 21 находился в 4 м от № 20, (аз. 270°), 7 × 1,5 м, грунт, отдельные камни, старый раскоп диаметром 1 м, около двух десятков деревьев: бук, старший возрастом до 40 лет.

Курган 22 находился в 5 м от № 21, (аз. 315°), 5,5 × 0,9 м, грунт,

отдельные камни горного происхождения, около 15 стволов деревьев: 3 клена по 8 лет, остальные – буки, старший возрастом до 55 лет.

Курган 23 находился в 4 м от № 22, (аз. 200°), 7 × 1,5 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, мощный старый раскоп диаметром 2,5 м, глубиной 2,5 м, вокруг распался овражный камень, много буков возрастом до 45 лет.

Курган 24 находился в 4 м от № 23, (аз. 165°), 4 × 0,5 м, грунт, сильно расплылся, отдельные овражные камни, бук возрастом 50 лет, граб возрастом 15–20 лет.

Курган 25 находился в 3,5 м от № 24, (аз. 255°), 4 × 0,9 м, грунт, отдельные овражные камни, по центру бук – более 15 стволов возрастом до 40 лет, рядом еще два отдельно стоящих бука.

Курган 26 находился в 3,5 м от № 25, между ними старая дорога и СВ склон кургана подрезан бульдозером на 1/3, поэтому имеет вытянутую форму с СЗ на ЮВ, длина – 6 м, ширина – 3,5 м, грунт, отдельные овражные камни до 0,5 м, группа буков (до 10 стволов) возрастом 55 лет и клен (три ствола) возрастом до 40 лет.

Курган 27 находился в 3 м от № 26, (аз. 195°), 4,5 × 0,9 м, грунт, фрагменты каменной крепиды и отдельные камни сверху, деревьев нет.

Курган 28 находился в 3 м от № 27, (аз. 325°), диаметр – 4,5 м, широкий раскоп 2,5 × 1,5 м, высота оставшейся части – 0,5 м, на СЗ склоне около 10 стволов клен возрастом 15–20 лет.

Курган 29 находился в 1,5 м от № 28, (аз. 240°), 5 × 0,8 м, грунт, в западной части клен, возраст 35 лет.

Курган 30 находился в 1,5 м от № 28 строго на север, (аз. 240°), 5,5 × 0,9 м, грунт, в северо-западной части четко просматривается крепида, выполненная из овражного камня до 35 см, рядом с крепидой к центру многоствольный бук – около 15 стволов, возраст – до 35 лет, в 1 м от кургана – мощный старый пенёк, уже гнилой, возраст – не менее 500 лет.

Курган 31 находился в 25 м от № 30, (аз. 270°), 2 × 0,4 м, грунт, сплошную покрыт овражным камнем, находится на вырубке, почти по центру – свежий пенёк возрастом не менее 200–250 лет. Ниже по склону (аз. 195°) м на расстоянии 15 м, мощный дуб возрастом не менее 500 лет.

Курган 32 находился в 4 м от № 31, (аз. 60°), 4 × 0,5 м, грунт сильно расплылся, камней нет, в юго-восточной части – мощное дерево, граб возрастом 150 лет.

Курган 33 находился в 3 м от № 32, (аз. 90°), 4 × 0,5 м, грунт сильно расплылся отдельные овражные камни, 3 дерева (клен, бук, граб), старшему около 70 лет; в восточной части к подножью кургана примыкает куча камней, ее диаметр – около 1,5 м, высота – до 30 см, камень овражный до 30 см и горный, судя по характеру образования, от прохода бульдозера при рубке леса.

Курган 34 находился в 4 м от № 33 и 2 м от каменной кучи, (аз. 80°), юго-западная часть подрезана проходом бульдозера, длина сохранившейся части кургана – 4,5 м, высота – 0,8 м, на СВ склоне группа деревьев, до 10 штук, возрастом 15–20 лет, грунт, отдельные овражные камни.

Курган 35 находился в 7 м от № 34, (аз. 130°), диаметр 5 м, по центру – старый раскоп диаметром до 1,2 м, грунт, фрагменты крепиды из камня овражного происхождения, более двух десятков стволов – бук возрастом 40 лет; сверху по краю раскопа – камни, раскоп почти полностью заплыл, однако корни деревьев не повреждены, следовательно, ему более 40 лет.

Курган 36 находился в 2 м от № 35, (аз. 345°), 5 × 0,9 м, грунт, отдельные мелкие камни, до десятка деревьев: клен возрастом до 30 лет, бук возрастом до 50 лет.

Курган 37 находился в 2,5 м от № 36, (аз. 80°), диаметр – 5 м, старый раскоп диаметром 1,5 × 0,8 м, высота оставшейся части кургана – 0,7 м, грунт, отдельные камни овражные до 20 см, около десятка стволов: два клена, один бук возрастом 40 лет, раскоп сделан раньше, то есть более 40 лет назад.

Курган 38 находился в 5 м от № 37, (аз. 70°), 5,5 × 0,8 м, грунт, отдельные камни, более десятка деревьев: два клена, остальные – буки возрастом 40–45 лет.

Курган 39 находился в 1,5 м от № 38, (аз. 355°), 4 × 0,4 м, раскопан очень давно, грунт, отдельные крупные камни, четырехствольный бук и дуб возрастом 60–70 лет, судя по тому, что дуб вырос на раскопе, и по тому, как оплыли стенки раскопа, он сделан более 70 лет назад.

Курган 40 находился в 8 м от № 39, (аз. 80°), 4 × 0,6 м, мощная каменная крепида почти до верха камень овражный до 20 см, в северной части – бук возрастом до 40 лет, больше десятка стволов.

Курган 41 находился в 2 м от № 40, (аз. 290°), 6 × 1,5 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, камень овражный до 40 см, много стволов бука возрастом до 60 лет.

Курган 42 находился в 2,5 м от № 41, (аз. 75°), 2,5 × 0,2 м, грунт, камней нет, на северном склоне 2 ствола – бук возрастом до 20 лет.

Курган 43 находился в 2 м от № 41, аз. 50°, 2,5 × 0,4 м, грунт, отдельные камни, в восточной части – пятиствольный бук 25 лет.

Курган 44 находился в 1 м от № 41, (аз. 325°), 3 × 0,5 м, грунт, отдельные овражные камни, деревьев нет.

Курган 45 находился в 1,5 м от № 41, (аз. 255°), 4 × 0,6 м, по центру – старый раскоп 1 × 1 м, грунт, камней нет, 4 многоствольных бука возрастом 35 лет.

Курган 46 находился в 1 м от № 45, (аз. 320°), 5 × 1 м, фрагменты каменной крепиды, камень овражный до 30 см, три группы буков, старшему 70 лет, и клен возрастом 7 лет, старый раскоп 1,5 × 1 м, смещен от центра на ЮЗ.

Курган 47 находился в 1,5 м от № 46, (аз. 50°), 4,5 × 0,8 м, грунт, до десятка деревьев: дуб, орех-лещина, бук возрастом до 20 лет.

Курган 48 находился в 1 м от № 45, (аз. 215°), 4 × 0,9 м, грунт, отдельные камни в северо-западной части, многоствольный бук (более 10 стволов) возрастом 50 лет, по центру – старый раскоп, диаметр – 1 м, корни бука не повреждены, следовательно, раскоп сделан более 50 лет назад.

Курган 49 находился в 1,5 м от № 48, (аз. 280°), 7 × 1,5 м, грунт, фрагменты каменной крепиды в северной части – группа деревьев: клен возрастом до 40 лет, по центру – мощный старый раскоп диаметром до двух метров, глубина – 0,6 м, на дне раскопа – камень 50 × 10 × 10 см.

Курган 50 находился в 3 м от № 49, (аз. 240°), 7 × 1,5 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, в северной части – группа деревьев: клен возрастом до 40 лет, по центру – мощный старый раскоп диаметром до 2 м, глубина – 0,6 м, на дне раскопа камень размерами 50 × 10 × 10 см.

Курган 51 находился в 6 м от № 50, (аз. 255°) 5 × 0,6 м, насыпь повреждена проходом бульдозера, грунт, деревья только вокруг.

Курган 52 находился в 1 м от № 51, (аз. 340°), 5 × 0,7 м, грунт, отдельные камни, дуб с двумя стволами возрастом до 80 лет.

Курган 53 находился в 1,5 м от № 52, (аз. 70°), 6 × 0,9 м, грунт, отдельные камни до 25 см, до десятка деревьев: клен, дуб возрастом до 70 лет.

Курган 54 находился в 5 м от № 53, строго на север, 6 × 1,1 м, грунт, отдельные камни, деревья только по контуру, у кв. 1, пл. 0,20 га, 1997 г.

Курган 55 находился в 1,5 м от № 53, (аз. 75°), 5 × 0,9 м, грунт, отдельные камни, до десятка деревьев: клен, ясень, дуб возрастом 60 лет.

Курган 56 находился в 3 м от № 55, (аз. 55°), 5,5 × 1 м, грунт, отдельные камни, до десятка деревьев: клен, ясень, дуб (возрастом 90 лет), бук.

Курган 57 находился в 2 м от № 56, (аз. 295°), 3,5 × 0,6 м, грунт, фрагменты каменной крепицы, деревьев нет, в северо-западной части – старый гнилой пень.

Курган 58 находился в 6 м от № 57, (аз. 325°), 5 × 0,7 м, грунт, очень старый раскоп, пень от дерева возрастом 250 лет, до десятка деревьев, один дуб возрастом 70 лет, на краю раскопа корни не повреждены, раскоп сделан более 70 лет назад.

Курган 59 находился в 2 м от № 57 строго на север, 6 × 1 м, грунт, отдельные овражные камни до 35 см, три бука возрастом 35 лет.

Курган 60 находился в 2,5 м от № 59, (аз. 110°), 3 × 0,3 м, грунт, до десятка многоствольных буков – 45 лет.

Курган 61 находился в 4 м от № 60, (аз. 330°), 7 × 0,9 м, грунт, мощный раскоп по центру диаметром до 2 м, отдельные камни, вокруг деревья.

Курган 62 находился в 2 м от № 61, (аз. 300°), 2 × 0,25 м, грунт, камней и деревьев нет.

Курган 63 находился в 2 м от № 61 строго на север, 3 × 0,4 м, грунт, отдельные крупные камни, пень от дерева возрастом 200 лет.

Курган 64 находился в 2,5 м от № 61 (аз. 90°), 2,5 × 0,3 м, грунт, много крупных камней речных и овражных до 40 см.

Курган 65 находился в 1,5 м от № 64, (аз. 160°), 4 × 0,9 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, 12 стволов бука и дуб возрастом старше 100 лет.

Большинство курганов в могильнике окружены ровиками, в северной части – многочисленные камни; в отдельных – кучах камней по несколько десятков, размер до 0,5 м. Камни в основном овражного происхождения, взяты, скорее всего, из русла ручья Калининской щели. Изредка попадаются камни, рваные, горного происхождения.

Судя по возрасту деревьев на отдельных курганах (порядка 500 лет), могильник можно датировать XI–XIII вв.

Из 65 курганов в могильнике раскопано 20, причем это все крупные и большая часть средних, сделано это 50–70 лет назад, так как на многих раскопах уже выросли деревья возрастом 40–70 лет. Свежих раскопов нет.

Курганный могильник Калинин-4

Могильник находится примерно в 300 м к западу от предыдущего, если идти от него под прямым углом к Калининской щели, то сначала будет вырубка № 1 – 1, потом – большая сенокосная поляна, посреди поляны – небольшой лесок, в нем в – 6 м скопление камней непонятного происхождения, а выше в густом мелколесье – 3 кургана.

Курган № 1. Прямоугольная вытянутая с севера на юг насыпь 10 × 6 м, высота – 0,8 м, местами просматривается крепида из плоских закругленных камней до 0,4 м, многочисленные деревья.

Курган № 2. Находится в 3 м от № 1, (аз. 210°), диаметр – 5 м, высота – 0,6 м, грунт, вокруг ровик, местами просматриваются фрагменты каменной крепиды, камень овражный до 0,35 м, много мелких деревьев и 6 стволов клена возрастом до 100 лет.

Курган № 3. Находится в 2 м от № 2, (аз. 270°), диаметр – 3,5 м, высота – 0,3 м, каменная крепида, покрыт зарослями кустарников и мелколесьем.

Курганный могильник Калинин-5

Этого памятника можно достичь, если от предыдущего могильника выйти на сенокосную поляну вверх по склону и идти в сторону хребта Грузинка. Сенокосная поляна имеет сложную форму и вдаётся в лес языком вверх по склону. В конце поляны справа в лесу в 20 м от опушки начинается могильник.

Курганы тянутся по лесу вдоль сенокосной поляны с юго-запада на северо-восток, до оврага, вдоль которого сверху вниз идет лесная дорога.

Подойти к могильнику можно от дороги Эриванская – Шапсугская, свернув с нее на опушке сада, на поляне Невечерний мосток сразу за Калининской щелью. По пути встречается 500-летний дуб, и дальше дорога приведет в верхний угол сенокосной поляны к данному могильнику.

Всего в могильнике 17 курганов, все они представляют собой каменные насыпи диаметром 3–4 м и высотой 0,6 м. Камень – овражный, плоский, слегка окатанный песчаник, мелкозернистый, серый, с легким коричневым и бордовым оттенком – признаком наличия железа и ртути.

Курганный могильник Головкиевский-1

Могильник находится примерно в 4 км от ст-цы Шапсугской по дороге к ст-це Эриванской в лесу на южном склоне хребта Грузинка по правому борту щели. Расстояние от дороги до могильника – около 100 м.

Обследование мы начали с южного угла и шли на север, описывая курганы, расположенные между руслом ручья в щели на востоке и безымянным прищелком в западной части, а затем перешли ко второй части могильника, которая начинается от 650-летнего дуба и отделена от основной группы курганов упомянутым прищелком.

Курган № 1. Это самый нижний курган могильника, от него до дороги Шапсугская – Эриванская около 100 м, диаметр – 4 м, высота – 0,5 м, грунт, отдельные мелкие камни речного происхождения. У подножья на ЮВ – дуб возрастом 250–300 лет.

Курган № 2. Находился в 3 м к востоку от № 1, 4 × 0,4 м, грунт, в северной части – каменная постройка, в остальных частях – фрагменты каменной крепиды, камень овражный.

Курган № 3. Находился в 1 м к югу от № 2 1,5 × 0,2 м, грунт, камень овражного происхождения до 0,4 м.

Курган № 4. Диаметр – 5 м, высота – 0,8 м, грунт, отдельные овражные камни до 0,4 м, раскопан, на кургане – дуб возрастом 200–250 лет.

Курган № 5. Находился в 6 м на восток от № 4, 5,5 × 1,2 м, грунт, отдельные мелкие овражные камни, свежий раскоп.

Курган № 6. Находился в 6 м на восток от № 5, 4 × 0,9 м, грунт, отдельные овражные камни, фрагмент каменной крепиды.

Курган № 7. Находился в 1,5 м на восток от № 6, 3,5 × 0,4 м, грунт, наброска из мелкого овражного камня, фрагмент каменной крепиды к обрыву на СВ.

Курган № 8. Находился в 2 м на запад от № 5, 4,5 × 0,9 м, грунт, фрагменты крепиды из овражного камня.

Курган № 9. Находился в 3 м к СВ от № 8, 5 × 1 м, грунт, раскопан очень давно, яма полностью заплыла.

Курган № 10. Находился в 4 м на восток от № 9, 4 × 1,4 м, грунт, раскопан очень давно, яма заплыла, фрагменты мощной крепиды из овражного камня до 0,4 м, дуб возрастом 180 лет.

Курган № 11. Находился в 1 м на СЗ от № 10, 3 × 0,7 м, грунт, отдельные мелкие камни горного происхождения.

Курган № 12. Находился в 5 м к СЗ 4,5 × 0,9 м, грунт, фрагменты крепиды из овражного камня до 0,4 м.

Курган № 13. Находился в 1,5 м на север от № 12, 4 × 0,8 м, грунт, отдельные мелкие камни овражного происхождения.

Курган № 14. Находился в 2 м на восток от № 13, 4,5 × 1,3 м, грунт, раскопан очень давно, граб возрастом 150 лет.

Курган № 15. Находился в 2 м к С от № 14, 4,5 × 0,8 м, грунт, фрагменты каменной крепиды из овражного камня до 0,7 м.

Курган № 16. Находился в 2 м к СЗ от № 15, 4,5 × 1 м, грунт, фрагменты каменной крепиды отдельные камни до 0,3 м.

Курган № 17. Находился в 3,5 м к востоку от № 15, 2 × 0,2 м, грунт, отдельные камни.

Курган № 18. Находился на восток от № 17, $3 \times 0,8$ м, раскопан очень давно, яма заплывла грунтом.

Курган № 19. Находился в 4 м к СВ от № 18, $5,5 \times 1$ м, грунт, фрагменты каменной крепиды, старый заплывший раскоп.

Курган № 20. Находился в 5 м к западу от № 19, $5 \times 0,8$ м, грунт, старый заплывший раскоп.

Курган № 21. Находился в 2 м к западу от № 20, 5×1 м, грунт, имеет правильную вытянутую форму, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 22. Находился в 2 м к северу от № 21, $5 \times 0,9$ м, грунт, фрагменты каменной крепиды из овражного камня до 0,5 м.

Курган № 23. Находился в 3,5 м к востоку от № 22, $4 \times 0,5$ м, грунт, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 24. Находился в 4 м к востоку от № 23, $2,5 \times 0,4$ м, сплошная каменная наброска из мелкого овражного камня до 0,5 м.

Курган № 25. Находился в 1 м к СЗ от № 24, $3 \times 0,3$ м, грунт.

Курган № 26. Находился в 2 м к СЗ от № 25, $4,5 \times 0,8$ м, грунт, фрагменты каменной крепиды из овражного камня до 0,3 м.

Курган № 27. Находился в 10 м к востоку от № 26, $6 \times 0,9$ м, грунт, мощный старый заплывший землей раскоп диаметром 2 м.

Курган № 28. Находился в 4 м к СЗ от № 27, $4,5 \times 0,8$ м, грунт, по кругу – одиночные мелкие овражные камни.

Курган № 29. Находился в 3 м к СВ от № 28, $6 \times 1,3$ м, грунт, одиночные камни.

Курган № 30. Находился в 15 м к западу от № 29, 5×1 м, грунт, фрагменты каменной крепиды из мелкого овражного камня.

Описываемые курганы обрамлены двумя оврагами, площадь могильника имеет конфигурацию в виде ромба.

Курган № 31. Находился в 4 м к северу от № 30, 5×1 м, грунт, неправильная круглая форма, одиночные камни.

Курган № 32. Находился в 3 м к ЮВ от № 31, $6 \times 1,4$ м, грунт, насыпь правильной выпуклой формы, камней нет.

Курган № 33. Находился в 9 м к востоку от № 32, $3,5 \times 0,5$ м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 34. Находился в 1,5 м к СВ от № 33, $4,5 \times 0,9$ м, грунт, одиночные камни.

- Курган № 35. 1,5 м к СЗ от № 34, 2,5 × 0,3 м, грунт, одиночные круглые камни.
- Курган № 36. Находился в 1,5 м к З от № 35, 4,5 × 1 м, грунт, одиночные мелкие камни, мощный старый раскоп диаметром до 1,5 м.
- Курган № 37. Находился в 2,5 м к западу от № 36, 3 × 0,6 м, грунт, камней нет.
- Курган № 38. 3,5 м к ССВ от № 37, 2,5 × 0,3 м, грунт, одиночные мелкие камни.
- Курган № 39. Находился в 5 м к ЮЮВ от № 38, 2,5 × 0,4 м, грунт, много камней овражного происхождения.
- Курган № 40. Находился в 3 м к ЮВ от № 39, 3,5 × 0,7 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, камень овражный.
- Курган № 41. Находился в 1,5 м к северу от № 40, 5 × 1,5 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, камень овражный до 30 м.
- Курган № 42. Находился в 5 м к западу от № 41, 3,5 × 0,4 м, грунт, отдельные овражные камни до 0,3 м.
- Курган № 43. Находился в 1,5 м к северу от № 42, 6 × 1,2 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, камень овражный до 0,4 м.
- Курган № 44. Находился в 5 м к востоку от № 43, 2 × 0,2 м, грунт, мощная каменная крепида, камень овражный до 0,6 м.
- Курган № 45. Находился в 3 м к СЗ от № 44, 3 × 0,8 м, фрагменты каменной крепиды, камень овражный.
- Курган № 46. Находился в 1,5 м к ССВ от № 45, 3,5 × 0,8 м, грунт, фрагменты крепиды, камень овражный до 0,5 м.
- Курган № 47. Находился в 5 м к ССЗ от № 46, 4 × 0,7 м, грунт, каменная наброска, отдельные камни.
- Курган № 48. Находился в 8 м к западу от № 47, 5 × 0,7 м, грунт, одиночные мелкие камни.
- Курган № 49. Находился в 3 м к югу от № 48, 4,5 × 0,9 м, фрагменты крепиды, камень овражный.
- Курган № 50. Находился в 20 м к ССЗ от № 49, 4,5 × 0,7 м, грунт, отдельные камни овражные до 30 см.
- Курган № 51. Находился в 3 м к востоку от № 50, 4 × 0,7 м, грунт, одиночные мелкие камни овражного происхождения.
- Курган № 52. Находился в 2,5 м к СВ от № 51, 5 × 1,4 м, грунт, отдельные камни овражные.

Курган № 53. Находился в 2 м к СВ от № 52, 4 × 0,6 м, грунт, старый заплывший раскоп.

Курган № 54. Находился в 1,5 м к СЗ от № 53, 4,5 × 1,1 м, грунт, отдельные камни овражные до 25 см.

Курган № 55. Находился в 8 м к ЮЗЗ от № 54, 4,5 × 0,9 м, фрагменты крепиды, камень овражный.

Курган № 56. Находился в 1,5 м к ССВ от № 55, 3 × 0,4 м, грунт, крепида, камень овражный.

Курган № 57. Находился в 1,5 м к ССВ от № 56, 6 × 1,6 м, грунт, мощная крепида, камень овражный до 0,5 м.

Курган № 58. Находился в 2,5 м к востоку от № 57, 3,5 × 0,6 м, грунт, мелкий камень.

Курган № 59. Находился в 1,5 м к ССЗ от № 58, 4 × 1,1 м, грунт, фрагменты крепиды, камень овражный до 35 см.

Курган № 60. Находился в 6 м к западу от № 59, 5 × 1 м, грунт, правильная вогнутая форма насыпи, четкий ровик вокруг, фрагменты крепиды, камень овражный до 0,3 м.

Курган № 61. Находился в 15 м к ССВ от № 60, 8 × 1,8 м, грунт, отдельные камни по периметру.

Курган № 62. Находился в 3 м к СЗ от № 61, 4 × 0,8 м, грунт, отдельные камни овражные до 30 см.

Это последний курган в верхней (северной) части могильника, дальше – лес. В средней части могильника в северо-западном углу на расстоянии 20 м на ЮЗ – огромный дуб, возраст – не менее 650 лет. Это свидетельство того, что могильник существует не менее 700 лет, т. е. его можно датировать XII–XIII вв.

От старого дуба к ЮЮЗ расположена группа курганов, отделенная от основной площади могильника оврагом. Эта вторая половина начинается от середины основного могильника и тянется на юг, самым верхним северным курганом является № 63.

Курган № 63. Диаметр кургана – 5 м, высота – 0,8 м, в насыпи – множество нор диких пчел.

Курган № 64. Находился в 15 м к ССЗ от № 63, 4,5 × 0,6 м, грунт, отдельные камни овражные до 0,3 м.

Курган № 65. Находился в 4 м к ЮЗ от № 64, 5,5 × 0,9 м, грунт, фрагменты крепиды, камень мелкий речной.

Курган № 66. Находился в 3,5 м к Ю от № 65, 6 × 1,2 м, грунт, фрагменты крепиды, камень мелкий овражный до 0,2 м.

Курган № 67. Находился в 5 м к востоку от № 66, 5,5 × 0,8 м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 68. Находился в 3 м к ЮВ от № 67, 5,5 × 0,9 м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 69. Находился в 3 м к ЮЮЗ от № 68, 3,5 × 0,8 м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 70. Находился в 2 м к ССЗ от № 69, 6 × 1,1 м, грунт, мощная каменная крепида, камень овражный до 0,4 м. В двух метрах на юге – дуб возрастом 200–250 лет.

Курган № 71. Находился в 4 м к западу от № 70, 4 × 0,6 м, грунт, фрагменты крепиды, камень овражный до 0,4 м.

Курган № 72. Находился в 4 м к ЮЗЗ от № 71, 5 × 1 м, грунт, отдельные камни овражные до 0,5 м.

Курган № 73. Находился в 2,5 м к ЮВ от № 72, 5 × 0,7 м, грунт, фрагменты крепиды, камень овражный до 0,4 м.

Курган № 74. Находился в 16 м к ЮЮЗ от № 73, 3,5 × 0,6 м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 75. Находился в 2 м к З от № 74, 4 × 0,6 м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 76. Находился в 5 м к ЮЮЗ от № 75, 5 × 0,5 м, грунт, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 77. Находился в 2 м к западу от № 76, 4,5 × 0,6 м, грунт, одиночные мелкие камни.

Курган № 78. Находился в 1,5 м к западу от № 77, 5,5 × 1 м, грунт, строго на восток у подножья куча камней диаметром 1,2 м, высотой до 0,3 м; камни плоские, овражные, слегка окатанные до 0,5 м.

В могильнике грабителями раскопано 11 курганов, в основном это крупные курганы.

Курганный могильник Адегойский-17

Могильник находится под вершиной Свинцовой, на южном склоне, за третьим бродом справа от дороги Шапсугская – Кабар-

динка, на левом берегу реки Адегой. Обследование мы начали с юго-восточного угла могильника.

Курган № 1. Диаметр 6 м, высота – 0,6 м, грунт, фрагменты каменной крепиды, камень рваный горного происхождения, мелкозернистый плотный темно-серый песчаник.

Курган № 2. Находился в 1,5 м к ССЗ от № 1, 3 × 0,4 м, грунт, по центру – очень старый полностью заплывший раскоп. У подножья на восток – трехствольный дуб возрастом 70 лет.

Курганы № 1 и № 2 находятся на высоком левом берегу реки Адегой и с двух сторон обрамлены глубокими оврагами, впадающими в реку.

Курган № 3. Находился в 50 м к западу от № 2, 5 × 0,7 м, грунт, фрагменты крепиды, камень овражный, к югу от центра – окоп, оставшийся со времен Великой Отечественной войны, грунт оплыл, окоп сверху обложен камнями.

Курган № 4. Находился в 20 м к северу от № 3, 4 × 0,9 м, грунт, фрагменты крепиды, сверху – камни овражного происхождения.

Курган № 5. Находился в 2 м к западу от № 3, 2 × 0,7 м, грунт, отдельные камни овражные.

Курган № 7. Находился в 15 м к северу от № 6, 4,5 × 1 м, грунт, фрагменты крепиды, камень овражный, в западной части – мощный дуб с двумя стволами возрастом 400–450 лет.

Курган № 8. Находился в 2 м к северу от № 7, 4 × 1 м, грунт, мощная крепида, камень плоский овражный до 0,6 м.

Курган № 9. Находился в 1,5 м к ЮЗ от № 8, 6 × 1,4 м, грунт, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 10. Находился в 1 м к югу от № 9, 4,5 × 0,8 м, грунт, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 11. Находился в 12 м к ЮЮЗ от № 10, 6,5 × 1 м, грунт, фрагменты крепиды, верх обложен камнями овражного происхождения до 0,5 м.

Курган № 12. Находился в 3 м к западу от № 11, 5,5 × 0,7 м, грунт, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 13. Находился в 9 м к западу от № 12, 5 × 1 м, грунт, отдельные круглые камни овражные до 0,6 м. В южной части кургана в войну был сооружен глубокий блиндаж 3 × 2,5 м с выходом на ЮВ.

Курган № 14. Находился в 4 м к СЗЗ от № 13, $5 \times 0,9$ м, грунт, по центру старый заплывший раскоп, вокруг круглые овражные камни, в юго-восточной части к кургану примыкает целая система оборонительных сооружений в виде траншей, в западной части – ствол поваленного дуба возрастом не менее 600 лет.

Линия курганов № 11, 12, 13, 14 использовалась в оборонительных целях в годы войны, с юга к ней примыкает до 10 окопов и блиндажей, большинство из них выкопаны на курганах, и трудно определить, где разрытый курган, а где блиндаж или окоп на кургане.

Курган № 15. Находился в 25 м к ЮЮЗ от № 14, $6 \times 0,8$ м, грунт, отдельные камни овражные, плоская вершина и валик через центр.

Курган № 16. Находился в 30 м к СВ от № 15, $3,5 \times 0,6$ м, грунт, мощная каменная крепида, вершина обложена камнями.

Курган № 17. Находился в 5 м к СВ от № 16, $3 \times 0,4$ м, грунт, фрагменты каменной крепиды.

Курган № 18. Находился в 1 м к ЮЮЗ от № 17, $3 \times 0,6$ м, грунт, мощная крепида из камней до 0,6 м.

Курган № 19. Находился в 4 м к З от № 18, $2,5 \times 0,5$ м, грунт, каменная крепида, из камней до 0,3 м.

Курган № 20. Находился в 2 м к ССВ от № 19, $2,5 \times 0,4$ м, грунт, мощная крепида и наброска.

Курган № 21. Находился в 15 м к ССВ от № 20, 4×1 м, грунт, мощная крепида, из камней до 0,4 м, старый оплывший раскоп диаметром 1 м.

Курган № 22. Находился в 2 м к С от № 21, $4 \times 0,8$ м, грунт, мощная каменная крепида.

Курган № 23. Находился в 3 м к ЮЗЗ от № 22, $6 \times 1,3$ м, грунт, мощная крепида, из овражных камней до 0,5 м.

Курган № 24. Находился в 7 м к ССЗ от № 23, $4 \times 0,8$ м, грунт, мощная крепида, из овражных камней.

Курган № 25. Находился в 1,5 м к СЗЗ от № 24, 5×1 м, грунт, мощная крепида, из камней до 0,5 м, по центру – очень старый оплывший раскоп, возможно, окоп времен войны.

Описание закончили в верхней части могильника на СЗ, высоко на склоне.

ЛИТЕРАТУРА

Борзило И.И., 1999. Научное задание по археологии. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. № 158 от 25.06.1999 // Личный архив автора.

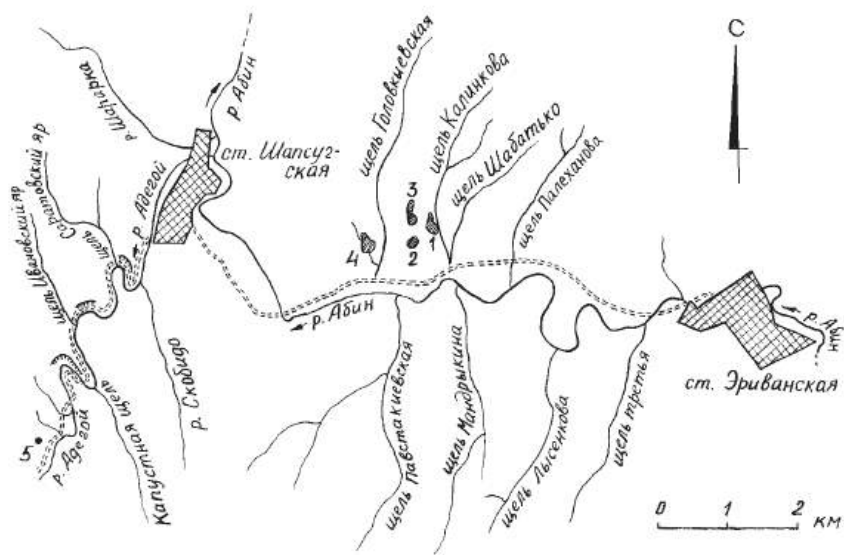

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников верхнего течения реки Абин между станциями Шансугской и Эриванской: 1 – могильник Калинков-3; 2 – могильник Калинков-4; могильник Калинков-5; 4 – могильник Галавкиевский-1; могильник Адегойский-17

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ВОИНСКОГО СОСЛОВИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В КОНЦЕ II – НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

С.Б. Бурков

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия–
Алания, г. Владикавказ

Аннотация: В работе изучается взаимозависимость экономического, природно-климатического, социального, военного факторов при формировании комплекса условий для появления новой социальной страты – воинского сословия. Материальную основу составляют предметы вооружения и конского снаряжения, а также новые формы погребально-поминальной обрядности финального этапа позднего бронзового века и в начальные века I тыс. до н.э. Выяснение характера формирования страт военно-престижной доминанты, условий для повышения мобильности, её дальнейшее преобразование в новый социальный слой, составляют основное содержание исследования.

Ключевые слова: вооружение, всадники, мобильность, миграция, война

ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE MILITARY CLASS IN THE TERRITORIES OF THE NORTH-WESTERN CAUCASUS AND CENTRAL PRE-CAUCASUS AT THE END OF II – BEGINNING OF I MILLENNIUM BC

S.B. Burkov

Institute for History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz

Abstract. The research studies linkages of economic, climatic, social, and military factors in the formation of a set of conditions for the emergence of a new social stratum – the military class. The material basis consists of items of weapons and horse equipment, as well as new forms of funeral and memorial rites of the final stage of the late Bronze Age and in the early centuries of I millennium BC. Clarification of the nature of the formation of the strata of the military-prestigious dominant, the conditions for increasing mobility, its further transformation into a new social layer, constitute the main content of the study.

Keywords: weapons, horsemen, mobility, migration, war

Вопросы, связанные с переформатированием этнокультурных сообществ как Центрального Предкавказья, так и Западного Кавказа в эпоху кардинальных хозяйственных и иных изменений финальной стадии ПБВ и начала РЖВ, изучаются давно и результативно. В основном они касаются проблем развития археологических культур, происходящих на фоне природно-климатических, социокультурных, антропологических изменений, перестройки прежних и возникновения новых хозяйственно-культурных типов. Исследуется и проблематика развития и совершенствования различных типов и видов вооружения, возникновение новой социальной страты – вооруженных всадников, которая в преобладающем большинстве работ рассматривается с этнокультурных позиций.

Территория Северного Кавказа, особенно – его северо-западная

часть, начиная с эпохи энеолита, являлась зоной активного перемещения различных групп населения, ведущего подвижный образ жизни. Эти процессы особенно интенсивно фиксируются для финала эпохи СБВ – начала ПБВ, когда в степь выходят значительные группы восточно – кавказского населения. В это время началось формирование истоков новых культурных традиций, которые стали определяющими в следующий исторический период, связанный с ПБВ. Основой хозяйства этих подвижных групп населения составляло скотоводческое направление, которое было свойственно и населению майкопско–новосвободненской, ямной, катакомбной и северокавказской КИО. В таких сообществах уровень и характер вооруженности, умение им владеть, во многом означали гарантию защищенности контролируемой территории, а также возможности по её расширению, присвоению необходимых продуктов жизнедеятельности более слабых в экономическом и военном отношении коллективов. Эти процессы нашли свое отражение в погребальной обрядности. Наличие в так называемых «престижных» захоронениях разнообразных предметов вооружения, элементы особых погребально-поминальных церемониалов показывают это. Для более ранних эпох этим, в основном, подчеркивался лишь социально маркированный вождеский статус усопших (Кореневский, 2017). И лишь эпоха финала ПБВ демонстрирует нам явные следы формирования новых социальных страт, связанных с появлением вооруженных групп вначале внутри этно-коллективов, а затем – и на межэтнической основе, для которых умение владеть оружием и война как способ существования становятся основой быта. Исследователи (С.Н. Дударев, В.И. Козенкова, В.Б. Ковалевская, и др.) отмечают феномен бурного развития воинско-всаднического комплекса на Кавказе и его возвратное доминирующее влияние на культуру северных территорий. Оно произошло в результате переселения части северокавказских этносов в степь и лесостепь. По мнению С.Б. Вальчака носителей новочеркасского культурного комплекса не следует связывать с кочевой средой как формой хозяйства и быта, в основе которого лежало экстенсивное скотоводство. Это была группа вооруженных всадников, главным способом материального обеспечения которых выступало исключительно присвоение чужой

собственности (Вальчак, 2009, с. 92–94). Приведенный выше пример очень точно, на наш взгляд, показывает, как именно произошло обособление функций военного от хозяйственного лидерства. Появление конных группировок является еще одним общественным разделением труда, наряду с выделением скотоводства в отдельную производственную отрасль, а торговцев, ювелиров или ремесленников в – специализированные группы.

В этой связи основной задачей нашего исследования является установление причин, времени, форм и характера таких изменений, в условиях которых происходили процессы формирования воинского сословия, которые документированы археологическими материалами конца II – начальных веков I тыс. до н.э.

Данная тема ранее становилась предметом научных исследований (Р.Н. Мирзоев, Г.А. Ломтатидзе, С.А. Есаян, К.Х. Кушнарева и М.В. Рысин, М.В. Горелик, В.И. Козенкова, С.Н. Кореневский, С.Л. Дударев, А.Б. Белинский, Н.И. Шишлина, В.В. Дворниченко, С.Н. Братченко, И.Н. Медведская, Т.Н. Нераденко, С.Б.Бурков, А.А. Клещенко).

Вплоть до настоящего времени основное внимание исследователей, изучающих предметы вооружения, было сосредоточено на составлении их сводок, «выстраивании» типологических схем появления и развития данной категории материальной культуры, и значительно реже – способам применения, а также проблемам формирования воинских контингентов и ведения боевых действий. В то же время, вопросам формирования воинского сословия, как особой социальной группы в сообществах финальной стадии ПБВ, посвящены лишь немногие статьи или небольшие разделы монографий, изучающих древности Северного Кавказа (В.И. Марковин, С.Н. Кореневский, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев, Р.А. Мимоход) и Закавказья (С.А. Есаян, К.Х. Кушнарева и М.В. Рысин, М.Н. Погребова) конца II – начала I тыс. до н.э. Как отдельные разделы, данная проблематика присутствует и в ряде диссертационных исследований (В.И. Козенкова, С.Л. Дударев, Т.Н. Власова (Нераденко), Р.А. Мимоход, Х. (В). Т. Чшиев). Единственным комплексным исследованием, в котором, помимо типологии предметов вооружения, рассматриваются и вопросы формирования воинских контингентов этого

времени, является монография В.И. Козенковой (Козенкова, 1995). В нем подчеркнута взаимосвязь между кардинальными изменениями, происходившими в это время в экономике, социальных отношениях, предметах вооружения, военной тактике, а также погребальной обрядности, в которой нашли своё зримое отражение эти процессы. Важнейшим из них признается использование для ведения боевых действий лошади, совершенствование конского убора и дистанционных видов вооружения.

В изучаемое время, с началом активного использования лошади в военных предприятиях, во-многом связанного с изобретением и совершенствованием «жесткой» металлической узды, формируются группы конных воинов. В их арсенале начинает преобладать оружие дальнего боя, что приводит к новой тактике его применения. Это создает возможности для оформления и выделения специализированного воинского сословия, которое в дальнейшем самым серьезным образом трансформирует многие элементы социального устройства древних сообществ на изучаемых нами территориях, которые фиксируются в погребальной обрядности. Для того чтобы иметь возможность делать на этот счет определенные выводы, нам необходимо с помощью археологических источников установить материальную основу этих событий.

В этой связи нами изучаются материальные свидетельства, применительно к процессам финальной стадии ПБВ – начального этапа РЖВ, связанного с процессами формирования кобанской археологической культуры и других культурных образований, которые на раннем этапе оказали на неё определенное влияние, а также кобяковской археологической культуры и протомеотских памятников. Они тоже являются важной составной частью при изучении процессов формирования воинского сословия на изучаемой нами территории.

Исследователи, занимающиеся проблемами финального этапа ПБВ, подчеркивают, что главной причиной появления всадников как нового рода войск, а также их важного места в общей системе применения вооружений, явились кардинальные перемены в хозяйственном устройстве, связанные с изменением природно-климатических условий. Иссушение климата привело к необходимости перехода на новую хозяйственную модель, связанную с постоянной сменой

территории – вначале подвижного, а затем – и кочевого скотоводства. Начинается освоение новых эколого-географических ниш, что подразумевает активное перемещение не только незначительной части населения, непосредственно связанных с уходом за скотом, но и целых культурных групп. Эти процессы нашли свое отражение в распространении на другие территории их бытовых и погребальных традиций и церемониалов. Если ранее культурные связи устанавливали и поддерживали небольшие специализированные группы, занимающихся обменом или металлургией, то теперь это было связано с переселением больших групп населения, образующих анклав, создающих новые традиции, формирующие эклектичные в своей основе сообщества с различным этническим и культурным наполнением. При этом роль вооруженности, повышение статусности его владельцев становилась тем выше, чем большее значение приобретала безопасность и защищенность переселенцев. Однако почему именно в финальную эпоху ПБВ это стало приводить к таким кардинальным переменам? Ведь и для эпохи финала РБВ – начального этапа СБВ фиксируются достаточно серьезные изменения в климате (Мельник, 2010, с. 242–243). Материалы ряда археологических культур того времени (ямной, катакомбной, северокавказской КИО) показывают их подвижный характер. Так, на поселении Ботай эпохи энеолита на зубах лошадей были найдены следы от удил. Подвижное и даже кочевое скотоводство признается у носителей ямной культуры, которые разводили домашних лошадей (Калиева, Логвин, 2011, с. 85, 88, 90, 92). Перемещения больших групп населения в эпохи РБВ-СБВ порой приводили к формированию новых археологических культур, к смене или серьезному переформатированию погребальных традиций. Но при этом сохранялся прежний тип производственной базы – комплексного, в своей основе, хозяйства. С изменением природных или иных условий существования та или иная его составляющая, связанная либо с земледелием, либо со скотоводством любой формы, становились на какое-то время преобладающей. Иногда их основой становился иной элемент (например – рыболовство для ряда локальных групп кобьяковской культуры). Однако и в этом случае другие виды производящего хозяйства продолжали существовать. Но ранее ни одно из древних сообществ

не имело своей базой только какую-нибудь одну отрасль хозяйства, в том числе – скотоводство. В рамках одной общины могли практиковаться его различные типы. На это оказывало влияние видовой и половозрастной состав стада, внутриобщинное разделение труда, различия в имущественном и социальном отношении. Группы населения могут осваивать различные ресурсные зоны по выпасу скота, практиковать различные способы его содержания, а значит – вести различный образ жизни (Бунятян, 1992). При нарушении баланса комплексного хозяйства в сторону его скотоводческой специализации, которое в условиях предгорных равнин начинает приобретать всё более подвижные черты, увеличивается и роль лошади в стаде. Это создавало предпосылки для перехода к полукочевому, а затем – и кочевому скотоводству (Отрощенко, 1986, с. 144).

По мнению Л.С. Клейна стимулом, побуждавшим к развитию кочевания и увеличению стад, был следующий комплекс причин: стихийные бедствия, соображения престижа и возможность обмена легко отчуждаемой чужой собственности. Такой способ получения материальных благ, как военные предприятия, был более производительным в том смысле, что давал отдельной группе людей гораздо больше продукта, чем любой другой способ при меньшем вложении труда. Именно в угоне и охране стад кочевание давало ощутимые преимущества. Однако для того, чтобы война стала постоянным промыслом (или видом труда, по К. Марксу), у него должно быть свое техническое обеспечение. По Л.С. Клейну такие условия появились в железном веке (строгие металлические удила, железное оружие, и прежде всего – небольшой скифский лук). Благодаря военным преимуществам кочевого быта теперь появление даже небольшого количества кочевников в доступном для кочевания ландшафте должно было обратить к кочеванию всех. Возникновение кочевничества сыграло важную роль в зарождении масштабных миграций. Подвижное же пастушество в ряде регионов Европы было уже в позднем неолите (Клейн, 1979, с. 31–35). На наш взгляд, довод о возможности обмена легко отчуждаемой чужой собственности является важным, но и его можно применить к материалам до начала финальной стадии ПБВ. В этот перечень нужно добавить резко возросшую мобильность тех, кто мог это «технически» выполнить, а также появ-

ление «жесткой» конской узды, позволявшей всаднику единолично управлять лошастью, которая в таком качестве стала использоваться не ранее последних веков II тыс. до н.э. (Погребова, 2013, с. 353–356). Ведь до её изобретения даже стрельба из лука с лошади велась с помощью специального «помощника», удерживавшего животное (Ковалевская, 1977, с. 82, 83). Немаловажное значение имело и совершенствование посадки всадника, позволявшего осуществлять выстрел на скаку. Эти приемы появились только в финальной стадии ПБВ. Что касается лука так называемого «скифского» типа, то его прототипы, как и сама форма, были известны племенам степной зоны, Южного Урала, Кавказа и Китая уже в эпоху бронзы (Бурков, 2019). Еще одним фактом могло служить выделение из большой патриархальной малой семьи. Начальный этап этих преобразований приходится на финальную стадию ПБВ. В небольших по численности коллективах сосредотачиваются значительные материальные (и престижные), легко отчуждаемые ресурсы в виде скота, что приводило к необходимости усиливать меры по его охране. Резко возрастает потребность в поиске новых пастбищ, которые также требуется оберегать. Это приводит к увеличению продолжительности и дальности передвижения не только конных пастухов, обеспечивающих функцию охраны, но и части населения определенной этнокультурной группы. С ростом поголовья скота придомное скотоводство стало преобразовываться в пастушескую форму (отгонное скотоводство). При этом к отгонному скотоводству могла переходить только часть племени, причём – незначительная (Руденко, 1961, с. 12). Собственники скота получили новый стимул для увеличения его поголовья. Наличие больших имущественных ресурсов приводило и к значительным изменениям в обществе. Появились новые виды социальных отношений и общественные структуры, которые вели к разложению родовых связей. Усилились столкновения между отдельными группами, что, в свою очередь, стимулировало их подвижность (Марков, 2006, с. 26). Происходит обособление функций военного и хозяйственного лидерства. Увеличение плотности населения вело к усилению борьбы за обладание землями (Дударев, 1984, с. 19, 21, 28). Материальные свидетельства миграционных факторов в культурно-исторических процессах на территории Центрального

Предкавказья содержат захоронения различных, в основном, курганных, памятников изучаемого нами времени. Начальный этап этих процессов приходится на финальную стадию СБВ и начальный этап ПБВ. Помимо лонинской археологической культуры, они документируются погребениями архонской, бамутской, неженской культурных групп. Начальный вектор перемещения – предгорья и равнинные зоны Северо-Восточного Кавказа. В ходе этих событий возникают новые культурные образования (кобяковская культура), другие культурные группы.

На раннем этапе формирования кобанской культуре были свойственны миграционные процессы. Отгонное скотоводство со значительным территориальным диапазоном перемещения стад было насущной потребностью горского овцеводства и должно было побуждать кобанцев к завоеванию позиций на плоскости. Хозяйственно – культурный тип мигрантов на начальном этапе можно охарактеризовать как подвижно – пастушеский, а затем – как кочевой, в стаде растёт роль лошади. Изменение в конце II – начале I тыс. до н.э. природно-климатических условий вполне могло послужить катализатором для начала миграционных процессов, причём – не только с гор в предгорные долины и далее на плоскость, но и в степные районы. Это, в свою очередь, могло способствовать и корректировке состава стада, а в дальнейшем – привести и к замене одного типа скотоводческой модели (придомного, отгонно-яйлажного), на более подвижную форму – перегонного в горизонтальной, вместо привычной вертикально-зональной, плоскости. Следующий шаг – переход на кочевую модель, что приводило и к существенной корректировке в погребально-поминальной обрядности, когда захоронение умерших в подкурганном пространстве не только переставало восприниматься как чуждое и инокультурное действо, но со временем становилось потребностью, в связи с переходом в иной производственный и социокультурный статус.

Социальная значимость конных воинов возрастает, и наличие в курганах финала ПБВ впускных захоронений с кобанским инвентарём, совершённых с элементами кочевых традиций, должно рассматриваться скорее как фиксация изменений в социально – престижном плане, что подразумевает влияние кочевнических традиций, но

лишь с точки зрения смены культурно – хозяйственного типа. Вполне вероятно, что именно эти процессы документируют редкие находки вещей кобанского типа – браслетов, привесок в виде кистей рук, керамики, бронзовых серпов, предметов вооружения, лошадиной сбруи в насыпях курганов из разрушенных погребений и кладов.

Особо следует отметить погребения с инвентарем условно «кавказского» типа и погребальными традициями, свойственными населению равнин. Мы считаем, что при анализе захоронений погребений с инвентарём так называемого «смешанного типа» и рядом черт, свойственных как кобанским, так и степным древностям, основная ошибка исследователей состоит в самом подходе. При этом учитываются сразу две различные, по своей природе, категории: тип хозяйства (раннекочевнический), которому соответствуют определённые погребальные практики, и этнокультурная принадлежность погребения. Факторы, которые влияли на присутствие в погребальной практике «кобанцев» обряда захоронения в курганах, могли быть различными, основанными на производственном компоненте (подвижное скотоводство), с учётом социально – престижных (военизированный контингент) и погребальных традиций предшествующего времени. Их применение происходило в конкретно – исторических условиях контактной зоны предгорных равнин как особой эколого – географической зоны.

В результате мы приходим к выводу, что именно на финальной стадии ПБВ начинают формироваться условия, которые для территории Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья стимулируют появление новой социальной страты – конных стрелков. Они не только создают совершенно новые условия и формы применения предметов вооружения, но и создают новые приемы в ведении боевых действий. Это способствует кардинальному изменению всей номенклатуры вооружения, совершенствования уже существующих его типов и видов. При этом самым серьезным образом трансформируется социальное устройство общества, что находит свое опосредованное отражение и в погребальной обрядности. Резко возросшая мобильность воинских контингентов, увеличение его численности, приводит к формированию нового социального слоя выполняющего роль военизированного подразделения и социально обособленного

от прочих членов родоплеменной группы. Механизмы её складывания, вполне вероятно, могли подразумевать включение в свой состав и иноплеменников. Этот процесс должен изучаться в контексте формирования и выделения военной элиты – вождества как прообраза специализированных набеговых военных отрядов, осуществлявших дальние рейды. Они становятся элементом нового этнокультурного сообщества с функциями защиты от внешних угроз, но обладающих правом на заметную часть общественного продукта, которая может восприниматься современными исследователями как дань с подчинённых им коллективов. Процессы создания племенных, а также – межплеменных военизированных групп – прообраза дружин последующего этапа – объективно и параллельно сопровождалось переустройством социальных связей внутри всего родоплеменного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Бурков С.Б., 2019. Луки и стрелковый инструментарий у племен Кавказа и Закавказья в середине II – середине I тыс. до н.э. по археологическим материалам // Известия Юго-Западного государственного университета: Серия: «История и право». Том № 9. № 5.

Бунятян Е.П., 1992. О критериях типологии скотоводства // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти В.И. Тереножкина, 25–28 мая 1992 г. (Ред.: Б.Д. Михайлов, Б.Н. Мозолевский, М.А. Скорый). – Мелитополь.

Вальчак С.Б., 2009. Конское снаряжение первой трети I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М.

Дударев С.Л., 1984. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX – VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный.

Калиева С.С., Логвин В.Н., 2011. К проблеме истоков кочевничества в азиатских степях // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (47).

Клейн Л.С., 1979. Проблема Возникновение кочевого скотовод-

ства // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Материалы 1-ой Всесоюзной археологической конференции (Отв. ред.: А.И. Мартынов). – Кемерово.

Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. Пути и судьбы. – М.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. Вып. В 2 – 5. – М.,

Корневский С.Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тыс. до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Поднепровье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. – М.

Марков Г.Е., 2006. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. – М.

Мельник В.И., 2010. Колебания климата и проблема синхронизации культурно-исторических процессов на Кавказе и Ближнем Востоке в III–II тыс. до н.э. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции (Гл. Ред.: М.Б. Мужухоев). – Магас.

Отроценко В.В., 1986. Белозёрская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев.

Погребова М.Н., 2013. Кони в древней истории Кавказа // Последний энциклопедист: к юбилею Б.А. Литвинского. – М.

Руденко С.И., 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Доклады за 1958–1961 гг. Вып. 1 (Отв. ред.: С.И. Руденко). – Л.

КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА УТАШ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

С. Б. Вальчак,

Институт археологии РАН, Москва

Аннотация. В статье представлены семь из нескольких десятков археологических комплексов, которые были раскопаны на курганном могильнике Уташ в Краснодарском крае в 2007–2008 годах. В результате раскопок была вскрыта площадь в 2,5 гектара и исследовано девять курганов. На могильнике обнаружены погребения и ритуальные комплексы ямной и катакомбной культурно-исторических общностей, северокавказской культуры, периода поздней бронзы и раннего железного века. Кроме того, обнаружено поселение, которое предположительно датируется эпохой поздней бронзы. Исследованные комплексы дали многочисленный и интересный материал, существенно дополняющий наши знания об археологических культурах, их последовательности и распространении на территории Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: курганный могильник, Северо-Западный Кавказ, археологические комплексы, эпоха бронзы, погребения

THE CATACOMB BURIALS OF THE BURIAL GROUND UTASH IN THE KRASNODAR TERRITORY

S.B. Valchak,

Institute of Archeology RAS, Moscow

Abstract. The article presents seven of several dozen archaeological complexes that were excavated at the Utash burial mound in the Krasnodar Region in 2007–2008. As a result of the excavations, an area of 2,5 hectares was uncovered and nine mounds were examined. Burials and ritual complexes of the Pit-grave and Catacomb cultural and historical communities, the North Caucasian culture, the period of the Late Bronze Age and the Early Iron Age were found on the burial ground. In addition, a settlement was discovered, which presumably dates back to the Late Bronze Age. The studied complexes have provided numerous and interesting material that significantly complements our knowledge about archaeological cultures, their sequence and distribution on the territory of the North-Western Caucasus.

Keywords: burial mound, North-Western Caucasus, archaeological complexes, Bronze Age, burials

Курганный могильник Уташ исследовался под руководством автора Скифо-сарматским отрядом, входившим в состав Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН, в октябре 2007 – феврале 2008 гг. у пос. Уташ на территории города-курорта Анапа, к северу от пос. Витязево Краснодарского края.¹

Могильник расположен на расстоянии около 1–1,5 км к югу от одноимённого посёлка на возвышенной, идущей по направлению запад-восток, гряде, высокой террасе левого берега р. Уташ, являющейся левым притоком р. Старая Кубань у её впадения в Кизилташский лиман Чёрного моря (рис. 1).

1. Начальник Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН в 1997–1998 гг. – к.и.н. Н. И. Сударев. Чертежи выполнены А. А. Крайневой, рисунки – И. Ю. Виноградовой. Специальный анализ формовочных масс глины, из которой изготовлены сосуды, исследован М.Е. Клемешовой.

На могильнике раскопано 9 курганов высотой от 0,10 до 2 м, а также межкурганное, называемое и околкурганым, пространство при сплошной площади вскрытия в 2,5 гектара. В раскопанных курганах могильника обнаружены погребения и ритуальные комплексы ямной и катакомбной культурно-исторических общностей, северокавказской культуры, периода поздней бронзы и раннего железного века. В курганах 3 и 4, содержавших наибольшее количество археологических комплексов, зафиксированы следы неоднократных полных или частичных досыпок, выявлены ровики, которые были связаны с этапами сооружения насыпей (Вальчак, Болдырев, Сударев, Чевелёв, 2010, с. 247, 248).

Курган 2 был расположен в пределах раскопа 2, в южной части исследованной территории могильника. Современная поверхность здесь имела заметный уклон к югу от расположенного севернее и пролегающего по оси 3–В гребня возвышенности, на которой располагался могильник. Курган был практически полностью распахан до верхней части материка и представлял собой всхолмление высотой 0,15–0,20 м, диаметром около 60 м. Судя по расположению обнаруженных в кургане объектов, образующих две дискретные совокупности, первоначально здесь было два небольших кургана, насыпи которых образовали единое всхолмление в результате распашки.

Погребение 2 (рис. 2, 1) было расположено в 8 м к ССЗ от условного центра кургана. Зафиксировано на глубине – 2,07 м от общего для раскопа 2 R=0 (центр кургана 3). Входная яма имела подпрямоугольную форму с закруглёнными углами, размерами 1,14 × 0,85 м и была ориентирована по оси СВВ–ЗЗЮ. Дно входной ямы плавно понижалось ко входу в погребальную камеру с глубины – 2,40 до – 2,47 м. В 0,7 м к ЗЗЮ от задней стенки ямы на глубине – 2,43 – 2,47 м была расположена ступень скобообразной формы с неровным краем. Провалившийся вход в камеру был заложен поставленными на ребро пятью плитами колотого камня толщиной 5–8 см и разного размера. От ступени высотой около 40 см до основного объёма камеры вход образовывал «дромос» длиной 0,5 и шириной 0,67 – 0,75 м, дно его покато спускалось к камере с глубины – 2,87 до – 2,91 м.

Погребальная камера имела неправильную форму, которую можно назвать «почковидной». Свод камеры был провален. Нижний

контур стенок прослежен на высоту 4–9 см от дна, которое находилось на глубине –2,81–2,93 м. Дно имело небольшой уклон ко входу в камеру. Максимальные размеры камеры: по оси ССЗ-ЮЮВ – 2,05 м, по оси СВВ-ЗЗЮ – 1,15 м. Заполнение входной ямы состояло из светло-коричневой супеси, в камере толщиной около 10 см.

В центральной и южной частях камеры на дне были разрозненно положены четыре колотых каменных плиты разного размера, неправильных форм, толщиной около 5 см. На плитах и между ними были компактно сложены разрозненные кости скелета человека, которые были прослежены с глубины –2,83 м. Сохранность костей плохая. Фрагменты черепа были найдены среди костей в южной части «пакета». Большая часть костей ориентирована по оси ССЗ-ЮЮВ. Под костями эпизодически были прослежены пятна тлена тёмно-коричневого оттенка.

Скорее всего, захоронение является вторичным. Какие-либо находки отсутствовали.

Погребение 3 (рис. 2, 2) было расположено в 25 м к ЗЗС от условного центра кургана. Зафиксировано на глубине –2,19 м от R=0. Входная яма имела вытянуто-овальную форму, сужающуюся к прямой торцевой стенке у входа в погребальную камеру. Яма размерами 1,50 × 0,7–0,8 м была ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Дно входной ямы плавно повышалось ко входу в камеру с –2,39 до –2,56 м и в 1,22 м от задней стенки заканчивалось ступенью ко дну камеры высотой 0,17 м. Вход в камеру был заложен тремя последовательно поставленными каменными плитами толщиной до 8–9 см. Средняя из плит полностью перекрывала входную яму по ширине. От ступени высотой 17–20 см до основного объёма камеры вход в камеру представлял собой лаз (провален) длиной 26–28 см.

Погребальная камера имела овальную форму. Свод камеры был провален. Нижний контур стенок был прослежен на высоту 0,23–0,29 м от дна камеры, которое находилось на глубине –2,74–2,82 от R=0. Максимальные размеры камеры: по оси ЗСЗ-ВЮВ – 2,22 м, по оси ССВ-ЮЮЗ – 1,40 м. Заполнение входной ямы состояло из светло-коричневой супеси в камере толщиной около 10 см.

В камере обнаружено парное погребение. Сохранность костей плохая. Скелет 1 находился в центре камеры, ближе к задней стенке.

Прослежен с глубины $-2,77$ м. Погребённый был расчленён, скелет неполный, сильно скорченные кости ног в анатомическом порядке находились поверх костей грудного отдела. Череп раздавлен, располагался в СЗ части скопления. Кости скелета 1 были размещены по оси СЗ-ЮВ.

Скелет 2 (подросток?) находился западнее скелета 1, на небольшом расстоянии от него. Прослежен с глубины $-2,78$ м. Погребённый был расчленён, скелет не полный, кости ног были положены поверх других костей. Череп раздавлен, находился в середине скопления. Кости скелета 2 были размещены по оси СЗ-ЮВ.

В $0,30$ м к ЮВ от края скопления костей скелета 1 на дне камеры выявлено пятно охры ($-2,82$) диаметром 8 см.

В заполнении входной ямы разрозненно и на разных глубинах были найдены фрагменты одного или двух лепных сосудов. Сохранились фрагменты венчика, дна и мелкие фрагменты стенок.

1. Венчика сосуда лепного фрагмент (рис. 2, 3). Венчик слабо отогнут вовне под углом 26 градусов от вертикальной оси сосуда, край закруглён. Шейка короткая, непосредственно под ней – плечико с чётко выраженным округлым изгибом к усечённо-коническому тулову сосуда. Реконструируемый диаметр венчика – 10 см.

2. Донца сосуда лепного фрагмент (рис. 2, 3). Дно плоское, сохранилась придонная часть стенки, которая позволяет предполагать усечено-коническую форму нижней части тулова сосуда.

Оба фрагмента изготовлены из глины с примесями шамота, дресвы из кальцита и органического раствора в качестве отошителей (Вальчак, Клемешова, 2018, с. 52).

Курган 3 расположен в СВ части исследованной площади могильника в рамках раскопа 2. Высота кургана после распашки была около $1,5$ м. Поверхность насыпи до исследования была сильно нарушена плантажной вспашкой (от $0,4$ до $0,7$ м на вершине и у подножия) и покрыта виноградником. Естественно, были существенно разрушены и впускные погребения в верхних слоях насыпи. В кургане 3 обнаружено 17 археологических комплексов: 14 погребений и 3 культовых объекта.

Погребение 10 (рис. 3, 1) было расположено в 18 м к СЗ от центра кургана. Зафиксировано на глубине $-2,34$ м от $R=0$. Входная яма

имела прямоугольную форму с закруглёнными углами, слегка сужающуюся к прямой торцевой стенке у входа в погребальную камеру. Яма размерами $1,73 \times 0,7-0,8$ м на уровне фиксации на поверхности материка, была ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Стенки ямы расширялись ко дну. Размеры дна ямы: $2,0 \times 1,10$ м. Дно входной ямы ровное, отмечено на глубине $-2,35-2,40$ м, имело небольшой подъём до $-2,33$ м при входе в погребальную камеру на расстоянии $2,02$ м от задней стенки. Вход в камеру сохранился в виде узкого лаза по всей ширине входной ямы: ширина – $0,9$ м, высота – $0,34$ м.

Погребальная камера имела неправильную форму, близкую к полуовальной. Боковые стенки камеры сходились по дуге к ровной задней, передняя стенка имела изгиб вовнутрь у входа. Свод камеры был провален. Камера была заполнена тёмно-коричневым грунтом (супесью), сохранившимся местами на высоту от $0,27$ до $0,5$ м от дна камеры. Нижний контур стенок был прослежен на высоту $0,2-0,13$ м от дна камеры, которое находилось на глубине $-3,33-3,41$ от $R=0$. Максимальные размеры камеры: по оси СЗ-ЮВ – $2,40$ м, по оси СВ-ЮЗ – $1,70$ м.

В центре камеры на её дне, ближе к задней стенке, зафиксировано пятно органического тлена неправильной формы с максимальными размерами $1,70 \times 1,23$ м толщиной до 4 см. На поверхности тлена в его СЗ части выявлены два пятна красной охры ($-3,34$ м) размерами до $0,16 \times 0,16$ см.

Каких-либо костей, их фрагментов и артефактов в погребальной камере и входной яме найдено не было.

Погребение 14 (рис. 3, 2) было расположено в 12 м к З от центра кургана. Зафиксировано по камням заклада на глубине $-1,43-1,48$ м от $R=0$. Входная яма имела прямоугольную форму с закруглёнными углами, вытянутую по ширине по оси ССВ-ЮЮЗ ($1,4$ м), а по длине (от задней стенки до каменного заклада, ЗСЗ-ВЮВ) – $0,9$ м. Стенки ямы вертикальные. Дно входной ямы ровное, отмечено на глубине $-2,08-2,12$ м от центра кургана.

Каменный заклад состоял из одной каменной плиты шириной $0,63$ и высотой $0,53$ м, которая была вертикально приставлена к ЮВ торцевой стенке входной ямы. На дне ямы, в её северной части замечено небольшое пятно красной охры ($-2,10$ м) размерами $0,03 \times 0,04$ м.

Погребальная камера, которая должна была находиться к ВЮВ от заклада, отсутствовала. Контрольные прокопы материка положительных результатов не дали.

Каких-либо костей и артефактов не обнаружено.

Курган 4 находился южнее кургана 3, практически вплотную к его южной поле. Расположен в восточной части исследованной площади могильника, в рамках раскопа 2, на гребне возвышенности, расположенном по оси З-В. Высота кургана после распашки составляла около 1 м. Диаметр кургана – около 50 м. Определение центра кургана – визуальное и условное. В кургане обнаружено 13 археологических объектов: 10 погребений, 2 переотложенных и 1 объект новейшего времени.

Погребение 7 (рис. 4, 1) выявлено в 3,5 м к ВЮВ от центра кургана. Зафиксировано на глубине $-1,61$ м от общего для раскопа $2 R=0$ (центр кургана 3). Входная яма прямоугольная, расположена по оси северо-запад – юго-восток. Стенки вертикальные. Длина от задней стенки до входа в погребальную камеру – $1,30$ м (ССЗ-ВЮВ), северная стенка неровная, расширяется у входа в камеру, ширина торцевой задней стенки – $0,58$ м, у входа – $0,70$ м. Дно входной ямы имело уклон в сторону камеры и зафиксировано на глубине $-2,05$ – $2,20$ м от $R=0$. Лаз провален. Переход от дна входной ямы к камере имел две ступени. Верхняя из них покатая (глубина $-2,20$ – $2,31$ м), нижняя вертикальная (глубина $-2,31$ – $2,43$ м).

Погребальная камера имела овальную форму. Свод провален. Стенки камеры прослежены на высоту 12 – 20 см от уровня дна. Дно имело понижение в центре камеры и находилось на уровне $-2,43$ – $2,52$ м. На дне у входа в камеру, на глубине $-2,39$ – $2,47$ м сохранились остатки тлена от органической подстилки тёмно-коричневого цвета. Размеры пятна тлена – около 25×15 см.

Вокруг этого тлена на дне камеры в центральной и восточной части, на глубине $-2,43$ – $2,52$ м, зафиксирована россыпь бус из перламутровой раковины моллюска очень плохой сохранности (7 целых и несколько фрагментов).

Скелет человека и другие находки отсутствовали.

1. Бусы из перламутровой створки моллюска (рис. 5, 2). Округлой (дисковидной) формы в плане и сегментовидного сечения. Диа-

метр – 0,9–1,1 см, толщина – 0,15–0,2 см. В центре каждой бусины просверлено отверстие диаметром 0,3–0,4 см.

Погребение 9 (рис. 4, 2, 3) было расположено в 7 м к СВВ от центра кургана. Зафиксировано на глубине –1,87 м от R=0. Входная яма имела прямоугольную форму с закруглёнными углами, слегка сужающуюся к прямой задней торцевой стенке. Яма размерами 1,43 × 0,75 м на уровне фиксации на поверхности материка была ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Стенки ямы вертикальные. Дно входной ямы неровное, спускающееся двумя покатыми уступами ко входу в погребальную камеру, отмечено на глубине –2,97–3,16 м, У входа образует ступень ко дну камеры высотой 25 см (глубина –3,19–3,43 м), при входе в погребальную камеру на расстоянии 1,88 м от задней стенки. Вход в камеру сохранился в виде щели шириной 0,28 м и высотой 0,4 м.

Погребальная камера на уровне фиксации (-1,97–2,02 м) имела неправильную форму, близкую по конфигурации плоду клубники. Свод камеры был провален. Размеры пятна провала на уровне фиксации: по продольной оси СЗ-ЮВ –2,50 м; по оси СВ-ЮЗ – 2,87 м. Камера была заполнена тёмно-коричневым грунтом (супесью), сохранившимся на высоту от 0,15 до 0,25 м от дна камеры. Нижний контур стенок был прослежен на высоту до 0,25 м от дна камеры, которое находилось на глубине –3,43–3,57 от R=0. Максимальные размеры камеры у дна: по оси СЗ-ЮВ – 2,90 м, по оси СВ-ЮЗ – 2,85 м.

В центре камеры, на её дне, было зафиксировано пятно тёмно-коричневого органического тлена прямоугольной формы, ориентированное по длине по оси ССЗ-ЮЮВ, максимальными размерами 1,75 × 1,10 м, толщиной до 3–4 см (глубина – 3,47–3,52 м от =0). На поверхности и в толще этого пятна тлена было расположено парное погребение. На дне камеры под пятном тлена и вокруг него на небольших участках в виде перпендикулярно пересекающихся чёрных полос были прослежены следы циновки, сплетённой, вероятно, из тонких древесных прутьев или камыша (глубина –3,44–3,53 м). Размеры ячеек плетения около 1 × 1 см.

В середине камеры находилось парное захоронение взрослого и ребёнка. Сохранность костей плохая.

Скелет 1, взрослый погребённый лежал средне-скорченно, на

правом боку с завалом на грудь, головой на юг, череп на правой стороне, лицевой частью развёрнут к ВСВ. Обнаружен на глубине –3,41–3,52 м. Бедренные кости находились под тупым углом к позвоночному столбу, берцовые – согнуты под острыми углами в коленных суставах. Кости левой ноги лежали поверх правой. Правая рука вытянута вдоль грудной клетки (сохранилась плечевая кость). Левая рука была согнута в локтевом суставе под тупым углом. Плечевая кисть лежала вдоль грудной клетки, кости предплечья лежали поверх позвоночного столба, пересекая его так, что кисть (не сохранилась) могла находиться в районе правого крыла таза.

У северного края прямоугольного пятна тлена, севернее левой стопы скелета 1, на глубине –3,55 м зафиксировано пятно оранжевой охры размерами около 30×15 см.

Вплотную к скелету 1 и восточнее лежал скелет ребёнка, прослеженный с глубины –3,42 м (скелет 2). Скелет ориентирован черепом на юг. Скелет 2 не полный, кости перемешаны, но часть грудной клетки сохранилась в анатомическом порядке. Вероятно, скелет 2 – вторичное захоронение, при котором частично был потревожен скелет 1 (часть тазового крыла находилась поверх костей скелета 2).

Инвентарь отсутствовал.

Погребение 10 (рис. 5, 1) выявлено в центральной бровке, в 4 м к С от центра кургана, в 6 м северо-западнее погребения 9, на глубине –176–184 м от R=0. На уровне обнаружения объект представлял собой аморфное пятно плотной тёмно-серой супеси, в котором угадывались контуры входной ямы и погребальной камеры катакомбы с проваленным сводом.

Входная яма прямоугольная с закруглёнными углами, была расположена по ширине по оси СЗ-ЮВ, размеры по оси 1,10 м. Длина входной ямы по оси СВ-ЮЗ, от задней стенки до ступени в камеру – 0,73 м. Стенки входной ямы вертикальные. Дно ямы плавно понижается ко входу в камеру с глубины –1,91 м до 1,99 м. От дна камеры входную яму отделяет ступень высотой до 11 см.

Погребальная камера имела неправильную овальную форму, ЮВ стенка прямая. Свод провален, стенки камеры прослежены у дна на высоту 25–33 см. Дно камеры зафиксировано на глубине –2,08–2,15 м от R=0. Максимальные размеры камеры: по оси СЗ-ЮВ – 1,90 м;

по оси СВ-ЮЗ (до разрушенного входа) – около 1,50 м. Предположительно, в катакомбе совершено парное захоронение.

Скелет 1. Вдоль задней стенки камеры лежал скелет взрослого человека, обнаруженный с глубины –203–213 м. Сохранность костей плохая, некоторые из них смещены землеройными животными. Погребённый лежал средне-скорченно, на правом боку, головой ориентирован на ЮЮВ. Лицевая часть черепа повернута к СВ.

Погребённый лежал на правом боку с завалом на спину, головой на ЮВ, лицевой частью развёрнут к СВ. Бедренная кость правой ноги находилась под острым углом к позвоночному столбу, левой – под прямым углом. Берцовые кости обеих ног согнуты под острым углом в коленных суставах. Кости левой ноги лежали поверх костей правой. Правая рука вытянута вдоль грудной клетки, кости запястья – под бедренными костями ног, кисть – к северу от них. Кости левой руки смещены, судя по их положению, предплечье находилось вдоль грудной клетки, рука согнута под тупым углом в локтевом суставе.

Под скелетом прослежен органический тлен тёмно-коричневого цвета от подстилки прямоугольной формы с неровными краями (глубина –2,13–2,15 м), местами зафиксированы пятна охры (у голени, у правого коленного сустава).

Скелет 2, точнее его череп, находился в 5 см к СВ от черепа скелета 1 и был прослежен с глубины –2,06 м. Он лежал на общей со скелетом 1 подстилке, близ её ЮВ угла. Кости очень плохой сохранности, положение черепа, предполагается, на правой стороне, лицевым отделом к СВ.

Среди костей грудного отдела скелета 1 на глубине –2,10 м был найден мелкий камешек молочно-белого оттенка без следов обработки (рис. 5, 3). Форма камешка овальная, одна из вершин приострена, длина – 0,8 см, диаметр – 0,3 × 0,4 см. Камень не характерен для встречающихся в грунте на территории могильника минеральных пород. Не исключено его преднамеренное положение при совершении погребения.

Публикация комплексов катакомбной КИО была вызвана исследованием в последние годы на Таманском полуострове и в Восточном Крыму множества разных по времени погребальных и поселенческих памятников эпохи бронзы. Культурная принадлежность

многих из них ещё недостаточно определена.

Комплекс археологических памятников у пос. Уташ – восточная составляющая этого региона, и находки в курганах могильника существенно дополняют наши знания о памятниках эпохи средней бронзы в регионе.

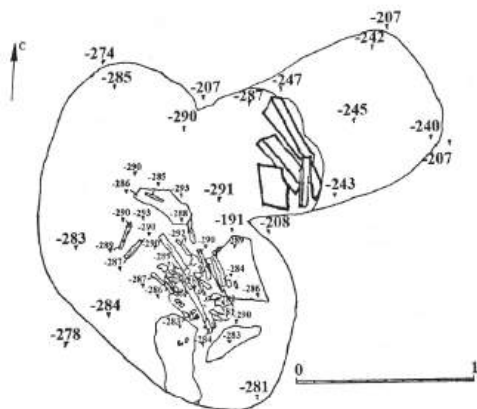
ЛИТЕРАТУРА

Вальчак С. Б., Болдырев С. И., Сударев Н. И., Чевелёв О. Д., 2010. Исследования Уташского курганного могильника в Краснодарском крае // АО 2007 года. – М.

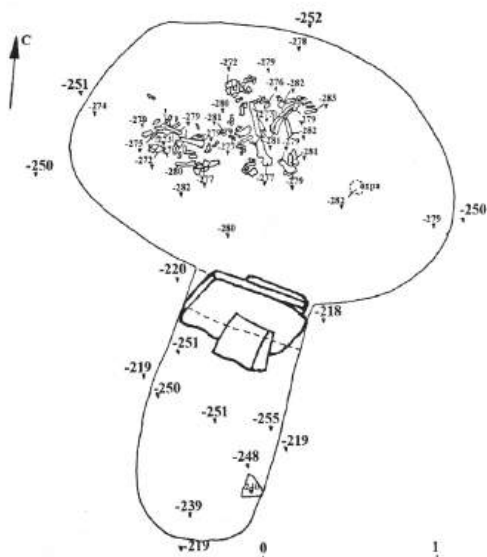
Вальчак С. Б., Клемешова М. Е., 2018. Результаты анализа формовочных масс керамики из курганного могильника Уташ в Краснодарском крае // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. – Карачаевск.

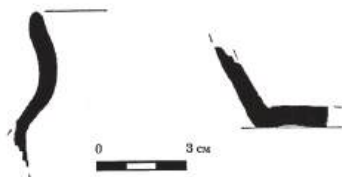
Рис. 1. Карта с указанием расположения могильника Уташ

1

2

3

Рис. 2. 1 – погребение 2 кургана 2, план погребения; 2 – погребение 3 кургана 2, план погребения; 3 – керамика из погребения 3 кургана 2

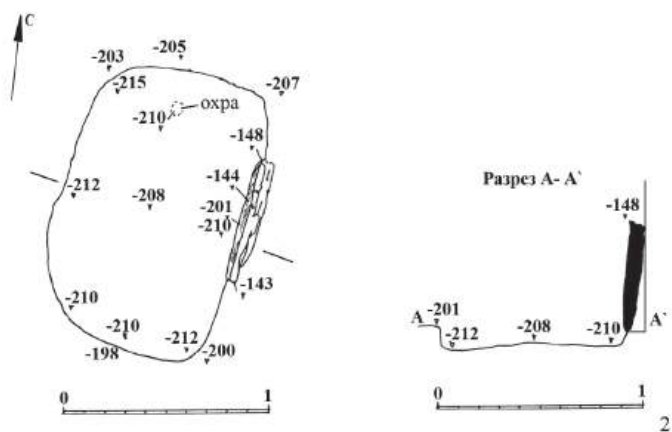
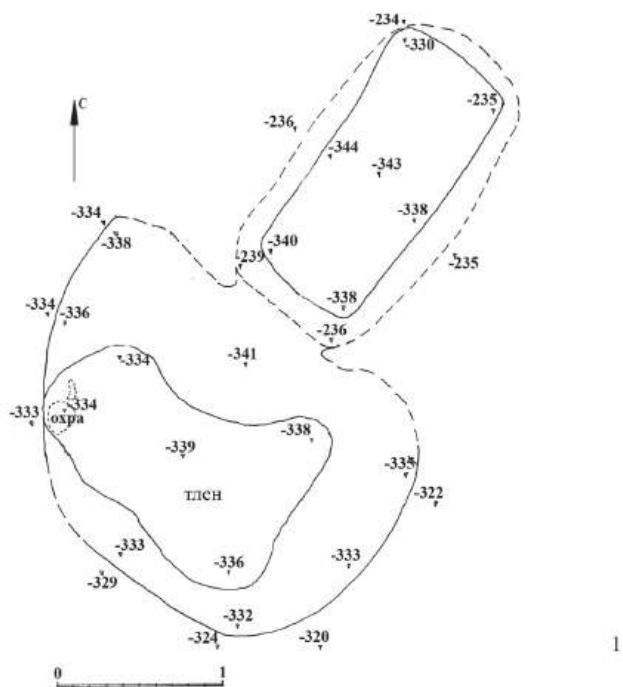

Рис. 3. 1 – погребение 10 кургана 3, план погребения; 2, 3 – погребение 14 кургана 3, план и разрез погребения

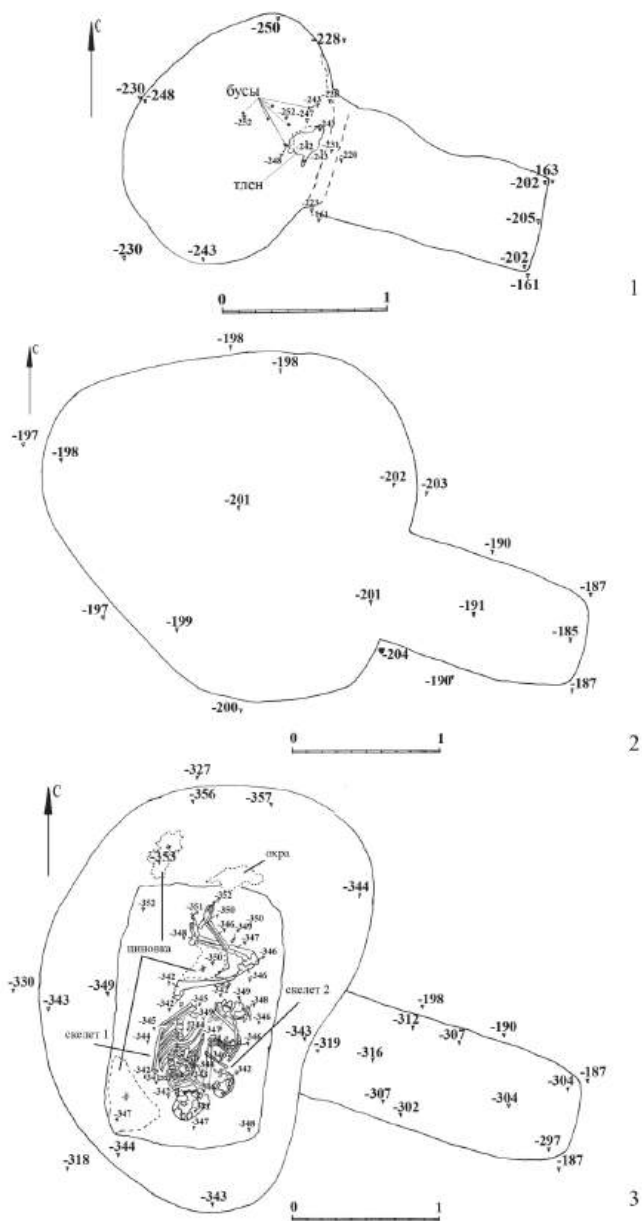

Рис. 4. 1 – погребение 7 кургана 4, план погребения; 2 – погребение 9 кургана 4, уровень обнаружения; 3 – погребение 9 кургана 4, уровень зачистки

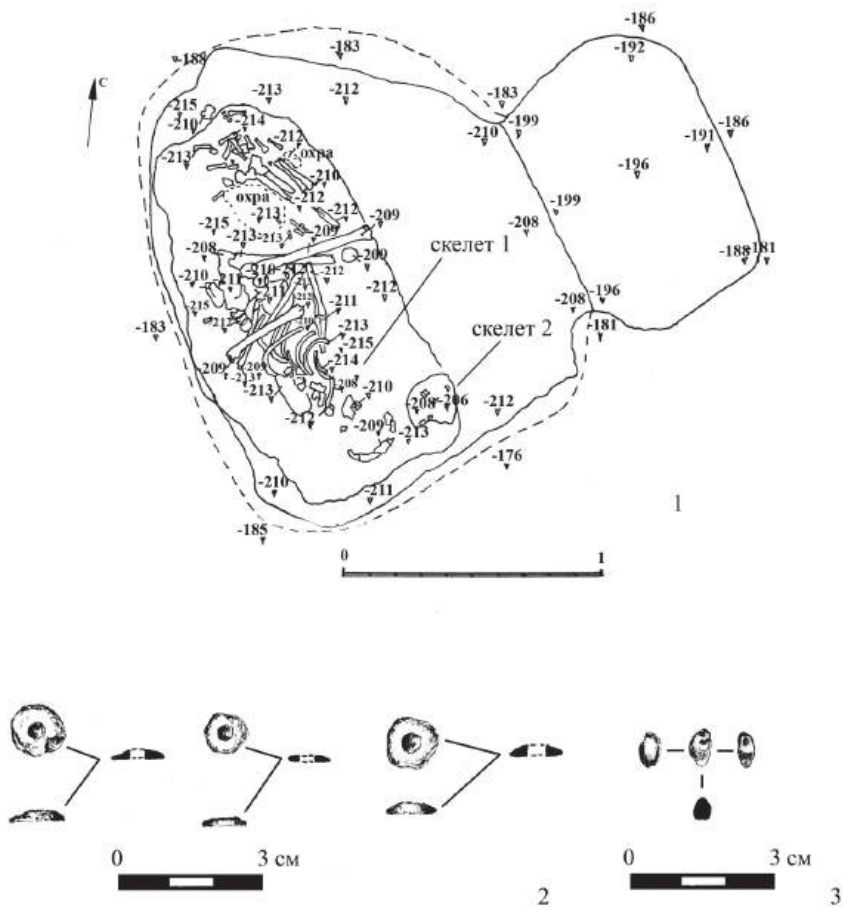

Рис. 5. 1 – погребение 10 кургана 4, план погребения; 2 – бусы из погребения 9 кургана 4; 3 – камень из погребения 10 кургана 4

**РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУРГАНОВ
№ 48 И № 51 ГРУППЫ «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1»
БЛИЗ Г. АНАПЫ**

Голубев Л. Э.,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т. М. Керашева, Майкоп

Аннотация. В публикации представлены материалы раскопок двух средневековых курганов из группы «Гостагаевская-1», расположенной вблизи города Анапа в Северо-Восточном Причерноморье. Исследованные курганы датируются XII-XIII вв.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, средневековье, курганы

**EXCAVATION OF MEDIEVAL BURIAL MOUNDS № 48
AND 51 OF THE GOSTAGAEVSKAYA-1 GROUP NEAR
ANAPA**

Golubev L.E.,

Adyge Republic Institute for Humanitarian Research named
after A. T.M. Kerasheva, Maykop

Abstract. The publication presents materials from the excavations of two medieval burial mounds from the «Gostagaevskaya-1» group, lo-

cated near the city of Anapa in the North-Eastern Black Sea region. The investigated burial mounds date back to the XII-XIII centuries.

Keywords: North-Eastern Black Sea region, Middle Ages, burial mounds

Представление материалов из курганов является продолжением публикаций материалов раскопок части курганной группы «Гостагаевская-1», расположенной северо-восточнее станицы Гостагаевской в муниципальном образовании г. Анапа (Голубев, 2017, с. 353–357; Голубев, Схатум, 2016, с. 69–78; Верещагин, Голубев, 2020, с. 176–191; Голубев, Полицын, Пьянков, Схатум, 2021, с. 214–228). Охранно-спасательные работы на памятнике археологии производились осенью – зимой 2014 г. в зоне строительства газопровода «Турецкий поток». В полосе отвода строителями трубопровода была произведена вырубка леса и раскорчёвка пней, что повредило большую часть насыпей и расположенных неглубоко от поверхности земли погребений. Вероятно, кем-то из строителей были произведены грабительские шурфы. Как минимум, два кургана были уничтожены полностью. Мы исследовали 26 курганов, датируемых второй половиной XII – XIII вв., а также часть подстилающего курганную группу грунтового могильника позднеантичного времени.

Представленные курганы выделялись из общего количества исследованных насыпей тем, что содержали по одному погребению в отличие от остальных, содержавших от двух и более погребений. Скорее всего, наличие одного погребения под насыпью не является особенностью погребального обряда, просто по каким-то причинам последующих подзахоронений во время функционирования могильника не совершалось.

Курган № 48 (рис. 1, 1) находился на достаточно крутом склоне в северо-восточной части могильника и немного оплыл по склону. Насыпь была повреждена при вырубке и раскорчевке деревьев, кроме того, на южной поле прослеживались старые грабительские ямы. К северу курганная насыпь сливается с насыпью кургана № 22. Высота насыпи с ЮЗ – +0,42 м, с СВ – 1,47 м, с СЗ – 0,04 м, с ЮВ – 0,57 м, диаметром 8 м. Стратиграфическая бровка была раз-

бита по центру насыпи с учетом особенностей склона по оси ЮЗ 240° – СВ 60°. В разрезе прослеживались следующие слои: гумусный слой частично был поврежден гусеничной техникой, слой был насыщенного чёрного цвета, мощность составляла около 0,1–0,15 м; почвенный слой черного цвета прослеживается, составлял мощность 0,5 м; насыпной слой не прослеживался; погребенная почва не прослеживалась; предматериковый слой в среднем 0,4 м представлял собой плотный суглинок серо-коричневого цвета с вкраплением мергелевых фракций. Материк – суглинок светло-коричневого цвета с большой примесью мергеля, слой прослежен на глубину в среднем 0,15–0,2 м.

Погребение № 1 (рис. 1, 2) находилось в Ю секторе насыпи под грабительской ямой на расстоянии от R0 2,4 м к Ю, на глубине –0,92 м, в прямоугольной яме размерами 2,23 × 0,45 м, вытянутой по оси З-В. Скелет принадлежал взрослому мужчине, лежал вытянуто на спине головой на запад, левая сторона, ключица, ребра, таз и бедренная кость были вынесены грабителями. Правая рука была слегка согнута в локте и покоилась на локте. Под покойным прослеживались следы деревянных плах – тлен черного цвета и отдельные древесные угольки.

Инвентарь: справа между плечевой костью и ребрами лежал железный круглый в сечении стержень размерами 6,7 × 0,3 см (рис. 1, 4). Под локтем правой руки лежало железное кресало плохой сохранности прямоугольное в сечении размерами 7,8 × 4,2 × 0,7 см (рис. 1, 5) и кремьень размерами 3 × 1,7 × 0,9 см (рис. 1, 3). Рядом с правым тазобедренным суставом лежал нож размерами 17,8 × 1,7 × 0,4 см (рис. 1, 6). Каменный оселок со сработанными плоскостями имел размеры 7,4 × 2,3 × 0,9 см (рис. 1, 7). В паху лежала железная пряжка, которая рассыпалась при разборе погребения. Предположительно с левой стороны находилась железная сабля, на которую сработал металлоискатель грабителей, в результате чего изделие было похищено, а левая сторона скелета вынесена из могилы.

Курган № 51 (рис. 2, 1) находился на достаточно крутом склоне в северо-восточной части могильника и немного оплыл по склону. Насыпь была повреждена при вырубке и раскорчевке деревьев. К югу курганная насыпь сливается с насыпью кургана № 23. Высота

насыпи с ЮЗ – + 0,47 м, с СВ – 1,82 м, с СЗ – 0,84 м, с ЮВ – 0,37 м; диаметр – 14 м. Стратиграфическая бровка была разбита по центру насыпи с учетом особенностей склона по оси ЮЗ 240° – СВ 60°. В разрезе прослеживались следующие слои: гумусный слой частично был поврежден гусеничной техникой и к ЮЗ от центра отсутствовал. Слой представлял собой насыщенный черный цвет, мощность составляла около 0,1–0,15 м. Почвенный слой черного цвета прослеживается по краям насыпи, мощность составляла 0,5 м. Максимальная высота насыпного слоя в центре составляла предположительно 0,5 м, представляет собой мешанный гумусированный суглинок, цвет от темно-серого до светло-серого с обильными вкраплениями материковой глины светло-коричневого оттенка; В центре под R0, на погребенной почве прослеживался выкид материкового грунта из погребальной ямы длиной 2,75 м, мощностью 0,15 м; Погребенная почва черного цвета, аналогичная почвенному слою, имела мощность в центре 0,2 м. Предматериковый слой, в среднем 0,25 м, представлял собой плотный суглинок серо-коричневого цвета с вкраплением мергелевых фракций. Материк – суглинок светло-коричневого с большой примесью мергеля, слой прослежен на глубину в среднем 0,15–0,2 м.

Погребение № 1 (рис. 2, 2) находилось под R0 в бровке на глубине –0,72 м, в материковом слое – глина с большим содержанием мергеля. Погребение располагалось в подпрямоугольной яме 1,95 × 0,5 м, ориентированной по оси З-В. Восточный край ямы и костяка был «вынесен» экскаватором при раскорчевке деревьев. Скелет плохой сохранности лежал вытянуто на спине головой на запад, руки были согнуты в локтях и покоились на лобке.

Инвентарь: с левой стороны груди, острием вверх и режущей частью от покойника, лежала сабля, которая была похищена грабителями либо вывернута при раскорчевке пней и утрачена, от клинка сохранился ржавый след. На левой стороне груди остался наконечник ножен плохой сохранности 7 × 3,3 × 2 см (рис. 2, 3). В районе шеи находилась литая бронзовая пуговица размерами 1,4 × 0,7 × 0,2 см. (рис. 2, 4). Между правым локтем и тазом лежали каменный оселок размерами 8,7 × 2,3 × 0,7 см (рис. 2, 7) и железный стержень плохой сохранности, круглый в сечении, со следами древесины, вероятно, от черешка наконечника стрелы, размерами 6,4 × 0,5 см (рис. 2,

б). Рядом с правым тазобедренным суставом лежала железная круглая шайба, плоская в сечении, размерами $1,8 \times 1,3$ см (рис. 2, 5). Между стержнем и оселком – два кремневых отщепа размерами $2,4 \times 1,6$ см и $1,9 \times 1,1 \times 0,6$ см (рис. 2, 8). У правого бедра лежал фрагмент железного кресала плохой сохранности $2,3 \times 0,6$ см (рис. 2, 9). С внутренней стороны правого тазобедренного сустава находилась пряжка округлой формы, плоской прямоугольной формы в сечении, размерами $3,3 \times 3 \times 0,5 \times 0,3$ см (рис. 2, 10). С внутренней стороны левого тазобедренного сустава лежала круглая плоская костяная пуговица-пронизь размерами $1,9 \times 0,4 \times 0,6$ см (рис. 2, 11).

Погребальный обряд характерен для средневековых адыгов, несмотря на множество локальных вариантов, в общем, сохраняет общие черты – западную ориентировку с сезонными отклонениями, отдельные уголки (Стрельченко, 2003, с. 30–37; Алексеева, 1971, с. 182–185; Тешев, 1985, с. 142–148; Нагоев, 1987, с. 207).

Инвентарь: Вооружение было представлено в обоих погребениях саблями, однако, в обоих случаях оба клинка были похищены грабителями, которые использовали металлоискатели, вероятно, при раскорчевке пней деревьев. В погребении из кургана 51 сохранился наконечник ножен. «Тупые» с завальцованными торцами наконечники ножен сабель с резным устьем как прямым, так и украшенными фестоном А. Н. Кирпичников относит к первой половине XII – XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 142), И. А. Дружинина считает, что бытование таких наконечников могло продолжаться до первой половины XIV в. (Дружинина, 2018, с. 68, 69). Подобные наконечники ножен найдены еще в 7 погребениях представленного могильника: К. 1, п. 2; К. 2, п. 3; К. 4, п. 3; К. 55, п. 1 (клинок также был украден черными копателями); К. 54, п. 4; К. 49, п. 3; К. 64, п. 2.

Условно к предметам вооружения можно отнести найденный нами в погребении № 48 нож, подобные ножи – самая частая находка в средневековых погребениях Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Подобные же ножевые клинки бытовали на протяжении всего средневековья и «нового времени». Встречаются они как в мужских, так и женских погребениях. Вероятно, нож был универсальным инструментом в повседневной жизни людей этого времени.

Справа, на поясе в обоих погребениях было скопление предметов, вероятно, находившихся в тканном или кожаном «мешочке»: оселок для подточки режущих и колющих предметов, имеющих широкое временное хождение, который не является узко датирующим маркером; железный «стержень», вероятно, шило, концы подверглись коррозии; железное кресало – огниво. В погребении № 51 оно сохранилось плохо, а в погребении № 48 вполне удовлетворительно, датируется это изделие согласно типологии А. В. Евглевского и Т. М. Потемкиной широко с X по середину XIV вв. Но самое большое распространение этих кресал выпадает на X-XII вв. (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 183), И. А. Дружинина датирует такие кресала X-XV вв. (Дружинина, 2018, с. 218). В комплект к огниву шли кремневые отщепы для разведения огня. Указанный мешочек (кисет) подвешивался на кожаный пояс или тесьму для подпоясывания. В погребении из кургана № 51 фрагментарно сохранилась поясная пряжка.

Из деталей одежды в погребении № 51 встречена бронзовая «грибовидная» пуговица. находка в малом количестве или даже одной пуговицы говорит о том, что рубашка была не распашная и застегивалась у ворота или на плече (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 39). Большая часть таких пуговиц находится на Северном Кавказе с XI-XIII вв. (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 39); В этом же погребении найдена костяная пуговица-пронизь, бытовавшая с X по XIV вв. Большая часть подобных находок датируется второй половиной XIII-XIV вв. (МБЦ, 2016, с. 120).

Анализ материала из погребений №№ 48, 51 позволяет датировать эти комплексы второй половиной XII – XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М.

Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. – М.

Верещагин В. А., Голубев Л. Э., 2020. Всадники шегаков // ВАА. – Майкоп.

Голубев Л. Э., 2017. Погребение «рыбака» из средневекового курганного могильника «Гостагаевский 1» г.-к. Анапа // АЗ. Вып. 9. – Ростов-на-Дону.

Голубев Л. Э., Схатум Р. Б., 2016. Воинское средневековое захоронение из могильника «Гостагаевский 1» // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.

Голубев Л. Э., Полицын Е. Б., Пьянков А. В., Схатум Р. Б., 2021. Курган 9 могильника «Гостагаевская-1» из окрестностей города Анапа // ВАА. – Майкоп.

Дружинина И. А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII-XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дис. ... канд. ист. наук. – М.

Евглевский А. В., Потемкина Т. М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник научных статей. Т. 1. – Донецк.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие (мечи и сабли IX-XIII вв.) // САИ. Вып. Е1-36. – Л.

МБЦ., 2016. Музей Болгарской цивилизации. Т. I. Древний Болгар: жизнь города. Каталог. – Казань.

Нагоев А. Х., 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. – Нальчик.

Стрельченко М. Л., 2003. Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII-XV вв. // ДК. Вып. 19. – Краснодар.

Тешев М. К., 1985. Адыгейские погребальные сооружения в развитии и позднем средневековье в Туапсинском районе и на Черноморском побережье Западного Кавказа // ВАА. – Майкоп.

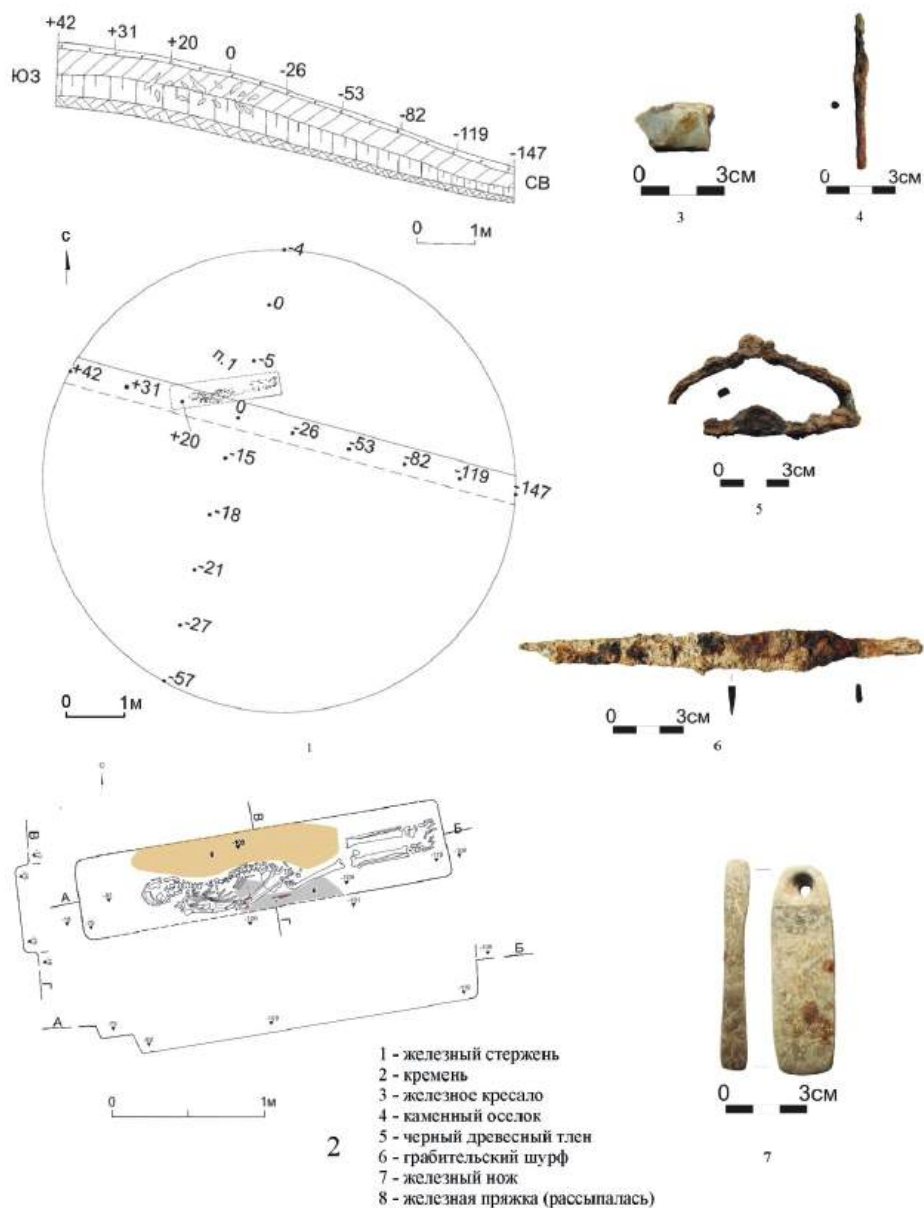

Рис. 1. Курган № 48 курганной группы «Гостагаевская-1. 1 – план кургана № 48, 2 – план погребения 1; 3–7 – предметы из погребения 1: 3, 4 6 – железо, 5, 7 – камень

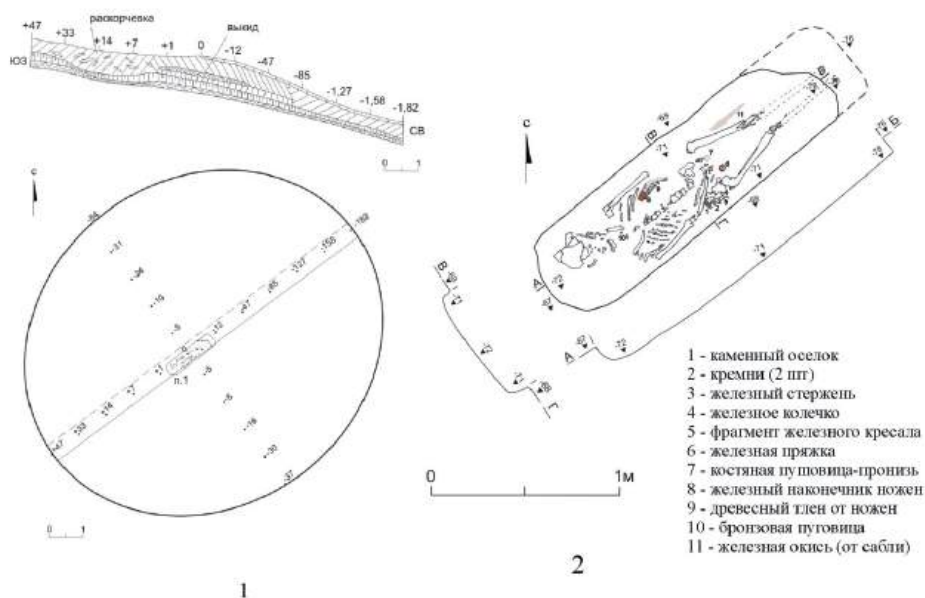

Рис. 2. Курган № 51 курганной группы «Гостагаевская-1. 1 – план кургана № 51, 2 – план погребения 1; 3–11 – предметы из погребения 1: 3, 6, 7, 9, 10 – железо, 4 – бронза, 5, 8 – камень, 11 – кость

ВИСЛООБУШНЫЕ ТОПОРЫ ИЗ МУЗЕЯ НИЖНЕГО АРХЫЗА

В. В. Городовая,

Музей историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза, Нижний Архыз,

А.Л. Пелих,

Армавирский государственный педагогический университет,
Армавир

Аннотация. В статье рассматриваются два бронзовых топора, хранящиеся в фондах музея историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза. Показывается, что предметы относятся к типу Уреки северокавказских среднебронзовых топоров. Подобные топоры входят в состав предметов, характерных для прикубанского очага металлургии и металлообработки на его раннем, ахметовском, этапе развития. Можно обозначить топоры урекского типа как изделия переходной, от эпохи средней бронзы к поздней, формы. Абсолютная датировка топоров урекского типа определяется преимущественно по синхронизации с лобойковско-дербеденовской группой памятников юга Восточной Европы, ориентировочно XV-XIV вв. до н.э. Публикуются результаты химического анализа представленных изделий.

Ключевые слова: топоры типа Уреки, эпоха средней бронзы, эпоха поздней бронзы

SHAFT-HOLE AXES FROM THE MUSEUM OF NIZHNY ARKHYZ

V.V. Gorodovaya, Museum of Historical and Cultural Heritage of the Special Astrophysical Observatory of the Russian Academy of Sciences and Nizhny Arkhyz, Nizhny Arkhyz,

A.L. Pelikh, Armavir State Pedagogical University, Armavir

Abstract. The article discusses two bronze axes stored in the funds of the Museum of Historical and Cultural Heritage of the Special Astrophysical Observatory of the Russian Academy of Sciences and Nizhny Arkhyz. It is shown that the objects belong to the Ureki type of North Caucasian medium-bronze axes. Such axes are part of the objects characteristic of the Prikubansky hearth of metallurgy and metalworking at its early, Akhmetov stage of development. Axes of the Ureki type can be designated as products of a transitional form, from the Middle Bronze Age to the late. The absolute dating of the Urek-type axes is determined mainly by synchronization with the group of monuments of Loboikovo-Derbeden in the south of Eastern Europe, approximately XV-XIV centuries BC. The results of chemical analysis of the products presented have been published.

Keywords: axes of the Ureki type, the Middle Bronze Age, the Late Bronze Age

Цель настоящей работы – ввод в научный оборот двух вислообушных топоров, хранящихся в собрании музея историко-культурного наследия Федерального государственного бюджетного учреждения науки Специальной астрофизической обсерватории Российской академии наук и Нижнего Архыза (далее – Музей САО РАН).

- **Нижний Архыз-1**, топор без данных об обстоятельствах находки, Зеленчукский район Карачаево-Черкесии (рис. 1). Принят на хранение в Зеленчукский краеведческий музей, в его филиал в п. Нижний Архыз, согласно Акту приема от 07.10. 2011 г. № топора 1373. Топор вислообушный, с круглой проушиной, с удлиненным

клином. Втулка удлинена со стороны брюшка, скошена впереди. Корпус слегка изогнут – клин поставлен под небольшим углом к обуху. Сохранившееся полотно примерно одинаковой ширины. У топора обломан конец лезвия. Длина сохранившегося изделия – 14,5 см, ширина лезвия у облома – 3,2 см, размеры проуха – 3,2 × 3,1 см. Вес – 674,7 г.

- **Нижний Архыз-2**, топор без данных об обстоятельствах находки, Зеленчукский район Карачаево-Черкесии (рис. 2). Принят на хранение в Зеленчукский краеведческий музей, в его филиал в п. Нижний Архыз, согласно Акту приема от 05.05. 2009 г. № топора 1028. Топор вислообушный, с круглой проушиной, удлиненным клином и симметрично (вверх и вниз) расширенным лезвием. Втулка удлинена со стороны брюшка, скошена впереди. Корпус слегка изогнут – клин поставлен под небольшим углом к обуху. На боках проушины ближе к ее краям – валикообразные утолщения. Полотно примерно одинаковой ширины, внизу расширяется. На кромке лезвия – вмятины, следы использования. Длина топора – 17,5 см, ширина лезвия – 5,3 см, размеры проуха – 3,2 × 2,8 см. Вес – 718,8 г.

Оба описанных топора из музея САО РАН можно отнести к выделенной С. Н. Кореневским группе 2,19 северокавказских средне-бронзовых топоров (тип Уреки) – топоры с круглым отверстием, волнообразным клином, круглой проушиной (Кореневский, 1981, с. 31). Данное определение урекского типа топоров можно уточнить и определить их как вислообушные топоры, с круглой проушиной, удлиненным клином равной либо сужающейся к лезвию ширины, симметрично (вверх и вниз) расширенным лезвием, втулка спереди скошена, клин поставлен под небольшим углом к обуху (Бочкарев, Пелих, 2022, в печати).

Ныне мы имеем данные о не менее чем 32 (33) топорах (целых и фрагментированных) урекского типа с территорий Закавказья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Такие изделия найдены, кроме эпонимного Урекского клада (Джапаридзе, 1951, с. 98–99, рис. 3,а; Рамишвили, 1974, табл. XIX, 1–4, 10–11, XX, 1–4), в Ахметовском (Марковин, Глебов, 1979, с. 243–244, рис. 3, 1, 4, 1), Бериславском (Добровольский, 1948, с. 158–159, табл. I, 13–14), Крыловском (Колотухин, 2003, с. 17, 56, рис. 64, 25), Самарском

(Бочкарев, 1972, с. 87–88, рис. 1, 7–10) кладах. Фрагменты топоров урекского типа входят, видимо, в состав клада с поселения Балка Лисовицкого IV (Кияшко, 2020, с. 216, рис. 5, 4) и Коблевского клада (Черняков, 1967, с. 29–31, рис. 7, 8; он же, 1985, с. 101, рис. 48, 1). Кроме того, известны внекомплексные находки подобных топоров из ряда географических пунктов: Аксаут (сообщение В. Я. Кияшко В. С. Бочкареву²), Кяфар (Минаева, 1947, с. 137, рис. 48), Ленино (Клочко, Козыменко, 2017, с. 90, илл. 2), Лечкоп (Воронов, 1969, с. 31, табл. XXXIV, 3–4, 6(?)), Маруха (сообщение С. Н. Кореневского В. С. Бочкареву), Новая Водолага (Клочко, Козыменко, 2017, с. 90, илл. 3), Ставропольский музей (Черных, 1966, с. 109, рис. 30, 165), Уреки (Рамишвили, 1974, табл. XXIII, 1, XXIV, 1), Хабаз (Кореневский, 1984, с. 260, рис. 9, 7).

Топоры данного типа встречаются в комплексах с предметами других типов и категорий, что помогает определить их культурную и хронологическую принадлежность. В целом, урекские топоры входят в состав предметов, характерных для прикубанского очага металлургии и металлообработки на его раннем, ахметовском, этапе развития (Бочкарев, 1996, с. 96–97; Бочкарев, Пелих, 2019, с. 180–181). Ахметовская группа памятников прикубанского очага синхронизируется с IV, лобойковско-дербеденовской, группой памятников эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы (Бочкарев, 2017, с. 173).

При этом сам принцип производства «урекских» топоров – путем литья в двухстворчатых формах с узким литником, расположенном на «спинке» орудия – считается характерным для II, среднего, технологического этапа бронзового века юга Восточной Европы (Бочкарев, 2019, с. 168–169). Ранним признаком также является круглая форма проушины.

По ряду параметров топоры урекского типа близки таким средне-бронзовым типам топоров, как топоры так называемого костромского типа, а также топоры типа Фаскау 5 и типа Фаскау 8 по С. Н. Кореневскому (Кореневский, 1976, с. 18–19; Он же, 1981, с. 28–31).

В связи с вышеизложенным можно обозначить топоры урекского типа как изделия переходной, от эпохи средней бронзы к поздней, формы.

2 Благодарим В. С. Бочкарева за возможность ознакомления с его личным архивом.

С помощью оборудования Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа был проведен рентгенофлуоресцентный анализ топоров из Нижнего Архыза (спектрометр ArtTAX, Brüker, автор анализов С. В. Хаврин). Результаты анализа следующие:

Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe
Топор 1373	Осн.	2–3	-	Сл.	-	Сл.	-	<0,2
Топор 1028	Осн.	-	-	Сл.	-	-	-	<0,3

Таким образом, состав сплава первого из описанных топоров, с обломанным краем лезвия, характерен для II технологического этапа бронзового века юга Восточной Европы – это классическая мышьяковая бронза (Бочкарев, 2019, с. 168). Именно из таких мышьяковых бронз (порой с добавлением иных легирующих компонентов) отлито большинство проанализированных топоров урекского типа (Черных, 1966, с. 112, табл. IV; Кореневский, 1981, с. 34, табл. 4; Ключко, Козыменко, 2017, с. 344). Металл второго топора удивляет – это чистая медь, без легирующих примесей. Если это не ошибка прибора, то здесь мы сталкиваемся с крайне редким для средней бронзы изготовлением медного орудия.

Абсолютная датировка топоров урекского типа определяется преимущественно по синхронизации с лобойковско-дербеденовской группой памятников юга Восточной Европы, ориентировочно XV–XIV вв. до н.э. (Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002. с. 12–13, рис. 1), с возможностью удревнения.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В. С., 1972. Новый клад прикубанских бронз из Ростовской области // КСИА. 132. – М.

Бочкарев В. С., 1996. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. – СПб.

Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 2.

Бочкарев В. С., 2019. К вопросу о периодизации памятников

бронзового века юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.

Бочкарев В. С., Пелих А. Л., 2019. Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва. – СПб.

Воронов Ю. Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми.

Дергачев В. А., Бочкарев В. С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев.

Джaparидзе О. М., 1951. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948 г. // КСИИМК. Вып. XXXIX. –М.; Л.

Добровольский А. В., 1948. Бериславский скарб бронзовой доби // Археологія. Вып. II.

Кияшко А. В., 2020. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // Археологические вести. Вып. 30. – СПб.

Клочко В. И., Козыменко А. В., 2017. Древний металл Украины. – Киев.

Колотухин В. А., 2003. Поздний бронзовый век Крыма. – Киев.

Корневский С. Н., 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. № 4.

Корневский С. Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М.

Корневский С. Н., 1984. Новые данные по металлообработке докубанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. – Нальчик.

Марковин В. И., Глебов А.И., 1979. Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской // СА. № 2.

Минаева Т. М., 1947. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске (раскопки 1940 г.) // КСИИМК. XVI. – М.; Л.

Рамишвили А.Т., 1974. Из истории материальной культуры Колхиды (на груз. языке, с рус. резюме). – Батуми.

Черных Е. Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.

Черняков И. Т., 1967. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // Записки Одесского археологического общества. Т. II. – Одесса.

Черняков И. Т., 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. – Киев.

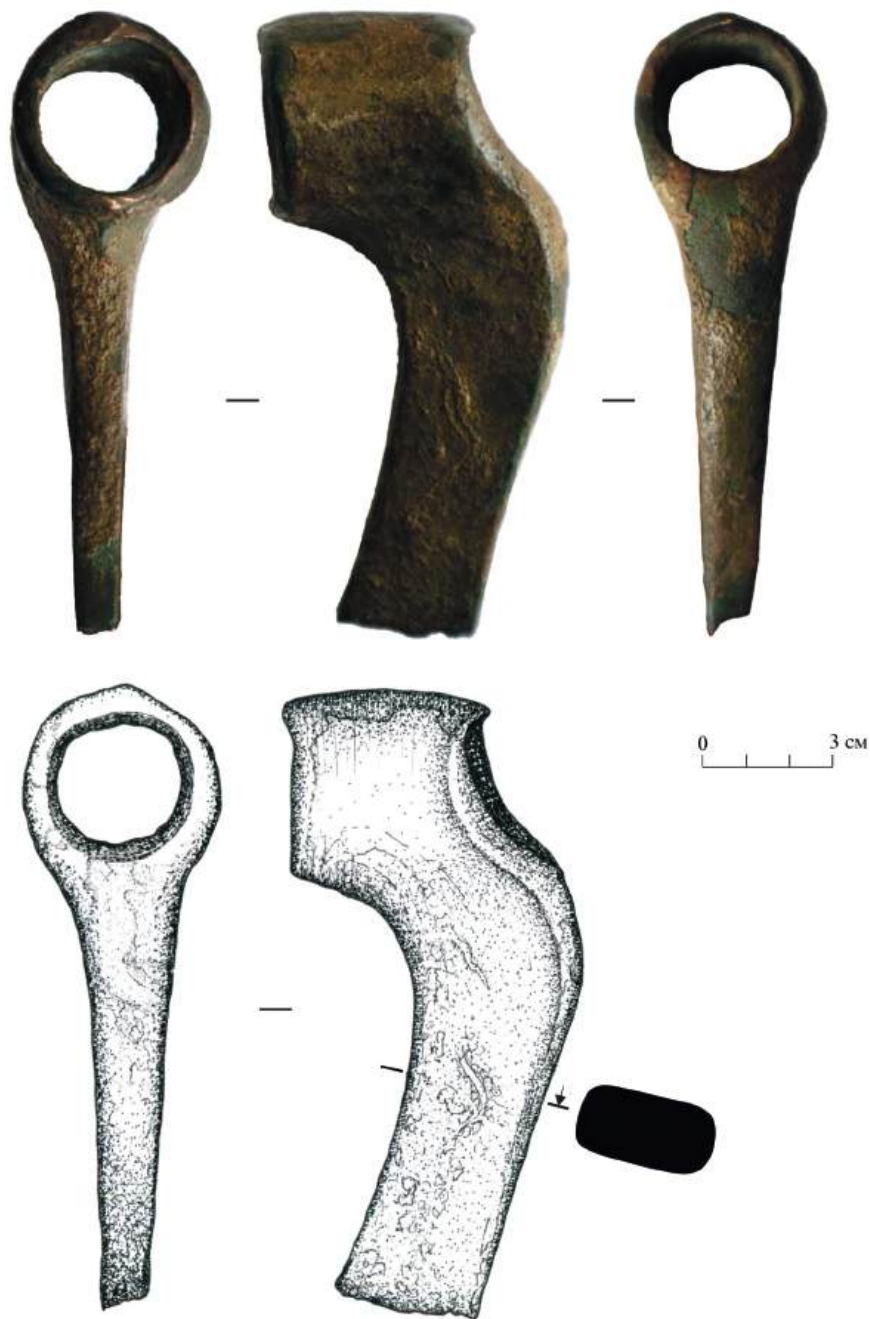

Рис. 1. *Нижний Архыз. Топор 1*

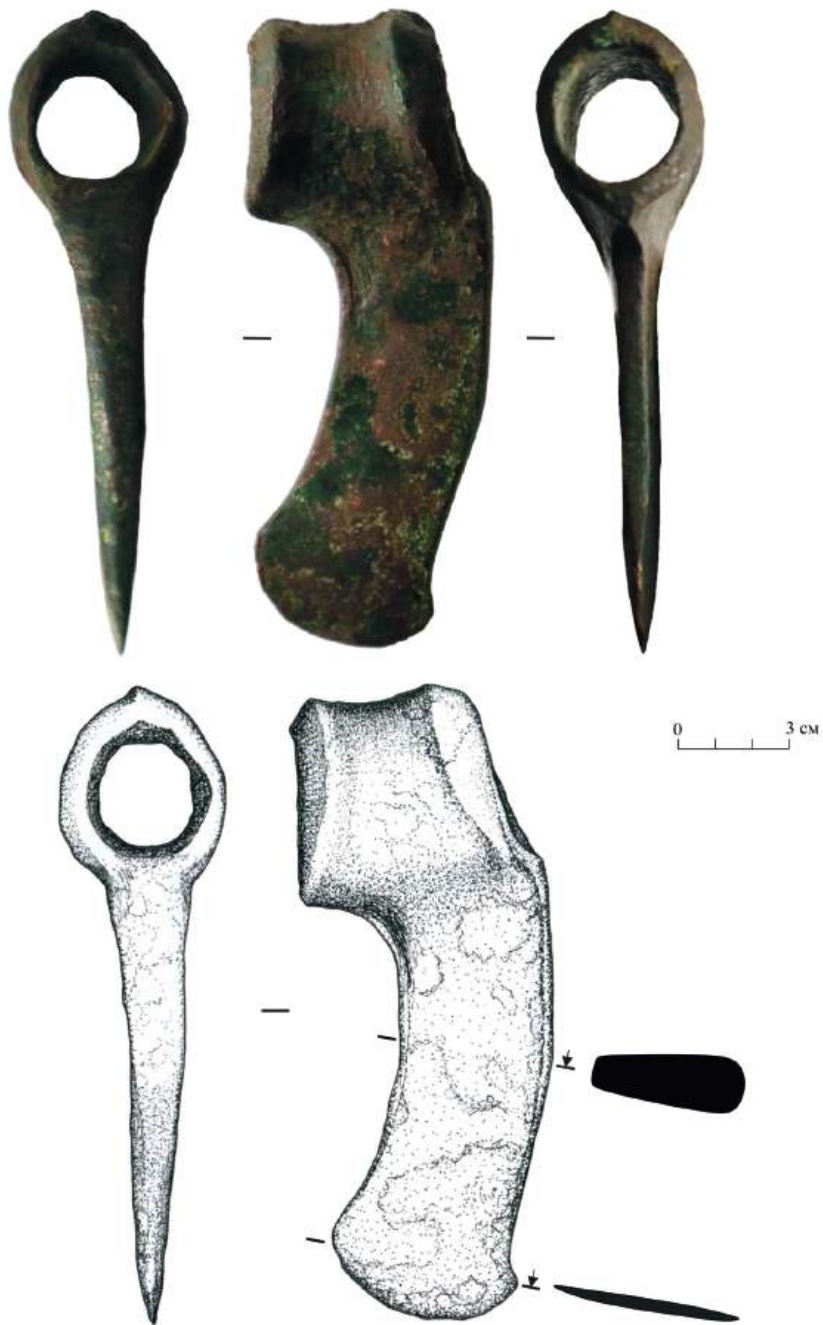

Рис. 2. Нижний Архыз. Топор 2

ИЗВАЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ТБИЛИСИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЮАНСОВ ИКОНОГРАФИИ

А.В. Евглевский,

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Аннотация. Статья посвящена каменной скульптуре кочевников 1-й пол. XIII в. с пышной иконографией из станицы Дядьковской (Краснодарский край), хранящейся ныне в Музее Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси). Несмотря на то, что изваяние с разной степенью информативности неоднократно публиковалось, в данной статье значительно уточнено описание иконографии и предложена гораздо более узкая датировка.

Ключевые слова: каменное изваяние, средневековые кочевники, иконография, серьги с подвесками, постфункциональная судьба

A STATUE OF MEDIEVAL NOMADS FROM TBILISI: RETHINKING THE NUANCES OF ICONOGRAPHY

A.V. Evglevsky,

Donetsk National University, Donetsk, DPR

Abstract. The article is devoted to a stone sculpture of nomads from the 1st half of the 13th century with a magnificent iconography from the village of Diadkovskaya (Krasnodar Territory), now preserved in the Si-

mon Janshia Museum of Georgia, Tbilisi. Despite the fact that the sculpture has been repeatedly published with different degrees of information, in this work the description of the iconography is significantly refined and offered a more narrow date.

Keywords: stone statue, medieval nomads, iconography, pendant earrings, post-functional fate

Постфункциональная судьба

Предисловие. Судьба скульптуры, обнаруженной в окрестностях станицы Дядьковской Краснодарского края и находящейся ныне в фондах Музея Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси), драматична, как и большинства изваяний средневековых кочевников, утративших паспортные данные или оказавшихся сильно поврежденными. Изваяние неоднократно меняло прописку, как следствие, ее происхождение все более запутывалось, а иконография неизменно ухудшалась³. Ныне она состоит из трех частей, на которых есть уникальные черты иконографии. Их необходимо не только сберечь, но и создать условия для всестороннего дальнейшего осмысления исследователями. Одним из таких условий является тщательное описание изваяния с одновременным критическим анализом состояния источника и предшествующих публикаций.

Скульптура обнаружена в апреле 1867 г. в 6 верстах от станицы Дядьковской Кубанской области Екатеринодарского округа России

3 К сожалению, изваяние до сих пор не попало в умелые руки реставратора. При этом подчеркну, что в данном случае под умелыми руками я не имею в виду необходимость соединения отдельных частей скульптуры с помощью цемента или металлических штырей, а также замазывание строительной затиркой царапин, выбоин, стесанных участков, применение химии и прочих традиционных методов реставрации. Не имея удостоверения реставратора, я, тем не менее, давно убедился, что подобное механическое или химическое воздействие на поврежденные участки камня скульптуры (тем более, столь мягкого, как меловый белый известняк) не только со временем неизбежно приведет к негативным процессам в верхних слоях камня, но и противоречит аутентичности древнего артефакта. Точнее, изменение аутентичности скульптуры, как произведения искусства, в той или иной степени ведет к нарушению подлинности стилистических и технологических приемов изготовления на локальных участках поверхности камня, и как следствие, к искажению восприятия образа. На мой взгляд, любое изваяние должно оставаться таким, каким оно было при обнаружении, за исключением, конечно, удаления грязи, пыли и иных инородных элементов стерильными материалами (без химического вмешательства) с последующим обязательным профессиональным созданием для скульптуры музейного микроклимата, не говоря уже об изоляции от природной среды и антропогенных факторов. Более того, скульптура, несомненно, заслуживает места в экспозиции музея, а не находится в фондах.

(ныне Кореновский р-н Краснодарского края, РФ) (Кубанская каменная баба, 1868, с. 282–283; Радде, 1891, с. 19). Контекст находки не установлен, но фрагменты изваяния (как минимум, голова, торс с ногами и постамент), очевидно, изначально не были подвержены сколь-либо длительным природным воздействиям, а были извлечены из кургана (скорее всего, при грабительских раскопках) и едва ли не сразу оказались в каком-то помещении. При этом не совсем понятно, была ли скульптура разбита в эпоху Средневековья после окончания ее функционирования или же это случилось гораздо позднее.

По распоряжению начальника Кубанской области графа Ф. Н. Сумарокова-Эльстона изваяние было доставлено в г. Екатеринодар (ныне г. Краснодар). Но вскоре (не позднее 1868 г.) по указу наместника Кавказа перевезено в Тифлисский музей, о чем незамедлительно сообщили в археологическом вестнике «Древности», издаваемом Московским археологическим обществом (Кубанская каменная баба, 1868, с. 282). До 1961 г. скульптура хранилась в Государственном музее истории Грузии им. С. Джанашия (г. Тбилиси), затем была доставлена в полевой музей Армазисхеви⁴, где находилась в коллекции лапидария вплоть до 2006 г., после чего была возвращена в Музей Грузии им. С. Джанашия⁵.

История изучения. Изваяние неоднократно привлекало к себе внимание исследователей (пять публикаций⁶ и столько же упомина-

4 Находится в Армазском ущелье, близ г. Мцхета, административного центра края на востоке Грузии, в 20 км к северу от Тбилиси.

5 Название музея нередко путают (или слишком вольно используют) в связи с его многократным переименованием и наличием филиалов со схожими названиями. Нет ясности и в статье Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе (Чхаидзе, 2016, с. 150–159). В названии их публикации и в подписях под рисунками музей фигурирует как Национальный музей Грузии, в аннотации и в заключительном разделе статьи как Тбилисский музей. В начале статьи указан музей Грузии им. С. Джанашия, а тремя строчками ниже – Государственный музей. И, наконец, в разделе о происхождении изваяния – Музей Грузии. Всего использовано пять вариантов и это, на мой взгляд, не только уход коллегами от тавтологии. Поэтому приведу небольшую справку об истории названия музея, что автоматически уточнит место хранения, интересующего нас изваяния.

Музей основан Кавказским департаментом Российского Императорского географического общества в 1852 г., а в 1867 г. по инициативе немецкого исследователя Густава Радде получил название Кавказский (Тифлисский) музей. После выхода Грузии в 1918 г. из состава России музей в 1919 г. преобразован в Музей Грузии. В 1947 г. переименован в честь выдающегося грузинского историка Симона Джанашия (известный общественности как Государственный музей истории Грузии им. С. Джанашия). А современное название – Музей Грузии им. Симона Джанашия – появилось в 2004 г. в связи с созданием сети из 13 крупных музеев страны, объединенных в Грузинский национальный музей.

6 Кубанская каменная баба, 1868, с. 282–283; Веселовский, 1905, рис. 11; Кузнецов, 1980, с. 69–78; Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150–159; Нарожный, 2018, с. 155–163.

ний⁷ с разной степенью информативности). После трех последних работ (Нарожный, 2008, с. 74–78; 2018, с. 158–160; Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150–157) был решен вопрос о его происхождении, и там же дана исчерпывающая историография. Что касается полного описания иконографии скульптуры, то это, по большому счету, есть лишь в работе Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе, где также крупным планом представлены хорошего качества фотографии, поданы рисунки из трех предыдущих публикаций, а текст сопровождается обширным ссылочным аппаратом.

Выясняя постфункциональную судьбу скульптуры, Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе верно определили, что фигурирующая в статье Н. И. Веселовского станица Даховская (Закубанье, Майкопский р-н, Республика Адыгея, РФ) (Веселовский, 1905, рис. 11), как первоначальное местонахождение изваяния, относится к другой скульптуре (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153, 154). Действительно, из Закубанья дядьковская скульптура практически не может происходить, хотя типологически иные средневековые изваяния кочевников все же могли оказаться в Адыгее (и не только волею судьбы).

Коллеги не установили, кто первым создал путаницу в ее происхождении. Предположу, что это был известный караимский просветитель Авраам Фиркович (1787–1874), доставивший какую-то скульптуру в Пятигорск, которая определенное время стояла у здания городской думы в Ставрополе, позже перевезенная в Тбилиси. Так или иначе, но путаницу усугубили авторитетнейшие археологи Н. И. Веселовский (Веселовский, 1905, рис. 11) и Т. М. Минаева (Минаева, 1964, с. 182).

Свой «вклад» в путаницу внесла даже выдающаяся исследовательница средневековых кочевников С. А. Плетнева. При описании дядьковской скульптуры она сообщила, что та была обнаружена А. С. Фирковичем в окрестностях Пятигорска и имеет высоту 3,6 м (Плетнева, 1974, с. 102. № 1079). Удивляет то обстоятельство, что С. А. Плетнева, собрав и описав к 1974 г. колоссальную на тот момент источниктовую базу половецких изваяний, как минимум, должна была обратить внимание на очень уж большую высоту и на породу камня,

7 Радде, 1891, с. 19; Минаева, 1964, с. 182; Плетнева, 1974, № 1079, с. 102; Зеленский, 2001, с. 32–37; Нарожный, 2008, с. 74–78.

не говоря уже о развитой, пышной и тщательно проработанной иконографии, создание которой в пограничных районах их ареала маловероятно. Дополнительную информацию к этой истории со ссылкой на письмо заведующего Ставропольским музеем Г. Н. Прозрителева представил в своей статье В. А. Кузнецов (Кузнецов, 1980, с. 70, 72), но полного ответа на проблему не дал. К сожалению, в этой истории не смог разобраться и краснодарский археолог Ю.В. Зеленский, посчитавший, что изваяние из ст. Дядьковской затерялось (Зеленский, 2001, с. 34). А между тем, он как никто иной, целенаправленно исследовал и регулярно публиковал изваяния средневековых кочевников Краснодарского края. И только Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе в 2016 г. остановили образовавшийся снежный ком путаницы (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150–157), впервые дали его развернутое описание.

Казалось бы, что после выхода работы Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе наконец-то можно спустя 150 лет закрыть вопрос о полном введении изваяния в научный оборот. Однако, на мой взгляд, его иконография осталась, мягко говоря, недоосмысленной, то есть требует более значительного углубления в источник. Во всяком случае, если не считать в их публикации трех страниц иллюстраций, полторы страницы текста о происхождении скульптуры и ее миграции из музея в музей, полутора страниц списка литературы, резюме на русском, abstract на английском, а также сведений об авторах, то оказывается, что из 8 страниц статьи описанию иконографии (главной части работы) отведена лишь 1 страница (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Более того, описание иконографии у них представляет собой довольно сухие, схематичные и преимущественно не удачные по смыслу фразы, к тому же забитые тотальными и малополезными ссылками на типы вещей, изображенных на скульптуре, которые ничего не проясняют, а в некоторых случаях даже искажают картину.

В статье Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе нет и продуктивной критики предшественников. Вместо этого на шести строках даны банальные выводы, не имеющие никакой новизны и перспективы. В частности, узнаем, что дядьковское изваяние (с пространственными ссылками на Л. С. Гераськову (Гераськова, 1991, с. 66–97) и М. В.

Квитницкого (Квитницкого, 2015, с. 287–291): «может быть связано с половецким кочевым объединением...» и «что в общем массиве скульптуры степей региона встречаются разнообразные по семантике экземпляры, которые достаточно осторожно, но возможно связать с различными средневековыми тюркскими народностями» (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Наконец, нет в статье коллег и попыток предложить скульптуре относительно узкую дату, которая буквально просится, хотя я не хочу сказать, что это простая задача.

Поскольку иконографические детали, несмотря на многочисленные повреждения, сохранились относительно неплохо, а также потому, что они изображены мастером с высоким уровнем исполнения, то их можно подробно проанализировать, точнее, существенно дополнить и уточнить описания, сделанные Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе. Собственно это и является задачей моей статьи, и я надеюсь, она в дальнейшем позволит извлечь из изваяния новые смыслы⁸.

Общие сведения⁹

Изваяние (фондовый № 201) женское, полнофигурное, стоящего типа, высечено из мягкого мелового белого известняка светло-серого цвета.

Сохранность. Скульптура ныне представлена четырьмя частями: головой, торсом, кафтаном с сосудом и ногами. У нее отбиты и утрачены два фрагмента: туля шляпы (очевидно, еще к моменту обнаружения) и стопы с нижней частью постамента (между 1905 и 1926 гг.). Оббиты поля шляпы и голени, имеются небольшие сколы на подбородке, плечах, левом предплечье, гривнах, грудях; есть небольшие выбоины на носу, глазах, ушах, затертые места на лице, запястьях, голенях, практически полностью стерта левая серьга. Кроме того, в центр излома нижней части головы вставлен металли-

8 Благодарю заведующую фондами музея Н. Д. Датунашвили, организовавшую мне благоприятные бытовые условия в Тбилиси и максимально быстрый доступ к изваянию.

9 Скульптура исследована и сфотографирована мной в сентябре 2016 года. Однако с публикацией я не стал спешить, узнав, что ту же цель преследуют вышеупомянутые коллеги. Дело в том, что источниковая база изваяний Прикубанья и Северного Кавказа им была хорошо известна, опыт накоплен значительный, территория почти родная, а значит, как говорится, и карты им в руки. Так я подумал тогда.

ческий прут для соединения с торсом; такие же металлические штыри с заклепками вставлены и в плечевые части. Поэтому я не могу согласиться с Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 156)¹⁰ в том, что изображения на дядьковской скульптуре практически не пострадали. Моя общая оценка ее сохранности не более чем «вполне удовлетворительная», но никак не «хорошая». Однако, несмотря на все утраты, изваянию в плане деталей иконографии повезло гораздо больше, чем многим другим монументальным произведениям искусства, хранящимся десятилетиями во дворах музеев под открытым небом, в захламленных фондах или в тесном лапидарии, где они намертво охвачены железными оковами.

Размеры: голова – $0,42 \times 0,22 \times 0,25$ м; торс – $0,69 \times 0,44 \times 0,25$ м; кафтан – $0,53 \times 0,39 \times 0,23$ м; ноги – $0,33 \times 0,38 \times 0,21$ м. Общая высота скульптуры составляет 1,97 м, что на 27 см больше высоты (1,70 м), указанной у Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150). Такая разница – это не обычные расхождения в 1–5 и даже в 10 см, связанные с различными обстоятельствами, в том числе с плохим освещением, неудобством снятия параметров в одиночку и т.д. Похоже, в данном случае ощутимая погрешность у коллег в высоте – это результат слишком поспешного желания ввести (полновесно, как им казалось) изваяние в научный оборот, обязательно опередить меня.

К высоте 1,97 м можно виртуально добавить (судя по аналогиям данного типа скульптур) еще примерно 30 см высоты отсутствующей части постамента, а также высоту утраченной тульи, которая, судя по данному типу шляпы, могла быть около 15–20 см. Таким образом, изначальная высота изваяния составляла примерно 2,5 м.

Иконография

Голова полностью выделена из монолита, подбородок находится в естественном положении, шея длинная. На голове – остатки **шляпы** с отбитой конусовидной тульей и высоко поднятой подтре-

10 Не все скульптуры из упомянутых Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе музеев Краснодар, Ставрополя и Донецка хранятся на открытом воздухе. Наиболее выразительные из них (но не многие) и лучшие по сохранности находятся в выставочных залах или в фондах, хотя в некоторых музеях России и Украины ситуация действительно удручающая.

угольной тыльной стороной (рис. 1, 1–4). Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе не указывают, что под шляпой изображена плотно облегающая **шапочка**, закрывающая весь лоб. Контуры шапочки просматриваются за ушами, на лбу ее нижний контур сливается с контуром бровей, а ее угловатый выступ в центре – с переносицей (рис. 1, 1, 2).

Из-под головного убора на тыльную сторону головы ниспадает подовальная накидка с дуговидным основанием, по бокам которого изображены два длинных **накосника**, доходящих до середины спины (рис. 2, 7, 8; 6, 22). Из-под накидки ниспадает узкая короткая подовальная **лопасть**, доходящая до уровня лопаток (рис. 2, 7, 8). Лопасть заканчивается, скорее всего, не подвеской, как пишут коллеги (т.е. мастером она подразумевалась не как имитация подвески из твердого материала), а небольшой декоративной деталью каплевидной формы, вероятно, имитирующей украшение из ткани или кожи. Такая форма завершения лопасти – относительно редкий случай. Обычно изображены ромбовидные окончания, реже округлые, еще реже треугольные, иногда их вовсе нет.

Слева и справа от накосников на тыльной стороне плеч показаны декоративные вышивки/нашивки в виде прочерченных относительно широких крючкообразных полос, плавно сужающихся к концам (рис. 2, 7, 8; 3, 9; 6, 22). Эту редкую изобразительную композицию коллеги трактуют как “четыре косы в футлярах” (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150), что практически исключено. Во всяком случае, на всем ареале изваяний средневековых кочевников известен лишь один случай с четырьмя необычно тонкими накосниками, но они ниспадают на спину (Плетнева, 1974, табл. XXVIII, 257), а не на плечи. Обычно на женских скульптурах показывались два накосника, то есть две косы в футлярах.

Лицо Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе описали как «вытянутое, но округлое...». Понять это невозможно. Гораздо информативнее будет так: лицо объемное, подпрямоугольной формы, широкоскулое, с выпуклыми щеками и выделенным округлым массивным подбородком (рис. 1, 1; 6, 20, 21). В подбородочной области реалистично показано скопление мягких тканей (второй подбородок). В известном смысле коллеги правы, что лицо “имеет явный портрет-

ный характер” (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150), но как они догадались, что оно напоминает реальные черты женщины? Дискуссии между специалистами о портретности изваяний (в том числе средневековых кочевников), точнее, их реалистичности, имеют немалую историографию, но в данной статье не место для развертывания суждений на этот счет. Отмечу лишь, что я не сторонник тех исследователей, которые видят в образах изваяний кочевников реальные (не искаженные и не завуалированные) черты умерших. На мой взгляд, такая прямолинейность не имеет перспективы в их осмыслении.

Брови узкие, слаборельефные, дуговидные, слегка приподняты, вместе с коротким резко расширяющимся книзу **носом** (странно, но коллеги увидели тонкий нос) составляют Т-образную композицию. Реалистично изображены крылья и ноздри носа (рис. 1, 1; 6, 20). **Глаза** являются едва ли не самым важным элементом этнического и, в известной степени, мифологического облика изваяний, но у коллег они описаны единственным, ни о чем не говорящим словом “широкие”. На самом деле они неестественно большие, близкие к миндалевидным, с выделенными веками; асимметричные, правый глаз немного меньше левого, расположен чуть ниже левого глаза и находится чуть ближе к переносице (рис. 1, 1; 6, 20). **Рот** изображен длинной дуговидной прочерченной линией, обрамленной реалистично показанными валиками-губами (рис. 1, 1; 6, 20); но у коллег рот назван “двугубым”, как будто могут быть одногубые или трехгубые рты. **Уши** у коллег вообще выпали из описания. Можно подумать, что мастер их на изваянии не показал, что, кстати, нередко встречается на ранних фигурах-бюстах. На дядьковском изваянии они небольшие, реалистичные, в виде подовальных замкнутых рельефных валиков с углублением в центре и просматривающимися рельефными мочками ушей (рис. 1, 3, 4; 2, 5; 6, 19), в которые вдеты сложносоставные **серьги**.

Похоже, что к мочке уха, прикреплен широкий витой проволочный стержень, в него вдето небольшое кольцо, к которому, в свою очередь, прикреплены три витых проволочных стержня или цепочки, заканчивающиеся крупными ромбовидными подвесками (рис. 1, 3, 4; 2, 5; 6, 19). С высокой долей вероятности можно предполо-

жить, что эти украшения, в целом, имитируют наиболее популярные у средневековых женщин-кочевниц подвески из лазурита, относительно часто встречающиеся в погребениях XII-XIII веков. У коллег серьги описаны хотя и довольно сухо, но в целом правильно: “кольчатые, с тремя отходящими вниз лучами, оканчивающимися тремя ромбическими подвесками” (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Но приведенные коллегами аналогии серьгам не выдерживают никакой критики, а между тем именно эта иконографическая деталь на данном изваянии самая выразительная, без натяжки уникальная, потенциально весьма информативная. К серьгам я вернусь в разделе о датировке скульптуры.

Лицо обрамляет украшение головного убора, имитирующее бараньи **рога**, показанные на фоне накидки. Этот стилистический прием, кроме данного изваяния, зафиксирован в Предкавказье еще один раз (Новоблагодарное), тогда как частота встречаемости данного приема плавно увеличивается к северо-западу и достигает наибольшего распространения на Левобережье Нижнего Днестра. “Рога” маленькие, узкие, слабо изогнуты, отделены от лица широкими неглубокими выемками (рис. 1, 3, 4; 6, 19, 21). Четыре ссылки на их встречаемость в погребениях, сделанные Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 150, 153), информируют читателя лишь о малой доли погребений с такими украшениями, известными у восточноевропейских средневековых женщин-кочевниц; их гораздо больше.

Описание **плеч** выпало из описания коллег, а между тем их особенности формируют абрис изваяния и его композиционное построение, что позволяет исследователю выработать его условный тип и способствует уточнению даты, особенно в тех случаях, когда речь идет о скульптуре, на которой нет изображений вещей. У дядьковского изваяния плечи обычные: покатые, округлые, естественных пропорций (рис. 2, 6, 7; 3, 9; 4, 12).

На шее – **ожерелье**, охарактеризованное коллегами как состоящее “из подвесок разной формы” (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Значительно точнее и информативнее будет так: ожерелье состоит из чередующихся крупных ромбовидных и двурогих подвесок. Таким образом, мастер, вероятно, изображал отшлифованные

изящные уплощенные лазуритовые подвески, часто встречающиеся в погребениях, и естественной формы веточки коралла (рис. 4, 12). Ниже, на груди, показаны три рельефные гладкие **гривны** (рис. 4, 12). Наличие в составе украшений гладких гривен для столь развитого типа изваяния, каким является дядьковское, – относительно редкий факт, так как в большинстве случаев встречаются витые гривны. Что касается изображения на изваянии такого количества гривен, то это также относительно редкий случай, мне известно не более 10 подобных скульптур. Наличие трех гривен и ожерелья, очевидно, свидетельствует о довольно высоком статусе женщины, чей образ изображен на изваянии, хотя с семантической точки зрения здесь не столь все ясно. Дело в том, что одна гривна на восточноевропейских изваяниях развитых типов встречается примерно так же часто, как и две, что несколько противоречит типичной социальной пирамиде. Четыре гривны изображены лишь на одной скульптуре.

Груди небольшие, рельефные, подовальной формы, соединены короткой дуговидной перемычкой, их внешний контур плавно переходит на плечевые части рук. Правая грудь длиннее левой. Вряд ли мастер на столь искусно выполненном изваянии высек так случайно. Ведь все остальные детали иконографии, причем более сложные по исполнению (брови, «рога», пальцы, гривны, накосники и спиральный орнамент на кафтане) выполнены с безупречной симметрией (рис. 2, 6). **Живот** так же, как уши и плечи, коллегами в описании пропущены. Правда, живот, даже если он выступает вперед, не замечают и многие другие исследователи скульптур, а между тем он вместе с руками и ногами формирует объемность и пропорции изваяния, что, в свою очередь, в известной степени, способствует реалистичному восприятию образа и, в некоторой степени, уточнению даты. В данном случае, живот объемный, неестественно длинный, подовальной формы. Нижняя часть живота слегка расширяется (рис. 2, 6; 6, 20).

Руки объемные, согнуты в округлых локтях под очень большим тупым углом, низко опущены, что необычно для развитого типа изваяний; внутренняя сторона рук округлая. Руки отделены от живота узкими глубокими, практически вертикальными выемками (рис. 2, 6; 6, 20, 21), а с тыльной стороны отделены от торса более узки-

ми глубокими вертикальными выемками (рис. 2, 7; 6, 22). Между предплечьями и бедрами – небольшие подтреугольные выемки, фигура талирована. Кисти выставлены под небольшим углом, пальцы длинные, узкие, раздвинуты, большие пальцы слегка приподняты. На правом запястье просматривается след рельефного валика, возможно, был изображен **браслет**. В руках – **сосуд** баночной формы со слегка выраженными венчиком и донцем (рис. 4, 13; 5, 14; 6, 20).

Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе не сомневаются, что «запястья обеих рук украшают витые браслеты с орнаментом “гнутые линии”», и что «подобный орнамент встречается только на статуях Предкавказья и Донбасса» (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Наблюдательности коллег и обширному знанию источника можно было бы позавидовать, если бы не то обстоятельство, что на данных запястьях хорошо видны только стесанные участки, не говоря уже о том, что на этом уровне прошел один из разломов изваяния. Поэтому констатировать наличие там браслетов можно лишь логически, используя многочисленные аналогии женских скульптур данного типа, но нельзя полностью исключать и обшлаг рукава. Неосторожно мнение коллег и относительно наличия на браслетах орнамента в виде неких “гнутых линий”. В связи с этой легкой надуманностью совершенно неуместны ссылки на Л. С. Гераськову (Гераськова, 1991, с. 85–91; 1999, с. 422–423, рис. 10, 12) и М. В. Квитницкого (Квитницкого, 2015, с. 291, рис. 14). В любом случае термин *гнутые линии* не совсем удачный, так как не отражает характерных особенностей всего разнообразия *гнутых линий*, встречающихся в декоре изваяний и разного рода вещей. Относительно декора на кафтане дядьковской скульптуры гораздо точнее будут термины *орнамент в виде спирали* или *спиралевидный орнамент*, или проще – *S-видный орнамент*, они давно прижились в литературе. Сегодня этот тип декора зафиксирован почти исключительно на изваяниях Предкавказья (7 достоверных случаев), а в Донбассе, вопреки утверждению коллег, кажется, всего один (с. Ступки, ныне Бахмутский р-н Донецкой обл., хранится в ГИМ).

На изваянии изображена верхняя и нижняя одежда. **Кафтан** распашного типа (рис. 5, 14, 17; 6, 20). На рукавах – широкие клави (**нашивки (вышивки)**), декорированные спиралевидным асимме-

тричным орнаментом (рис. 2, 6, 7; 3, 9; 5, 15, 16; 6, 20–22). Коллеги пишут, что “на рукаве изображена нашивка”, то есть одна, но ведь нашивка видна и на другом рукаве. Такая симметрия – неизменный признак на всех скульптурах с орнаментированными кафтанами. Полы и подол по всему периметру кафтана оторочены широкими полосами, декорированными спиралевидным орнаментом и завитками. Края широких полос окантованы узкими полосами (рис. 4, 13; 5, 14, 17; 6, 20, 21).

На изваянии однозначно отсутствует ворот одежды, так что коллегам выражать сомнения по этому поводу было излишне. Этой относительно редкой иконографической детали одежды в образе женщины (на развитых типах половецких скульптур) мастером, видимо, не придавалось большого значения, но, конечно, не в такой степени, как, например, всегда отсутствующим на шлемах бармицам (не считая одного-двух весьма сомнительных случаев, как я полагаю, связанных с неудачными прорисовками современными художниками или археологами), хотя в реальности эта деталь шлема в бою, естественно, была крайне важна.

Коллеги правы, что тип кафтана распашной, однако сформулированная ими мысль: «подол кафтана расходящийся – типа II» неудачна (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Во всяком случае, у кафтана по определению не может быть только расходящийся подол, расходящимися должны быть и полы, в противном случае это будет другой тип верхней одежды. Иными словами, кафтан не надевают через голову, как например, сарафан; кафтан может иметь только расходящиеся (распашные, раскрывающиеся) полы. Но на изваяниях он часто показывается еще и как разрезной, т.е. как схематичный изобразительный вариант распашного кафтана. В том же направлении рассуждает и С. А. Плетнева: “Следует подчеркнуть, что полы кафтанов ниже пояса у женщин всегда расходящиеся, только на примитивно сделанных экземплярах продольная полоска, делящая полы, не обозначена” (Плетнева, 1974, с. 35–36). И далее: “Наличие подолов без разреза приводит к выводу, что верхнюю одежду воина вряд ли всегда можно считать кафтаном. Вполне вероятно, что одежда без разреза, была обыкновенной рубахой. Кстати, ни разу на статуе с подолом без разреза не встретились рукава с нашивками”.

ми. Очевидно, их пришивали только на тяжелую ткань кафтанов” (Плетнева, 1974, с. 51). Добавлю, что кафтаны, очевидно, были более дорогими по сравнению с другими видами верхней одежды, но изображения их на изваяниях не обязательно должно соотноситься лишь с социальной верхушкой. Степень орнаментированности кафтанов, их изящество – это еще и хронологический, региональный и, возможно, кланово-родовой признак.

Из-за излома скульптуры на уровне подола кафтана на его лицевой стороне не видна нижняя одежда – рубаха. Но изображение левого профиля не оставляет сомнений: под подолом кафтана просматривается узкая полоса рубахи.

Ноги. Слишком лаконично описаны коллегами ноги и обувь: «на ногах изваяния – сапоги» (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Информативнее: конусовидные ноги скульптуры, вероятно, обуты в весьма оригинальные сапожки. Их оригинальность состоит в том, что в верхней части голени просматривается широкая полоса, оконеченная прерванными линиями (возможно, так показаны халявы сапожек), и украшенная зигзагообразным орнаментом. Но нельзя исключать, что таким образом изображены чулки или шаровары. Кстати, на рис. 11 в публикации Н. И. Веселовского (Веселовский, 1905) голенища сапог орнаментированы рядами шестиугольных фигур, сейчас этот декор не прослеживается. Ноги выделены из постамента горельефом (рис. 5, 18; 6, 20). На рисунке из публикации в «Древностях» (1868, с. 282) и у Н. И. Веселовского (Веселовский, 1905, рис. 11) ноги опираются на узкую подножку, которая вместе со ступнями оказалась на утраченном фрагменте постамента.

Низ спины имеет угловатую подтеску к **поясу**, показанному узкой полосой. С пояса ниспадает изображенная многочисленными узкими полосами-черточками бахрама (рис. 2, 7; 3, 10). Боковые и тыльная стороны изваяния выровнены. Постамент прямоугольной формы. Вся поверхность скульптуры тщательно отшлифована, что лишило возможности выявить на скульптуре приемы техники обработки, за исключением прочерчивания.

Датировка

Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе проблему датировки изваяния решили предельно просто, сославшись на монографические исследования Г. А. Фёдорова-Давыдова, С. А. Плетневой и Л. С. Гераськовой (Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева, 1974; Гераськова, 1991). Но, если первые два выдающихся исследователя памятников средневековых кочевников расходятся лишь в степени типохронологического дробления скульптур, а в целом единодушны в принципиальном вопросе об общей линии их эволюции, то Л. С. Гераськова не предполагает раннезолотоордынского периода функционирования, наоборот, отодвигая вниз нижнюю границу хронологических рамок бытования изваяний развитых типов до периода господства в восточноевропейских степях печенегов и огузов. Правда, в отличие от её предшественников, Л. С. Гераськова значительно разветвляет типохронологический анализ. Здесь у неё есть много интересных, но неограниченных построений, немало и сомнительных, противоречивых и совершенно неудачных.

Кому из трех упомянутых авторов (или другим) отдавать предпочтение при датировании того или иного изваяния – это субъективное дело каждого исследователя. Однако вопрос в том, что Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе не стали даже в малой степени критически анализировать хронологические концепции каждого из них. Вместо этого коллеги максимально раздвинули для дядьковской скульптуры хронологические рамки – до 300 лет, то есть дата, как они пишут, «устанавливается в пределах XII-XIV вв.» (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). С одной стороны, осторожность в неясном для себя вопросе нужно проявлять всегда, но, с другой стороны, сужению даты способствуют детализированная иконография изваяния, накопившаяся источниковая база и коллективная исследовательская мысль. Во всяком случае, предложенный коллегами интервал в три века сли-и-и-шжом широк. За такой длинный отрезок времени в 300 лет могла появиться, расцвести и угаснуть целая цивилизация. Кстати, не стал предлагать свою дату дядьковскому изваянию и Е. И. Нарожный (Нарожный, 2018), что меня слегка удивило¹¹.

11 Е. И. Нарожный давно выработал свою хронологию изваяний средневековых кочевников,

Объемность скульптуры и ее композиционное построение, тип шляпы, гладкие гривны, ожерелье, декор кафтана и даже оригинальные декоративные украшения на тыльной стороне изваяния типичны для восточноевропейских кочевников Развитого Средневековья относительно узкого периода – 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII века. На этом фоне наиболее перспективный для датировки элемент иконографии – оригинальные серьги. Правда, об их типе можно судить только по относительно хорошо просматривающейся правой серьге, тогда как от левой сохранились лишь едва заметные ромбовидные подвески. Кроме того, среди огромной базы изваяний и погребений кочевников, а также в смежных культурах нет ничего подобного. То, что данные серьги не имеют аналогов в половецкой каменной скульптуре, также отметили Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153). Одним словом, еще раз можно без всяких преувеличений констатировать: перед нами уникальные серьги, а значит, вариabельности трактовок здесь не избежать.

В связи с уникальностью сережек, считаю, совершенно не уместной серию неосторожных ссылок Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе. Они пишут: «Серьги близкой формы XI-XII вв. известны в Волжской Болгарии (Рябцева, 2000. Рис. 12, 14; 15), в XIII-XV вв. – в Карпато-Дунайском регионе (Рябцева, 2005. С. 469. Рис. 14, 7) и близ Новороссийска (Сизов, 1889. С. 84. Табл. XIII, 6–7), а также в горной Ингушетии, где датируются XIV в. (Нарожный, 2007. С. 87. Рис. 1, 2; Нарожный, 2009. С. 380. Рис. 3, 13)» (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153)¹². Все приведенные «анalogии» не имеют абсолютно никакой типологической связи с сережками дядьковского изваяния, если, конечно, не смотреть на них издали, и для данного случая, не совсем удачно названными коллегами «трехлучевыми» подвесками. Под трехлучевыми подвесками (по типологии С. А. Плетневой – тип IV), нередко изображенными на скульптурах кочевников, следует понимать часто встречаемые кольцевидные серьги с примыкающими к ним вплотную тремя короткими стержнями-лучами (Плетнева, 1974, с. 44, рис. 14, 16).

в рамках которой скульптуры, подобные дядьковской, датируются широким золотоордынским временем, в чем я с ним в известной степени согласен, но исключаю 2-ю пол. XIV в., а к 1-й пол. XIV в. отношусь с большой осторожностью, так как нужны дополнительные аргументы.

12 Оформление здесь ссылочного аппарата дано по: Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153.

Приведенные Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе «близкие формы» подвесок еще сильнее расширяют предложенную ими широкую датировку от XII-XIV вв. (Датунашвили, Чхаидзе, 2016, с. 153) до, как минимум, XI-XIV веков. Кроме того, материал всех приведенных ими «близких форм» (окончаний подвесок) – это, очевидно, металл, а на дядьковском изваянии мастер практически наверняка имитировал камень, то есть, скорее всего, подразумевал лазуритовые подвески, широко представленные в погребениях и в составе ожерелий на изваяниях 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII века. Понятно, что эти аналогии не прямые, а косвенные, зато дают пищу для размышления, в том числе о более узкой дате.

Вообще, серьги – это такая категория вещевого мира древних, у которой есть огромный информационный потенциал в плане анализа формы, породы и цвета камня, размеров и пропорций, техники изготовления, декора, стиля обработки, крепления составных частей и способа крепления к уху. Важны также социальный ранг и возраст владелицы сережек, их этнокультурное происхождение, пути поступления, мода на конкретный период времени и т. д. Но в нашем случае дату изваяния формируют не только и не столько эти подвески, а увязка всех признаков изваяния с сережками.

Учитывая иконографические особенности дядьковского изваяния, технику обработки, стилистику, а также материал – меловый известняк, его дату, на мой взгляд, можно сузить до 1-й пол. – середины XIII в., но не исключаю и 2-ю пол. XIII века. Тем самым скульптура вписывается как в развитое половецкое, так и в раннезотоордынское время. Осмысление этого памятника еще предстоит продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский Н. И., 1905.* Мнимые каменные бабы. – СПб.
- Гераськова Л. С., 1991.* Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. – Киев.
- Датунашвили Н. Д., Чхаидзе В. Н., 2016.* Половецкое каменное изваяние из Национального музея Грузии // КСИА. Вып. 245. Ч. II.
- Зеленский Ю. В., 2001.* Формирование коллекции половецких

каменных изваяний Краснодарского историко-археологического музея-заповедника // Музейный вестник. Вып. 3. – Краснодар.

Квитницкий М. В., 2015. Происхождение и пути миграции половцев в Северном Причерноморье по данным археологических источников // *Stratum Plus*. № 6: Артефакты власти.

Кубанская каменная баба, 1868 // Древности. Археологический вестник, издаваемый Московским археологическим обществом. Т. I. Ноябрь – декабрь. – М.

Кузнецов В. А., 1980. Тюркские изваяния из Пятигорья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. – Нальчик.

Минаева Т. М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. – Ставрополь.

Нарожный Е. И., 2008. Новые находки половецких изваяний с территории Прикубанья // Археологический журнал. № II.

Нарожный Е. И., 2018. Несколько примечаний по поводу отдельных находок каменных скульптур с территории Северного Кавказа (эпоха средневековья) // МИАСК. Вып. 16. – Армавир; Краснодар.

Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–2.

Радде Г. И., 1891. Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования с 1 января 1867 г по 1 января 1892 г. – Тифлис.

Рябцева С.С., 2000. Трехбусинные кольца от Вислы до Волги // *Stratum Plus*. № 5: Великая Скуфь.

Фиркович А.С., 1857. Археологическая разведка на Кавказе // ЗРАО. Т. 9. Вып. 2. – СПб.

1.

2.

3.

4.

Рис. 1–4. Изваяние из Национального музея Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси). Фотографии А.В. Евглевского (2016)

5.

6.

7.

8.

Рис. 5–8. Изваяние из Национального музея Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси): 5, 7–8 фотографии А. В. Евглевского (2016). 6 – реконструкция и фотографии Н. Д. Датунашвили и В. Н. Чхаидзе (2016)

9.

10.

11.

Рис. 9–11. Изваяние из Национального музея Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси). Фотографии А. В. Евглевского (2016)

12

13

Рис. 12–13. Изваяние из Национального музея Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси). Фотографии А.В. Евглевского (2016)

14.

15.

16.

17.

18.

Рис. 14–18. Изваяние из Национального музея Грузии им. Симона Джанашия (г. Тбилиси). Фотографии А. В. Евглевского (2016)

КУРГАН У С. КЕСЛЕРОВО В ЗАПАДНОМ ЗАКУБАНЬЕ

А. В. Иванов

ООО «Южный региональный центр археологических исследований», Краснодар, Россия

Аннотация. В 2015 г. экспедицией «Южного регионального центра археологических исследований» проведены раскопки кургана № 1 из состава курганной группы «Кеслерово-4», расположенной у с. Кеслерово Крымского района Краснодарского края. В кургане исследовано 5 объектов и 22 погребения, совершенные в хронологическом диапазоне от эпохи бронзы до средневековья. Работа посвящена вводу в научный оборот материалов кургана.

Ключевые слова: курган, стратиграфия, погребения, объекты, археологический материал

MOUND NEAR THE VILLAGE OF KESLEROVO IN THE WESTERN TRANS-KUBAN REGION

A.V. Ivanov

**ООО Southern Regional Center for Archaeological Research,
Krasnodar, Russia**

Abstract. In 2015, the expedition of the «Southern Regional Center for Archaeological Research» excavated mound No. 1 from the mound

group «Keslerovo-4» located near the village. Keslerovo, Krymsky district of Krasnodar region. In the mound, 5 objects and 22 burials were investigated, made in the chronological range from the Bronze Age to the Middle Ages. The work is devoted to the introduction into scientific circulation of the materials of the barrow mound.

Keywords: barrow, stratigraphy, burials, objects, archaeological material

Всё копать, везде копать!!!

В. В. Бочковой

Цитата, выведенная в эпитафию, в бытность мою участником Краснодарской экспедиции КубГУ неоднократно повторяемая в момент сбора в очередную кампанию В. В. Бочковым, всегда служила неким восторженным призывом к поиску и исследованию ещё непознанного, неизведанного, интересного. В целом актуальное и сейчас, и, наверное, не теряющее своего значения никогда, это эмоциональное высказывание все же имеет и оборотную сторону, иллюстрирующую положение дел в кубанской археологии сегодня. Копается всё и везде и много. Естественно, когда поселенческие структуры исследуются гектарами, а курганы – десятками, количество накопленного материала становится воистину огромным. На осмысление его уходят годы, а зачастую десятилетия. В первую очередь публикуются наиболее показательные, яркие комплексы или находки, тем более, если они непосредственно касаются темы интересующей самого исследователя. Такая судьба постигла и материалы раскопок кургана, которому посвящено это сообщение. Часть комплексов раннежелезного века уже опубликована, либо информация о них находится в печати. Но остаются незаслуженно забытыми не менее интересные комплексы других эпох. И чтобы не уделять им отдельной статьи, тем самым еще больше дробя материалы кургана, предлагаю полную публикацию результатов раскопок, что и является целью данной работы.

В сезон 2015 г. экспедицией «Южного регионального центра археологических исследований» проведены археологические раскопки

кургана № 1 из состава курганной группы «Кеслерово-4» (2 насыпи), расположенной в 0,48 км к юго-западу от западной окраины х. Ленинского, в 0,55 км к северо-северо-востоку от с. Кеслерово Крымского района Краснодарского края (рис. 1, 1). Курган находился на пологой террасе левого берега р. Адагум, на пахотном поле, и активно распахивался. Насыпь имела полусферическую форму, без видимых повреждений, с вытянутой в сторону юго-запада полостью. На момент проведения работ диаметр кургана составлял 42 м, высота – 0,6 м.

Разрез кургана дал весьма простую стратиграфию (рис. 1, 2). Под дерновым слоем находилась курганная насыпь, сложенная из коричневого суглинка длиной 33,25 м, и высотой 0,8 м. Верхняя часть насыпи сnivelирована многолетней распашкой. Тело насыпи опиралось на древний горизонт, по своей структуре такой же коричневый суглинок, как и сама насыпь. Видимая граница между ними отсутствовала, отделение насыпи от древнего горизонта проведено условно. В стратиграфическом разрезе помимо одной из нескольких встреченных на кургане грабительских ям (Объект № 5) и воронки от разрыва снаряда, заполненной осколками, зафиксирована крупная яма (Погребение № 11/20). Ее ширина в профиле разреза составила порядка 5,5 м по устью и 5,2 м по дну. Яма верхним краем начиналась из-под дернового слоя и была заглублена в тело кургана на глубину до 1 м. Яма заполнена серо-голубым болотным суглинком с включениями железняка, на её дне находились кости лошади.

В результате раскопок кургана исследовано 5 объектов и 22 погребения (рис. 1, 3), насыпь была сооружена одномоментно, без досыпок, предположительно в эпоху бронзы, над погребением, которое не сохранилось (видимо, было разрушено крупными ямами Погребения № 11/20). Остальные погребения и объекты являлись впускными.

По обряду захоронения, к эпохе бронзы относятся погребения №№ 17, 18, 19, 22 (рис. 2, 2, 4, 5, 6). Погребения №№ 2, 10, 12, 16, 21 (рис. 2, 1, 3) вызвали некоторое затруднение с атрибуцией, но с большой долей вероятности также относятся к эпохе бронзы. Отсутствие в погребениях какого-либо инвентаря затрудняет их атрибуцию. Погребения №№ 17, 18, 22, судя по наличию в этой группе скорченного на спине костяка (п. 22), близкого по обряду к ямной

культуре, могут быть косвенно отнесены к северокавказской культуре. Погребение № 19 (рис. 2, 4), совершенное в камере, связывается с катакомбной культурой. Погребения №№ 3, 7, 13, 14 (рис. 3, 1–4) с идентичной позой погребенных, общей ориентировкой костяков в восточном секторе, расположением инвентаря на площади погребения и по керамическим сосудам определяются как комплексы эпохи поздней бронзы.

Погребения № 1 и № 6 (рис. 3, 5, 6) относятся к началу раннего железного века и соотносятся с Приморско-Абинской группой протомеотских памятников предскифского времени. К ним примыкают материалы объекта № 3 (рис. 6, 4). IV в. до н. э., датируются погребения №№ 9, 11, 20, а также объект № 1 (рис. 4, 3; 5; 6, 1–3). Все перечисленные объекты – это большой и единый комплекс, совершенный в одном временном диапазоне (см. подробнее об этом: Иванов, 2019, с. 61–70). Здесь необходимо отметить, что погребения № 11 и № 20 исследовались последовательно и поэтому имеют разные порядковые номера. По сути же это одна многокамерная погребальная конструкция, разделенная сырцовой стеной-перегородкой. Комплекс относится к первой половине IV в. до н.э. Косвенно это подтверждает и дата фасосской амфоры из объекта № 1, который является тризной, связанной с погребением № 11/20.

К периоду эллинизма, точнее ко II в. до н.э., относится погребение № 4 (рис. 4, 1). Рубежом эр, I в. до н.э. – I в. н.э., можно датировать ограбленное погребение № 5 (рис. 4, 2). К эпохе Великого переселения народов относится комплекс № 15 (рис. 4, 4), а к позднему средневековью – погребение № 8 (рис. 4, 5).

Погребение № 1 (рис. 3, 6). Впускное, выявлено в центральной части кургана по черепу человека в теле кургана. Глубина от R0 до дна у черепа человека № 2 – 0,98 м. Судя по положению костей, погребение было совершено в относительно неглубокой, длинной и узкой яме, ориентированной своей длинной осью по линии ВВЮ-ЗЗС и имевшей размеры (даны по краям костей) – 1,5 × 0,5–0,6 м. Погребение парное, не менее 2 индивидов (взрослые), совершено «пакетом», кости лежали бессистемно по всей площади дна ямы. В центральной части скопления костей лежал сильно раздавленный

землей череп человека № 1. В вероятном СВ углу ямы лежал череп человека № 2, который сохранился значительно лучше предыдущего, а в ЮВ углу – нижняя челюсть черепа № 2. За черепом человека № 2 у ВВЮ стенки ямы находились два лепных черпака № 1 и № 2. В центральной части ямы на костях зафиксировано скопление кальцинированных, сильно горелых костей, также в этом районе следы огня имеются и на длинных костях человека, однако следов горения на грунте нет. Возможно, кости побывали в огне на стороне, что, собственно, и свидетельствует о том, что погребение является вторичным. При разборке погребения, под костями в западном секторе погребения обнаружено бронзовое височное кольцо № 3, под черепом человека № 1 находилась бронзовая проволока № 4. В восточном секторе, под костями, найдены бронзовое височное кольцо № 5 и пряслице лепное № 6.

Погребение № 2. Впускное, выявлено в центральной части кургана по черепу человека в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,81 м. От погребенного сохранились фрагментарно череп, фрагменты позвоночника и предплечья. Судя по положению костей, погребенный (ребенок), лежал скорченно на левом боку, головой на восток, лицом на юг. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение № 3 (рис. 3, 1). Впускное, находилось в центральной части кургана, в её южном секторе. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 2,20 м. Погребальная яма небольшая, подпрямоугольная в плане, со скругленными углами, была ориентирована своей длинной осью по линии восток-запад и имела размеры 1,20 × 0,60 м. Стенки ямы неровные, расширяются к дну. В восточной стенке, в придонной части была сделана небольшая ниша. Дно ровное. В яме, с небольшим смещением к восточной стенке находился скелет человека (взрослый). Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на восток, лицом на север – к центру кургана. Руки покойного были слегка отведены, согнуты в локтях под острым углом, кистями у лица. Ноги сильно согнуты в коленях, стопы подтянуты к тазу. Вдоль северной стенки ямы, у правого локтя погребенного находилась жаровня № 1. Здесь же, между правым локтем и правым коленным погребенного, стоял, слегка завалившись устьем на юго-восток, лепной горшок № 2.

Погребение № 4 (рис. 4, 1). Впускное, обнаружено в северной поле кургана по красноглиняному кувшину в теле кургана. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,09 м. Сохранность костей плохая, от погребенного сохранился лишь фрагментированный череп человека (взрослый). Судя по положению черепа, который покоился на затылочной части, а также по расположению инвентаря, погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад. Слева от черепа находились один над другим два железных наконечника копья № 1 и № 2, то есть копья были положены вдоль тела покойного слева от него. В ногах погребенного, также по левую сторону, стоял красноглиняный кувшин № 3.

Погребение № 5 (рис. 4, 2). Впускное, обнаружено в северной поле кургана по костям человека в теле кургана. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 0,83 м. Ограблено в древности. Частично сохранилась черепная коробка, правая рука, фрагментированные ребра, фрагменты таза человека (взрослый). Судя по тому, что кости руки сохранились в сочленении и, видимо, остались непотревоженными, погребенный до ограбления лежал вытянуто на спине, был ориентирован головой на северо-восток. В скоплении костей, в районе фрагментов таза, находилась железная пряжка № 1.

Погребение № 6 (рис. 3, б). Впускное, обнаружено в центральной части кургана, в её северном секторе, по камням в теле кургана. Глубина от R0 до дна у черепа человека № 1 – 0,92 м. Судя по положению костей человека и камней, неглубокая яма имела подпрямоугольную в плане форму, ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Размеры ямы в придонной сохранившейся части – 1,88 × 1,10 м. Погребение коллективное, не менее трех индивидов (взрослые). Кости погребенных, в основном сохранились длинные кости конечностей, располагались в хаотичном порядке, по всему периметру дна ямы. Череп человека № 1 находился в северо-западном углу ямы. В центре, с небольшим смещением к западному краю ямы находился череп человека № 2. В центре ямы лежали фрагменты черепа человека № 3. Стенки ямы, в ее придонной части изначально, судя по всему, были обложены небольшими камнями желтого сыпучего песчаника. У западной стенки камни были большего размера. Часть камней завалилась

внутри ямы, но большая часть осталась на месте, маркируя тем самым границы ямы. Из погребального инвентаря в захоронении есть предметы: у северной стенки, ближе к северо-западному углу ямы, находилась костяная бусина № 1, у южной стенки зафиксирован фрагментированный сосуд лепной № 2. У северной стенки, ближе к северо-восточному углу, лежала гешировая бусина № 3. У восточной стенки, рядом с камнями, находилось керамическое лепное пряслице № 4.

Погребение № 7 (рис. 3, 4). Впускное, обнаружено в северо-восточном секторе кургана по костям человека в пласте древнего горизонта. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,57 м. Погребенный (взрослый) лежал скорченно на правом боку, головой ориентирован на восток, лицом – на север. Сохранность костей плохая, сохранились черепная коробка, левая бедренная и берцовые кости ног. Из инвентаря в погребение положены следующие предметы: за затылком человека, слева от него, находился фрагмент лепного сосуда № 1; у черепа человека находились бронзовые височные кольца № 2 (7 экз.).

Погребение № 8 (рис. 4, 5). Впускное, обнаружено в северо-западном секторе кургана по костям человека в пласте древнего горизонта. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,75 м. Погребенный (взрослый) лежал вытянуто на спине головой на СВВ. Череп покоился на затылке, правая рука лежала вдоль тела кистью на крыле таза, левая рука была слегка согнута в локте, кисть лежала между крыльями таза. Ноги лежали ровно. На левой стороне груди погребенного находилась бронзовая пуговица № 1. У правого запястья, с внутренней ее стороны, вдоль руки на правом крыле таза находилась железная проколка № 2.

Погребение № 9 (рис. 4, 3). Впускное, обнаружено в северо-восточном секторе кургана по костям человека в теле кургана. Глубина от R0 до дна у ножки амфоры № 1 – 1,43 м. Сохранность костей плохая, сохранились кости левой руки, фрагменты левой ноги, фрагмент верхней части правой бедренной кости. Судя по расположению костей, погребенный (взрослый) лежал скорченно на левом боку головой на юго-восток. Сохранившаяся левая рука была сильно согнута в локте кистью к лицу. Ноги согнуты в коленях под углом,

близким к прямому. У головы погребенного, справа от него, лежала ножка мендейской амфоры № 1.

Погребение №10 (рис. 2, 3). Впускное, обнаружено в северном секторе кургана по костям человека в теле древнего горизонта. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,55 м. Погребенный (взрослый) лежал сильно скорченно на правом боку головой на юго-восток. Кости рук были сведены, плечевые кости лежали параллельно друг другу, предплечья были немного согнуты в локтях, кисти – у коленей. Ноги были сильно согнуты в коленях, стопы подтянуты к тазу. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение № 11/20 (рис. 5; 6, 1, 2). Впускное, обнаружено при зачистке центральной бровки, ее южного профиля, по пятну заполнения могильной ямы в центре разреза. Глубина от R0 до дна у черепа лошади № 4 – 1,19 м, глубина от R0 до дна в центре ямы – 1,81 м. Погребение ограблено. В курган впущена погребальная конструкция, состоящая из двух частей: гробницы и отделения для коней. Гробница помещалась в большой, в плане прямоугольной яме размерами 5,56 × 3,74 м, ориентированной длинной осью по линии В-3. Дно ямы неровное. В нем выделялись следы заглубления деревянных конструкций. Погребение ограблено в древности, причем с разборкой всех конструкций. Конструкция гробницы выглядела следующим образом: в центре ямы был сооружен с небольшим заглублением в дно сруб размерами 3,55 × 2,95 м, который имел в плане форму правильного прямоугольника. Северная и южная длинные стенки сруба были сложены из бревен. Восточная и западная торцевые стенки – из плоских досок. Эта деревянная гробница, в свою очередь, разделялась пополам перегородкой из досок на две прямоугольные в плане восточную и западную камеры, с оставлением в перегородке довольно широкого прохода. На дне восточной камеры отпечатались следы деревянных жердей, которыми был либо устлан пол камеры, либо здесь находилась перегородка под небольшое отделение для погребального инвентаря. Гробница была перекрыта деревом и камышом, тлен которого зафиксирован на торцевых сторонах ямы. Предметы, найденные в гробнице, показаны на рис. 6, 1. В проходе между камерами, у северной стенки перегородки, в заполнении лежали копыто и фрагмент черепа лошади, фрагменты панци-

ря – бронзовые чешуйки № 1, большая часть которых сохранилась в виде отпечатков бронзы на грунте и окислов. В этом локальном скоплении находились две нашивные зооморфные золотые бляшки № 2 и № 3. На северном краю восточной камеры и в канавке северной стенки сруба находилось скопление фрагментов панциря – бронзовые чешуйки № 4. На тлене перекрытия у восточной стенки ямы находились нижняя челюсть и метаподий лошади, фрагмент панциря – железная чешуя № 5. У юго-восточного угла ямы на уровне перекрытия находились фрагменты чернолакового кубка № 6 и здесь же на южной стене лежал фрагмент панциря с железными чешуйками № 7. В заполнении ямы, практически по всей площади, нашли перемешанные грабителями фрагменты панциря – чешуя железная № 8 и бронзовые чешуйки панциря № 9. Так же нашли фрагменты железного ножа с костяной рукоятью № 10, фрагмент втулки железного наконечника копья № 11, фрагмент железного стержня с бронзовой обкладкой № 12, фрагмент венчика лепной миски № 13, фрагмент венчика лепного горшка № 14, фрагмент кольцевого поддона чернолакового сосуда № 15.

Вдоль южной стенки погребальной ямы из болотной синей глины с вкраплениями частиц железняка, материала наподобие сырца, была сооружена стенка толщиной до 0,30 м, которая являлась перегородкой между гробницей и отделением с конями. Это отделение представляло собой обширную, не совсем ровную яму, размерами 5,50 × 3,20 м, примыкающую к южной стороне гробницы. В яме находились расчлененные кони, части которых лежали на дне без определенной системы, судя по количеству черепов, – 6 взрослых особей. Скопление костей наблюдалось у западной стенки ямы, здесь же находился череп лошади 1, взнузданный железными удилами № 1. В этом скоплении найден фрагмент железного псаля № 2. У северо-восточного угла ямы лежал череп лошади 2. Черепа лошадей 3 и 4, как и их кости, лежали в центре ямы. Они тоже были взнузданы железными удилами № 3 и № 4. В заполнении между этими черепами находился фрагмент железных удил № 5. Еще два черепа коня 5 и 6 лежали у восточной стенки ямы. Под черепами фиксировался участок деревянного настила. Чуть севернее морды коня 5, на фрагменте деревянного настила, лежал бронзовый псалий № 6. Яма

имела перекрытие, фрагменты которого фиксировались в восточной части ямы площадкой черного тлена. На этом участке сохранившегося перекрытия лежал железный нож № 7 и разбросанные по периметру перекрытия фрагменты сероглиняной кружальной миски № 8. Здесь же лежал фрагмент сероглиняной кружальной крышки № 9. Предметы, найденные в отделении с конями, показаны на рис. 6, 2. Как и основная гробница, это отделение было перекрыто деревом и камышом.

Погребение № 12 (рис. 5). Впускное, обнаружено при расчистке погребения № 11 в центре насыпи по костям человека в теле кургана. Глубина от R0 до дна у стоп человека – 1,22 м. От погребенного сохранились только нижняя часть ног, скелет выше колена обрезан ямой погребения № 14. Сохранившиеся ноги были незначительно развернуты влево и немного согнуты в коленях. Ориентировка покойного, судя по положению сохранившихся конечностей, была в северо-восточном секторе. Погребение древнее захоронения эпохи поздней бронзы (погребение № 14), которое его обрезало.

Погребение № 13 (рис. 3, 2). Впускное, обнаружено в центре насыпи по костям человека в теле кургана. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,26 м. Погребенный (взрослый) лежал скорченно на правом боку, головой ориентирован на северо-восток, лицом на северо-запад. Сохранность костей плохая, скелет сохранился фрагментарно. Судя по положению костей, руки были согнуты в локтях, кисти – у лица. Ноги были сильно согнуты в коленях, подтянуты к животу, стопы поджаты к тазу. У лица человека находился заваленный устьем на юг лепной горшок № 1. Поперек берцовой кости, перпендикулярно ей, в районе колена лежала жаровня № 2.

Погребение № 14 (рис. 3, 3). Впускное, находилось в центре кургана. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,74 м. Обнаружено при исследовании погребения № 11/20 по пятну заполнения могильной ямы в материке. Погребальная яма небольшая, подовальная в плане, была ориентирована своей длинной осью по линии восток-запад и имела размеры 1 × 0,57 м. Стенки ямы неровные, сужались к дну. Дно ровное. В яме находился скелет человека (взрослый), лежавший скорченно на правом боку, головой на восток, лицом на север. Руки покойного были согнуты в локтях, сложены перед грудью,

кистями у лица. Ноги сильно согнуты в коленях, стопы подтянуты к тазу, колени – у локтей. Перед лицом человека находилась нижняя часть лепного горшка № 1. Погребение находилось непосредственно под погребением № 11, своей ямой обрезаю погребение № 12.

Погребение № 15 (рис. 4, 4). Впускное, находилось в центре кургана. Обнаружено при исследовании погребения № 11 по пятну заполнения могильной ямы в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,65 м. Погребальная яма подпрямоугольная, вытянутая в плане, со скругленными углами, была ориентирована своей длинной осью по линии СЗ-ЮВ и имела размеры 1,98 × 0,73 м. Стенки ямы неровные, сужались к дну. Дно неровное, бугристое. В яме находился скелет человека (взрослый). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп был завален вправо, руки покойного лежали вдоль тела, ноги – ровно, левая нога была немного развернута вправо, стопы сведены. У головы погребенного, слева от черепа, в северном углу ямы находился завалившийся устьем на юго-запад лепной горшок № 1. За черепом человека, вплотную к нему, лежал предмет железный № 2. Слева у черепа человека находилась бронзовая серьга, обложенная золотой фольгой № 3. В районе правого крыла таза, между предплечьем и бедром, лежал железный нож № 4. При разборе погребения под черепом человека обнаружена серьга № 5, аналогичная серьге № 3. При совершении погребения, ямой было нарушено погребение № 11/20.

Погребение № 16 (рис. 2, 1). Впускное, обнаружено в центре насыпи по костям человека в древнем горизонте. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,37 м. Погребенный (взрослый) лежал скорчено на левом боку, головой ориентирован на восток, лицом – на юг. Сохранность костей плохая, скелет сохранился фрагментарно. Судя по положению костей, руки были согнуты в локтях правой кистью к тазу, левой кистью к коленям. Ноги были сильно согнуты в коленях, стопы поджаты к тазу. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение № 17 (рис. 2, 2). Впускное, находилось в центральной части кургана, обнаружено по пятну заполнения могильной ямы в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,90 м. Погребальная яма подпрямоугольная в плане, со скругленными углами, была ориентирована своей длинной осью по линии ВСВ-ЗЮЗ и имела раз-

меры $2,10 \times 1,10$ м. Стенки ямы практически вертикальные, местами сужались к дну. Дно ровное, имело незначительное понижение от краев к центру. В яме находился скелет человека (взрослый). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Череп покоился на затылке, был немного завален вправо, руки покойного лежали вдоль тела, ноги ровно. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение № 18 (рис. 2, 5). Впускное, находилось в центральной части кургана, в её северо-западном секторе, обнаружено по пятну заполнения могильной ямы в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,88 м. Погребение совершенно в подовальной в плане яме, которая была ориентирована своей длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ и имела размеры $2,27 \times 0,98$ м. Стенки ямы сужались к дну, дно относительно ровное. В яме находился скелет человека (взрослый). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. Череп покоился на затылке, руки покойного были согнуты в локте, кистями в район паха. Ноги погребенного лежали ровно. Инвентарь в погребении отсутствовал. ЮЗ часть погребения была разрушена ямой погребения № 19.

Погребение № 19 (рис. 2, 4). Впускное, находилось в центральной части кургана, в её северо-западном секторе, обнаружено по пятну заполнения могильной ямы в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 2,32 м. Погребальная конструкция представляла собой катакомбу. Погребение совершенно в подовальной в плане камере, которая была ориентирована своей длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ и имела размеры $1,60 \times 1,40$ м. Стенки камеры неровные, расширялись к дну, дно ровное, имело незначительное повышение к северо-западной стенке. В центре ямы находился скелет человека (взрослый). Погребенный лежал скорченно на правом боку, был ориентирован головой на ССЗ, лицом на ЮВ. Череп покоился на правом боку, левая рука была согнута в локте под тупым углом, кисть перед тазом. Правая рука была отведена в сторону, лежала ровно вдоль тела кистью к бедренной кости. Ноги были сильно согнуты в коленях, стопы подтянуты к тазу. Инвентарь в погребении отсутствовал. Погребением была разрушена ЮВ часть погребения № 18. Видимо в этом месте находилась входная яма катакомбы, контуры которой, впрочем, абсолютно не читались на горизонтах.

Погребение № 21. Впускное, находилось в центральной части кургана, обнаружено по пятну заполнения могильной ямы в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,81 м. Погребение совершено в небольшой, подовальной в плане яме, которая была ориентирована своей длинной осью по линии СВ-ЮЗ и имела размеры 1,23 × 0,87 м. Стенки ямы неровные, сужались к дну, дно ровное. В центре ямы находился неполный скелет человека (взрослый), нижняя часть погребенного, ниже таза, отсутствовала. Погребенный лежал с разворотом направо, был ориентирован головой на СВ, лицом на СЗ. Череп покоился на правом боку. Левая рука была согнута в локте под тупым углом, кистью на крыле таза. Правая рука лежала ровно вдоль тела кистью к бедру. Ноги погребенного отсутствовали, инвентарь в погребении тоже отсутствовал.

Погребение № 22 (рис. 2, б). Впускное, находилось в центральной части кургана, в её восточном секторе, обнаружено по пятну заполнения могильной ямы в материке. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,87 м. Погребальная яма подпрямоугольная в плане, со скругленными углами, была ориентирована своей длинной осью по линии восток-запад и имела размеры 1,79 × 0,85 м. Стенки ямы неровные, сильно сужались к дну. Дно ровное, имело незначительное понижение от восточной стенки к западной. В яме находился скелет человека (подросток). Погребенный лежал на спине, головой на восток. Кости сильно разрушены и растащены кротами, черепная коробка смещена на таз. Судя по сохранившимся костям, череп лежал на затылочной части, руки – вдоль тела, ноги были согнуты в коленях и завалены вправо. Часть костей ног крот вынес в северо-западный угол ямы. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Объект № 1 (рис. 6, з) обнаружен в центральной части кургана, под слоем дерна на уровне курганной насыпи. Глубина от R0 до дна у ножки амфоры – 0,54 м. Представлял собой развал амфоры, относящейся к производству Фасоса, серии топраиасара первой половины IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 76, табл. 48). Вместе с ней найдены фрагменты колпачковой амфоры Хиоса и две ручки, видимо, от одной амфоры, также Фасоса. На сохранность объекта повлияло его близкое нахождение к поверхности, которая подвергалась многолет-

ней распашке. Объект является тризной, совершенной на вершине кургана, и связан с погребением №11/20.

Объект № 3 (рис. 6, 4) обнаружен в северо-восточном секторе кургана по фрагментам лепной керамики в древнем горизонте. Глубина от R0 до дна у скопления лепной керамики – 2,28 м. Представлял собой скопление лепной керамики, рядом с которой находился фрагмент кости мелкого животного, два куса горелой обмазки и камень.

Предметы из насыпи кургана (рис. 7). При снятии насыпи в её теле по всей площади, без локальных скоплений, найдены фрагменты керамики, которые связаны с тризнами, совершенными на кургане. Наиболее ранним можно считать ножку амфоры «на сложно-профилированной ножке» (рис. 7, 2) первой половины V в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 41, 42, табл. 25, 26) Эта находка, видимо, лежит вне контекста погребений. Затем следует массив находок IV в. до н. э., который, судя по всему, связан с комплексом № 11/20. Это ножки, венчики и ножки амфор Фасоса, Гераклеи и Хиоса (рис. 7, 3, 11–18, 22, 23, 27, 28), венчики трех красноглиняных мисок производства центров Северной Эгеиды (рис. 7, 5–7), фрагмент ножки красноглиняной вазочки (рис. 7, 4) боспорского производства, а также фрагменты бортиков боспорских черепиц (рис. 7, 8, 9). Ко II в. до н. э. относятся фрагменты амфор Родоса (рис. 7, 19, 20, 24–26), соответствующие варианту вилланова, поздней серии (Монахов, 2003, с. 122). Они, возможно, связаны с погребением № 4. К рубежу эр относятся два фрагмента ручки гераклейских амфор (рис. 7, 10, 11) типа СШ (Внуков, 2006, рис. 10), хронологически соотносящиеся с ограбленным погребением № 5. Концом II – III вв. н. э. датируется лучковая подвязная проволочная одночленная лучковая фибула (рис. 7, 1) серии I варианта 5 (Амброз, с. 51, табл. 9, 12). Она найдена под дерном у южной полы кургана и, видимо, с погребением не связана.

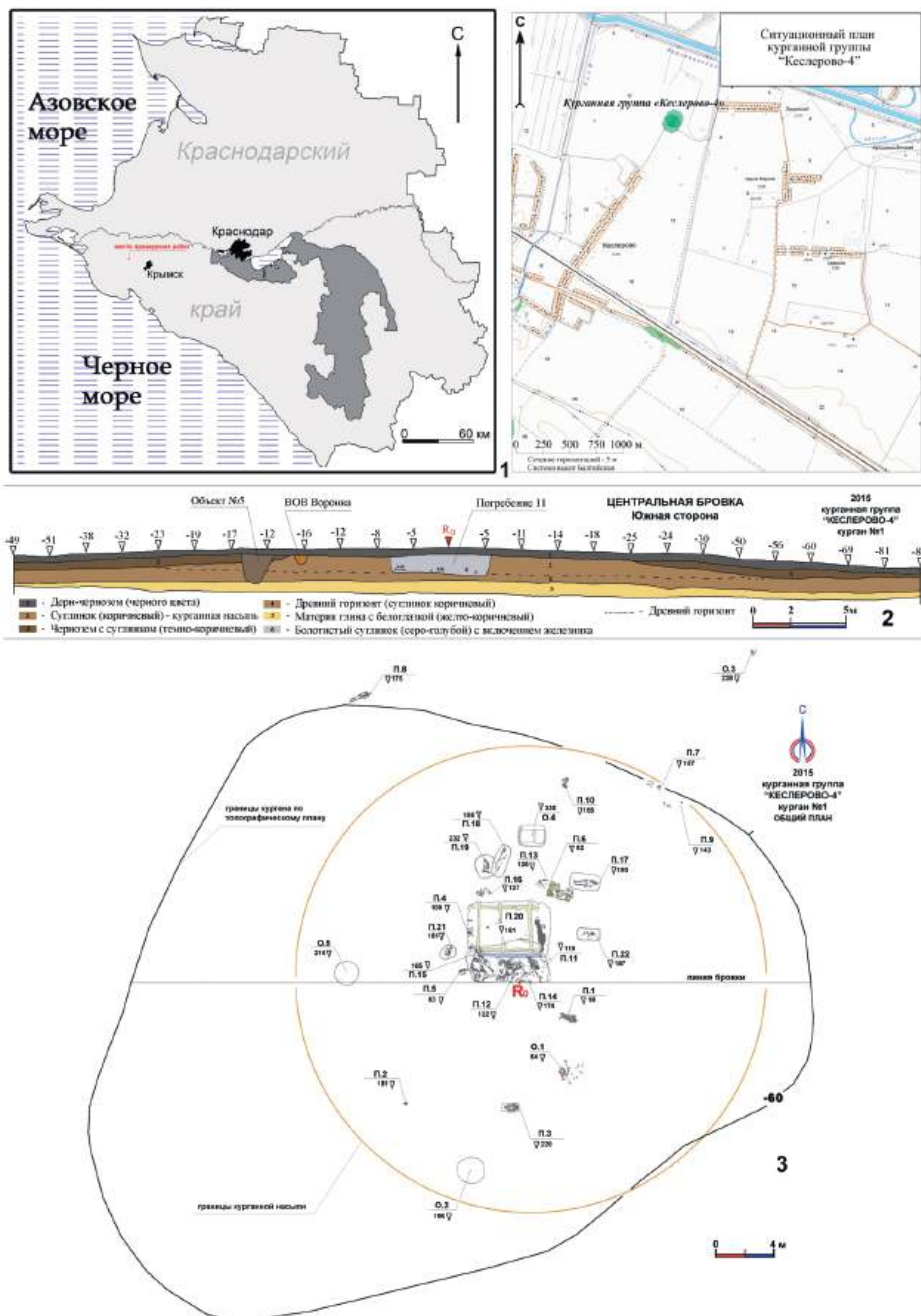
ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30 / Под общей ред. Б. А. Рыбакова. – М.

Внуков С. Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. – СПб.

Иванов А.В., 2019. Элитный комплекс начала IV в. до н. э. на западных границах меотской культуры // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А.А. Малышев. – М.

Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. – М.; Саратов.

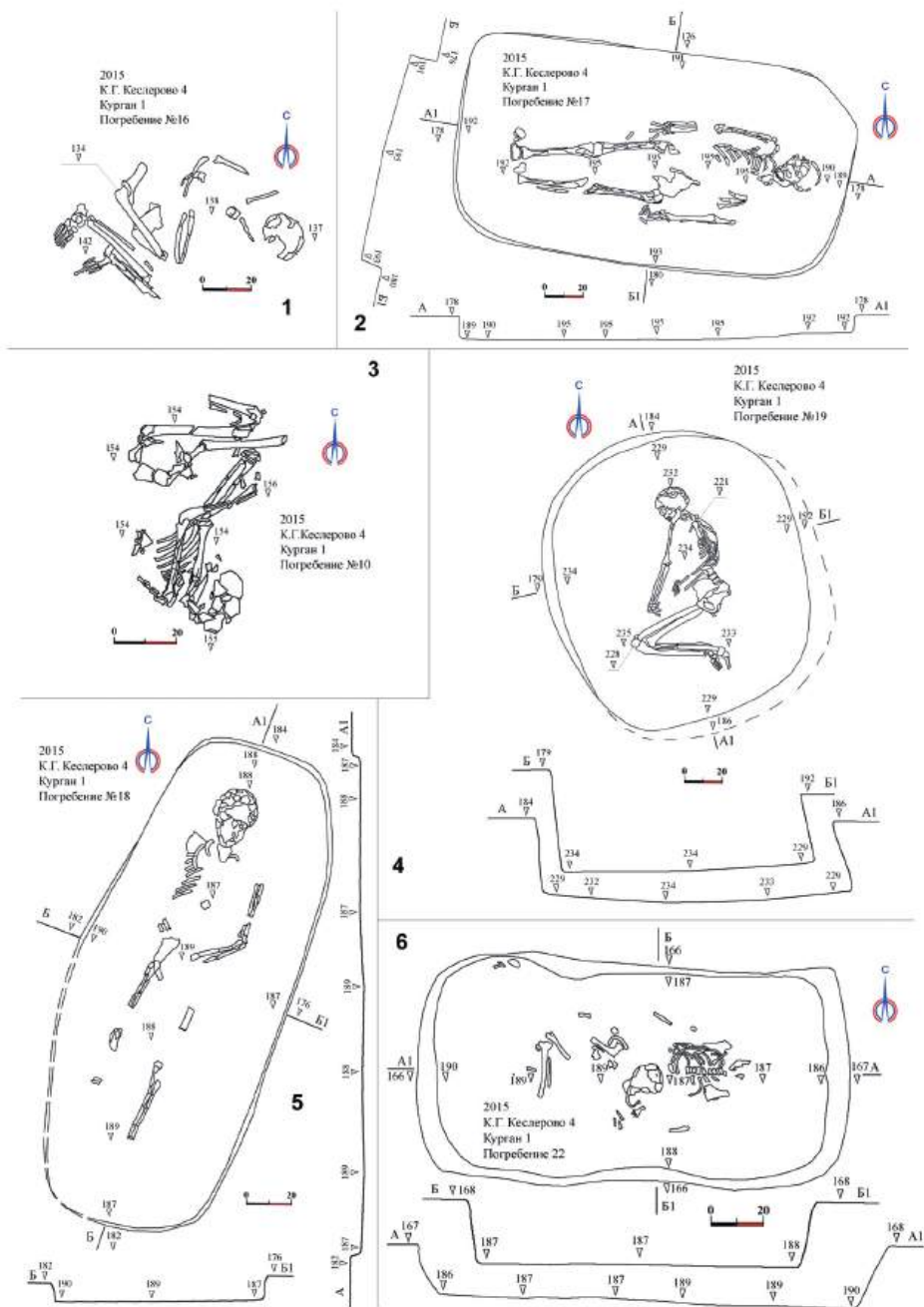

Рис. 2. 1 – погребение № 16; 2 – погребение № 17; 3 – погребение № 10; 4 – погребение № 19; 5 – погребение № 18; 6 – погребение № 22

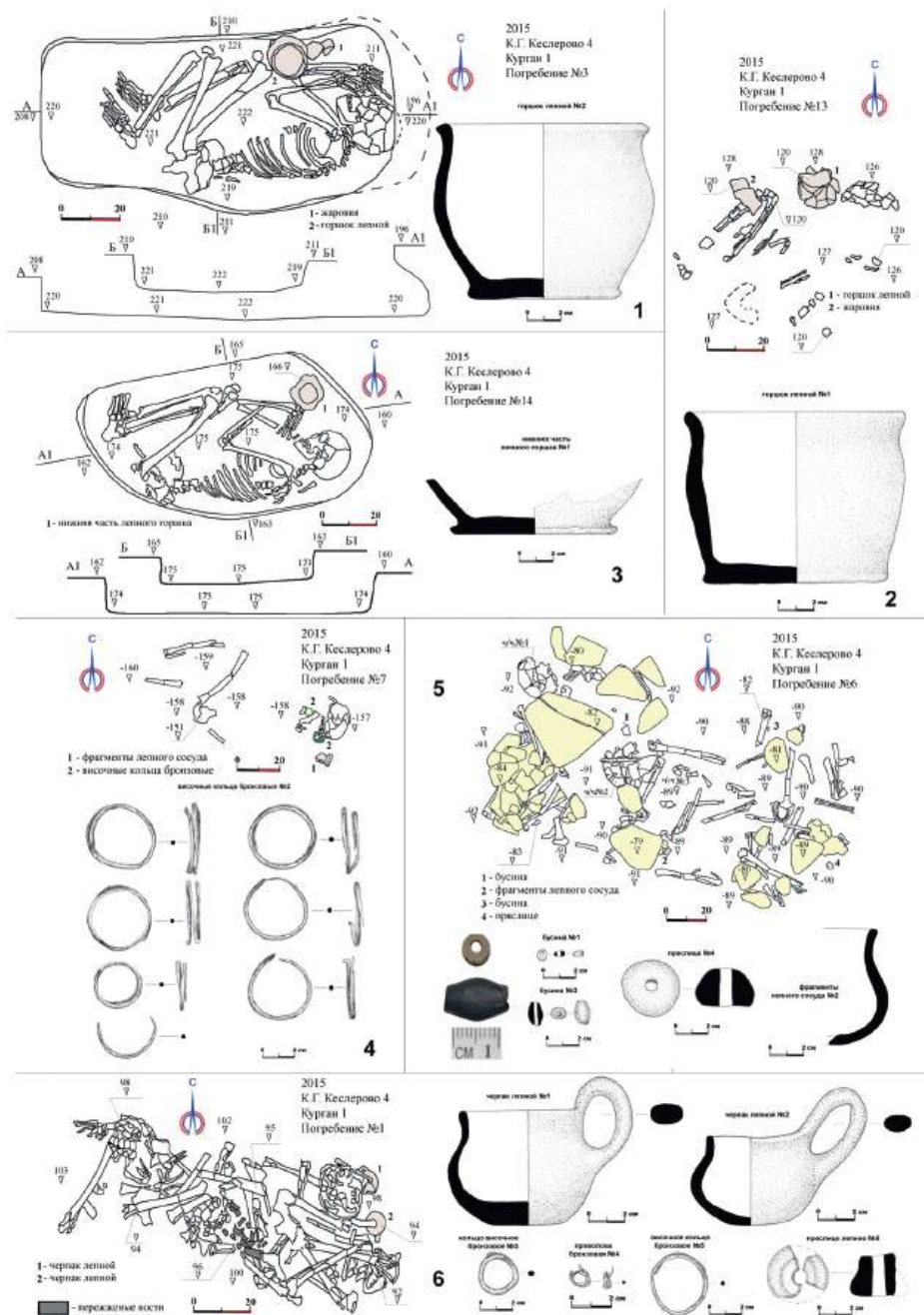

Рис. 3. 1 – погребение № 3; 2 – погребение № 13; 3 – погребение № 14; 4 – погребение № 7; 5 – погребение № 6; 6 – погребение № 1

2015
К.Г. Кеслерово 4
Курган 1
Погребение №11/20

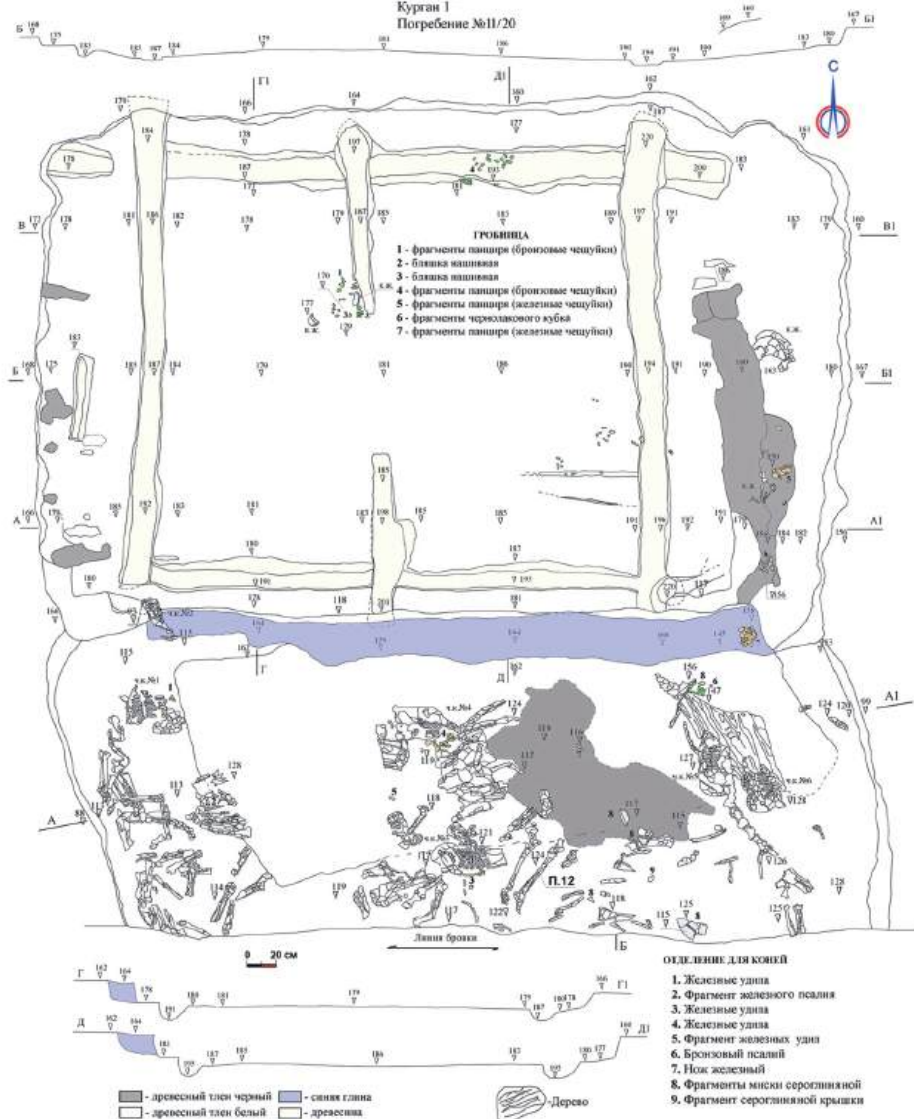

Рис. 5. Погребение № 11/20. План погребения

материал из насыпи кургана

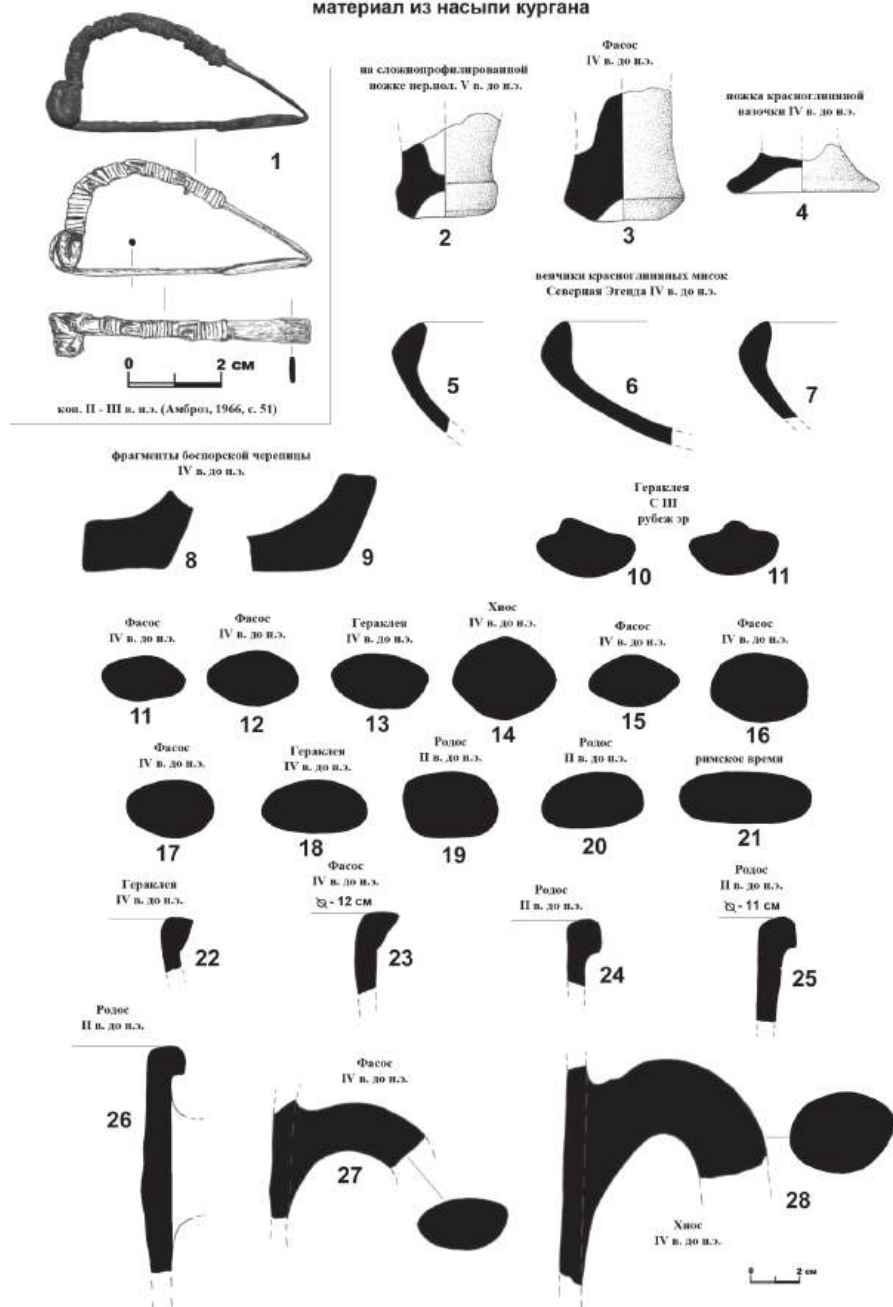

Рис. 7. Предметы из насыпи кургана

ФРАГМЕНТ КАМЕННОГО МОЛОТА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАКУБАНЬЯ

Исайкин В. М., Коваленко М. А.,

Управление государственной охраны объектов культурного на-
следия

администрации Краснодарского края. г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье публикуется фрагмент каменного молота, обнаруженного в районе села Школьное Белореченского района Краснодарского края. Приводятся данные о месте обнаружения находки, ее размерах и чертеж. Проведенный анализ научной литературы не позволяет авторам уверенно связать находку с близкими по форме изделиями предскифского времени. Не исключено, что обнаруженный предмет относится к предшествующей эпохе поздней бронзы.

Ключевые слова: фрагмент каменного молота, Закубанье, кобанская культура, протомеотская группа памятников, камень серпентинит (змеевик)

FRAGMENT OF A STONE HAMMER FROM THE CENTRAL TRANS-KUBAN REGION

Isaikin V.M., Kovalenko M.A.,

Department of State Protection of Cultural Heritage
Sites of the Krasnodar region Administration, Krasnodar, Russia

Abstract. The article publishes a fragment of a stone hammer found near the village of Shkolnoye, Belorechensky district of the Krasnodar Territory. Data on the location of the discovery of the find, its dimensions and a drawing are given. The performed analysis of the scientific literature does not allow the authors to confidently connect the find with artifacts of the Pre-Scythian period that are similar in shape. It is possible that the discovered object belongs to the previous era – the Late Bronze Age.

Keywords: fragment of a stone hammer, Trans-Kuban region, Koban culture, Proto-Meotian group of sites, serpentinite stone (serpentine)

В апреле 2021 г. сотрудником Управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края В. М. Исайкиным проводилось обследование курганный группы «Школьное 4», на восточной окраине одноименного села в Белореченском районе. В ходе проведенных изысканий была уточнена численность насыпей памятника, а в его межкурганном пространстве выявлен культурный слой поселения меотского времени.

В восточной части курганный группы у подножия одной из насыпей, в распахке, был найден фрагмент каменного молота цилиндрической формы. Контекст обнаружения предмета не позволил его уверенно связать с гончарными керамическими находками эпохи «РЖВ», выявленными там же. По уточненным данным курганная группа «Школьное 4» состоит из 28 насыпей высотой от 0,3 до 5 м. Все они расположены на высокой террасе правого берега р. Псенафа, к северу от строений местного фермерского хозяйства (рис. 1 и 2). Вся курганная группа занимает площадь не менее 40 га и, вероятнее всего, составляет лишь часть единого комплекса, в состав которого в древности входила и территория поселения.

Каменный молот был изготовлен из серпентинита серо-зеленого цвета (рис. 3). В настоящее время одна его половина утрачена. Древний скол пришелся на продольную линию сквозного отверстия, изготовленного для крепления рукояти. Предмет в поперечном сечении имеет круглую форму и ровную цилиндрическую схему в

продольном разрезе. Эти данные с определенной долей вероятности позволяют отнести обнаруженный предмет к категории цилиндрических молотов.

Разметы фрагмента: сохранившаяся длина предмета – 11,5 см, диаметр – 3,6 см. Отверстие изготовлено в центральной части «цилиндра» методом двустороннего встречного сверления. Размер диаметра отверстия в нижней части молота составлял 2,16 см, верхнего – 1,93 см. Поверхность молота качественно зашлифована. В обухной части каких-либо сколов и иных следов от использования не наблюдается.

Отсутствие второй половины изделия не позволяет уверенно выяснить его первоначальный вид и лишь гипотетически позволяет подойти к определению его функционального назначения. Похожие предметы на территории Кабардино-Пятигорья С. Л. Дударевым были отнесены к «молоткам» пятигорского варианта (по терминологии В. Б. Виноградова) кобанской культуры (Дударев, 1976, с. 21.). Исследователем на основании морфологии находок разработана их трехчленная типология с общим периодом бытования в пределах VIII-V в. до н. э.

Позднее В. И. Козенкова в работе, посвященной западному варианту кобанской культуры, все подобные молоты отнесла к разряду «боевых» (Козенкова, 1995, табл. XXII). Автор за основу градации типов взяла форму продольного сечения каждого предмета, дифференцировав их на 2 типа. Менее значимые морфологические отличия некоторых молотов (внутри типа) она объяснила рамками намеченных вариантов (Козенкова, 1995, с. 81). К первому типу исследовательница отнесла 15 экземпляров и обозначила их как «молоты цилиндрической формы». Во вторую группу были определены «молоты овально-уплощенной формы». В последний тип (7 экз.) кроме каменных предметов были включены и металлические изделия (Козенкова, 1995, там же). Стоит отметить, что в понимании В. И. Козенковой способ оформления одной из сторон молота (приостренного конуса или клина) не меняет его основных характеристик и не делает из него орудия функционально иного назначения.

Характеризуя каменные молоты западного варианта кобанской культуры, автор отметила специфику подбора материала для их из-

готовления. Все учтенные предметы выточены из камней твердых пород. Это обстоятельство, по-видимому, и подтолкнуло В. И. Козенкову отнести их к разряду «боевых».

Следует отметить, что данная систематизация «боевых молотов» в дальнейшем не нашла сторонников в кругу специалистов. Главной причиной критики указанной схемы стала несогласованность разработанной В. И. Козенковой терминологии (Эрлих, 2007, с. 107).

Во избежание дальнейшей путаницы, С. Л. Дударев, предложил относить к молоткам только те предметы, которые имеют с двух сторон ударные площадки (Дударев, 1999, с. 112). На основании данной логики систематизации молотков В. Р. Эрлих все изделия, происходящие из протомеотской группы памятников Северо-Западного Кавказа, распределил на две группы (Эрлих, 2007, с. 106–109, рис. 163 и 164), собственно молотки и топоры-молотки. Каждая группа предметов была детально разобрана и по ряду признаков разделена на типы.

Проводя сравнительный анализ нашего фрагмента молота и изделий, происходящих с территории протомеотской группы памятников, рассмотренных В. Р. Эрлихом, нельзя уверенно определить, к какой группе он принадлежит. Публикуемый фрагмент имеет значительную массивность и не находит прямых аналогий в материалах предскифского периода Закубанья. Корреляция диаметра «цилиндра» и его длины (от края обуха до края сквозного отверстия) дает нам соотношение – 1:3,1. При этом все предметы, учтенные В. Р. Эрлихом, по этому показателю (в категории «молотки»), имеют индексы соотношений в пределах 1:1,1 – 1:1,4. Немаловажным вопросом является и сырье, из которого изготовлен молот из с. Школьного. Как известно, камень серпентинит (змеевик) являлся одним из наиболее распространенных материалов для изготовления «погребальных» топоров ямно-катакомбного времени. К сожалению, исследователи, публикуя материалы раскопок, не всегда уделяют достаточно внимания вопросам определения породы камня. Змеевик, имея значительную пластичность и легкость в обработке, не мог являться основой для производства долго служащих орудий труда. По этой причине в среде некоторых специалистов небезосновательно закрепилось мнение, что предметы из змеевика в древности несли

в себе больше культовую нагрузку, являясь символами воинства или вожества. Именно к подобным предметам, по всей вероятности, и относился данный фрагмент.

Наиболее сложным является, по нашему мнению, вопрос о культурной атрибуции и, как следствие, датировке данного предмета. Цилиндрические молоты с территории распространения кобанской культуры традиционно датируются в пределах VIII-V вв. до н. э.

Рассмотренные В. Р. Эрлихом предметы на территории Закубанья в целом соотносятся с периодом бытования протомеотской культуры в рамках VIII-VII вв. до н. э. Однако они лишь маркируют верхнюю дату распространения каменных молотков в Западном Предкавказье. находка близкого по форме предмета известна в предшествующее время – финал эпохи бронзы в Закубанье (Шарафутдинова, 1989, с. 66, рис. 5). Это обстоятельство позволяет предположить, что время появления данной категории находок в Предкавказье может относиться к последней четверти II тыс. до н. э. По ряду косвенных признаков (материал змеевик, массивные пропорции) фрагмент молота из с. Школьного может быть датирован в пределах этой даты.

ЛИТЕРАТУРА

Дударев С. Л., 1976. О некоторых предметах погребального инвентаря из захоронений пятигорского варианта кобанской культуры // Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре: (Тез. докл.). – М.

Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. – Армавир.

Козенкова В.И., 1995. Оружие, конское и воинское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2–5. Вып. 4. – М.

Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. – М.

Шарафутдинова Э.С., 1989. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // ВАА. – Майкоп.

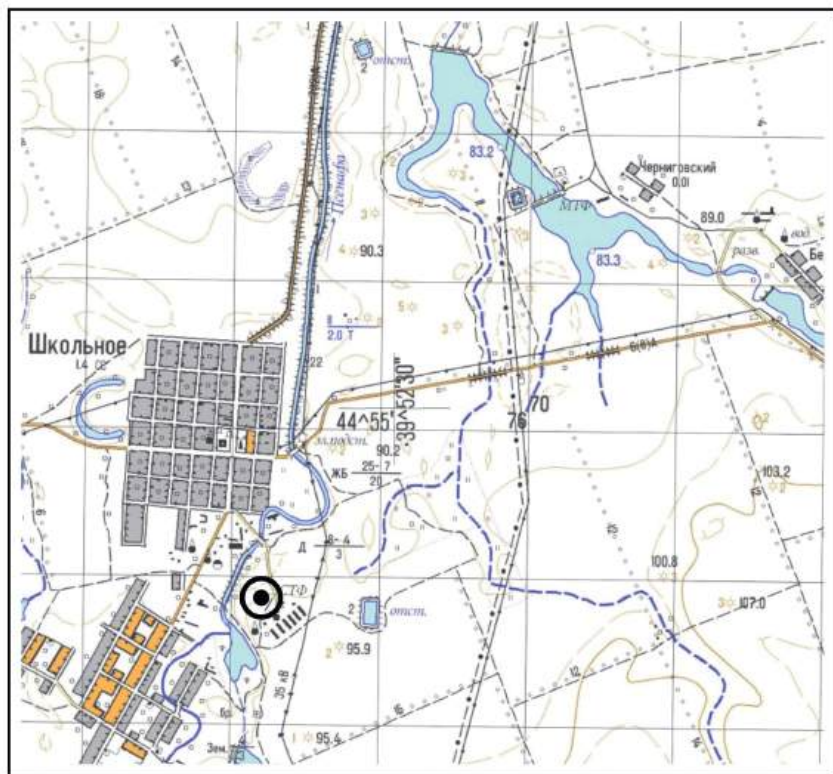
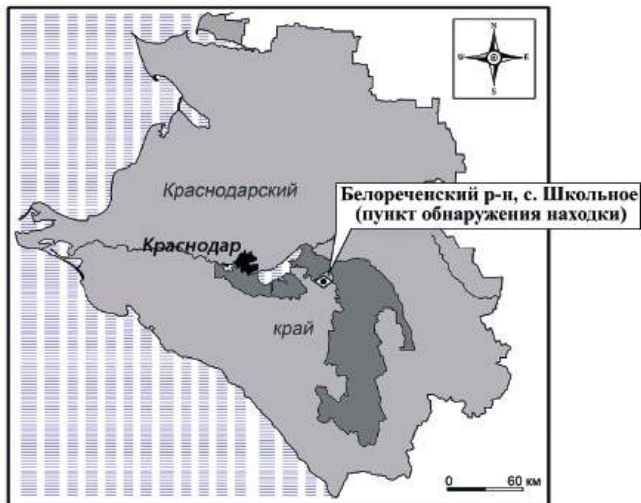

Рис. 1. Пункт обнаружения каменного молота на схеме (М 1: 25000)

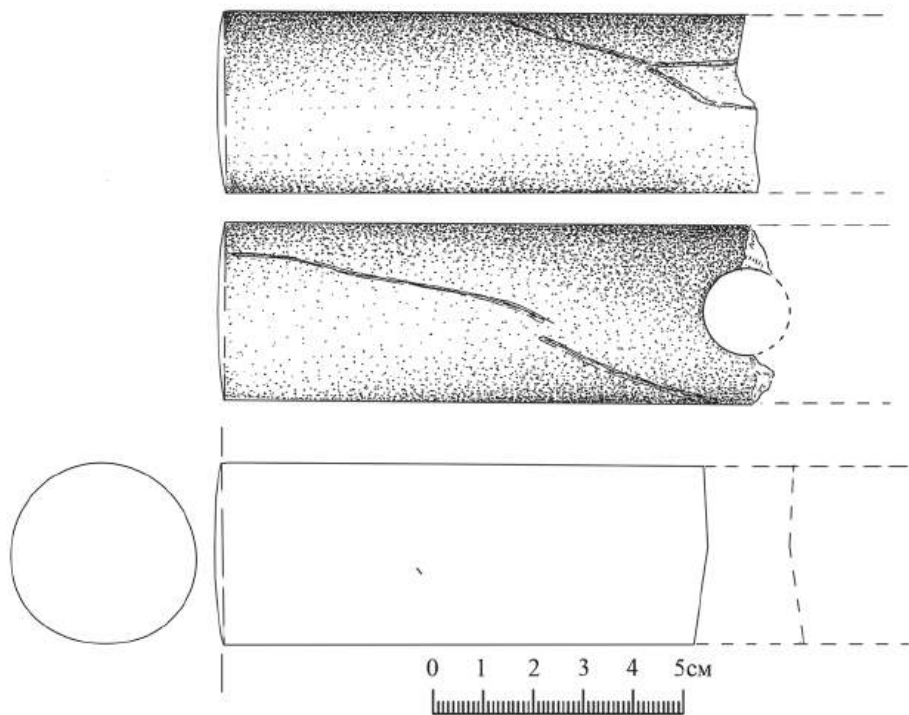

Рис. 2. *Прорисовка каменного молота*

ОРНАМЕНТАЦИЯ ДОЛЬМЕНОВ. ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И НОВЫЕ НАХОДКИ

Кудин М. И.,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Майкоп, Сочи

Аннотация. В статье рассматривается орнаментация дольменных памятников Западного Кавказа. Приведены все известные мотивы орнаментации, в том числе встречающиеся в единичном числе. Очерчен ареал распространения орнаментированных памятников в дольменной культуре. Представлены новые находки орнаментированных дольменов, обнаруженных в последние годы автором и другими исследователями.

В итоге приводится заключение о том, что нанесение орнамента на памятники являлось не нормой, а привилегией в сложных социальных отношениях и в основном маркировало пограничную зону между миром живых и миром мертвых, возможно, выполняя роль апотропея или образа иного мира.

Ключевые слова: дольмены Западного Кавказа, орнамент, чашевидные знаки, солярные знаки, фигуративные мотивы, дерево жизни, портал

DOLMENS' ORNAMENTATION. ESSENTIAL MOTIVES AND NEW FINDINGS

Kudin M. I.

Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research
n.a. T.M. Kerashev, Maykop, Sochi

Abstract. The article deals with dolmen monuments' ornamentation in the Western Caucasus. All known ornamentation motifs, including those found in a single number, are given. The area of distribution of ornamented monuments in the dolmen culture is outlined. New finds of ornamented dolmens discovered by the author and other researchers in recent years are presented.

As a result, it is concluded that the application of ornamentation on monuments wasn't a rule, but a privilege in complex social relations and essentially indicated the border area between the world of the living and the dead, probably playing a role of an apotropaic or an image of another world.

Keywords: dolmens of the Western Caucasus; ornament; cup-shaped signs; solar signs; figurative motives; tree of life, portal

Орнаменты, знаки и петроглифы на стенах и перекрытиях кавказских дольменов встречаются крайне редко. В настоящее время речь может идти примерно о 60 дольменах, то есть о 2% от общего числа сохранившихся памятников. Возможно, что изначально их число доходило, как и у мегалитических гробниц в Западной Европе, до 10–15% (Nash, 2020, p. 1), так как, к сожалению, песчаниковые плиты многих дольменов подвержены эрозии и отслаивание наружных поверхностей привело к исчезновению некогда существующего резного орнамента (рис. 1). Пример такого почти полного исчезновения орнаментации стены главного фасада полумонолитного дольмена «Лазаревский Автодром» приводит А. М. Бианки (Бианки, 2012, с. 51–52, рис. 1, 3).

Следует отметить, что орнаментация дольменных плит обнару-

жена лишь на определенных локальных территориях дольменной культуры. Это Центральный, Причерноморский и Шапсугский районы концентрации дольменов (рис. 2). В Абхазском районе орнаментированные памятники пока не выявлены. Единичные случаи орнаментации дольменов известны в Белореченско-Лабинском районе: это своеобразный оригинальный петроглиф на дольмене Дудугуш 1, изображенный на памятнике, тип которого проник сюда из Центрального района дольменной культуры (Кудин, 2021), и солярный знак на дольмене у п. Мезмай (Марковин, 1978, с. 217).

Сходные с дольменными мотивы орнаментации (зигзаги, солярные знаки в виде креста в круге, концентрические окружности) встречаются на дольменовидных гробницах в бассейне р. Кяфар (Марковин, 1978, с. 152–155, рис. 82–85). В. И. Марковин на основании проведенных раскопок относил кяфарские постройки к дольменам эпохи бронзы, перестроенным и заново использованным в средневековье (Марковин, 1983, с. 106). К аланскому времени он относил и нанесение на стены гробниц рельефов, знаков и крестов (Марковин, 1975, с. 76–78). В общий каталог дольменов Западного Кавказа эти памятники не были включены.

Локальной особенностью Белореченско-Лабинского района является наличие остатков росписи, выполненной красной краской на некоторых дольменах близ ст. Новосвободной. По-видимому, к этой традиции декорирования мегалитических памятников относятся обнаруженные А. Д. Резепкиным уникальные сюжетные росписи красной и черной краской гробницы кургана 28 урочища «Клады» (Трифонов и др., 2014, с. 510).

Очевидно, мизерное количество выявленных орнаментированных дольменов является причиной того, что до сих пор нет ни одной обобщающей работы с описанием всех обнаруженных памятников и всего разнообразия нанесенных на них знаков и мотивов.

Несколько иначе обстоит дело с интерпретацией орнаментальных мотивов, встречающихся на дольменах. Еще в 1978 году В. И. Марковин, ссылаясь на работы В. М. Сысоева, Н. Е. Талицкого, Б. В. Лунина, А. Ф. Лещенко, отмечал, что интерпретации основного зигзагообразного узора посвящено много строк (Марковин, 1978, с. 216). Хотя, по существу, из перечисленных исследователей лишь

А. Ф. Лещенко предложил конкретные объяснения орнаментации дольменов. Находя аналогии в Майкопской культуре, он сравнивал ряды горизонтальных и вертикальных зигзагов на стенах Адегойского дольмена с гравюрой на серебряном сосуде из Майкопского кургана, считая их схематическим изображением местности с изображением гор и бассейнами рек Абина, Афипса и Псекупса. Декоративный же бордюр из зубцов на внутренних стенах камеры дольменов он сопоставлял с погребальным балдахинном из Майкопа (Лещенко, 1931, с. 245, 249–251). А. А. Формозов объяснял основной зигзагообразный мотив орнамента как имитацию декорировки стен дольмена тканью/ковром. Схожие мнения высказывались по поводу орнаментации и росписи на каменных ящиках в Крыму и Северном Причерноморье (Формозов, 1980, с. 95–96; Щепинский, 1971, с. 262). Л. И. Лавров считал, что любые попытки увидеть в орнаментации дольменов нечто большее, чем простое желание украсить постройку, обречены на неудачу (Лавров, 1960, с. 105). Однако Ю. А. Рассамакин и Г. Л. Евдокимов справедливо отмечают, что и в этом случае остается вопрос о символике знаков на послуживших образцами для декорировки погребальных памятников коврах, циновках или росписях в жилищах (Рассамакин, Евдокимов, 2010, с. 114).

Зигзагообразный орнамент воспринимался как изображение воды или змей (Марковин, 1978, с. 216; Рысин, 1990, с. 23), чья символика олицетворяет как земной, так и подземный, загробный мир. К основным элементам декора дольменов В. И. Марковин относил также парные полусферы, встречающиеся на фасадах некоторых памятников, трактуемые им как изображение женской груди, соляные знаки в виде кругов с точкой в центре и круга с перекрестием, чашечные углубления. В целом орнаментальные мотивы дольменов связывались им с сакральной силой всеобъемлющего и обильного воспроизводства (Марковин, 1978, с. 213–219).

А. М. Смирнов, рассматривая лишь два мотива орнамента дольменов (изображения выпуклостей полусфер и решетчатых конструкций), выдвинул оригинальную гипотезу. По его мнению, решетки, встречающиеся в сочетании с женскими символами (изображениями) на мегалитических памятниках Западной Европы и Кавказа, соответствуют определенным образам в искусстве Месопотамии.

Это тростниковая (решетчатая) овчарня, хижина-храм богини Нинтур, обеспечивающей рождение потомства, а сам дольмен представляет собой храм рождений, имитирующий женскую матку (Смирнов, 2010, с. 170–184).

Помимо абстрактных, геометрических знаков, в последние годы Северо-Кавказской экспедицией Института археологии РАН и Западно-Кавказской экспедицией ИИМК РАН в долинах р. Абин и р. Джубги были открыты не встречаемые ранее, связанные с дольменными памятниками, фигуративные, зоо- и антропоморфные изображения (Гей, 2008, с. 296, 298, рис. 2; Трифонов, 2014, с. 115–119, рис 4).

Задача нашей работы – кратко рассмотреть все известные мотивы орнаментации дольменов Западного Кавказа и ввести в научный оборот новые находки орнаментированных памятников, обнаруженных автором и краеведами г. Сочи и г. Туапсе, дающие более полное представление обо всем многообразии дольменного искусства.

К сожалению, многие исследователи при обращении к теме орнаментации дольменов рассматривают лишь несколько самых ярких памятников, не принимая во внимание весь иконографический репертуар знаков дольменного искусства, иногда встречающихся в единственном числе. Однако только рассматривая всю совокупность имеющихся на дольменах изобразительных мотивов, можно выявить некоторые предварительные общие закономерности их расположения и назначения. Ниже перечислены все мотивы орнаментации дольменных памятников и указаны вновь выявленные памятники.

1. Сплошной елочный орнамент. Самый распространенный мотив орнаментации дольменов. Обычно целиком покрывает наружную поверхность стены главного фасада памятника, иногда боковые стены либо всю поверхность наружных стен. Изредка встречается и внутри камеры дольмена. Такой орнамент был обнаружен мной на фасадах составных дольменов групп «Волчьи ворота» (рис. 3) и «Капибге», на боковых стенах корытообразного дольмена с ложным входом «Калежтам-2», на блоке задней стены внутри камеры составного дольмена группы «Шиблеск». Краеведом Ю. Егоровым декорировка «елочкой» была обнаружена у стоящих рядом составного и корытообразного дольменов на р. Алепси. Обычно елочный орнамент наносился горизонтальными рядами. Однако у отдельных памятников (Цыганков

хребет, р. Ачибс) среди общего горизонтального орнамента встречаются участки с вертикальными рядами (рис. 4).

Все известные мне на сегодняшний день памятники с орнаментацией этого типа сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Дольмены, декорированные сплошным елочным орнаментом

№ п/п	Местонахождение	Тип памятника	Расположение орнамента
1	2	3	4
1.	руч. Крученный, долина р. Абин	плиточный	фасадная стена
2.	р. Абин	-//-	-//-
3.	левый борт р. Абин	-//-	-//-
4.	правый борт р. Ачибс	-//-	-//-
5.	долина р. Пшада, Цыганков хребет	-//-	-//-
6.	р. Пшада, у Оленичевой щели	-//-	-//-
7.	р. Пшада, Панасова щель	-//-	-//-
8.	р. Пшада, левый борт, «Восьмидольмень»	-//-	-//-
9.	р. Алепси	составной	-//-
10.	р. Алепси	корытообразный с ложным входом	нижняя часть стены главного фасада
11.	р. Псынако, Папоротниковая щель	-//-	стена главного фасада
12.	аул Большое Псеушхо	плиточный? с ложным входом	стена главного фасада
13.	р. Малые Наужи, хр. Ещутай	составной	верхний торец фасадной стены
14.	г. Шиблеск	составной	верхний блок задней стены внутри камеры
15.	долина р. Аше, дольмен «Калежтам-2»	корытообразный с ложным входом	наружная поверхность боковых стен
16.	правый борт р. Аше, р. Капибге	составной	фасадная стена
17.	р. Неожиданная	-//-	-//-
18.	хребет Нихетх-2	-//-	-//-
19.	хребет Нихетх	-//-	фасадная стена внутренней поверхности стен
20.	правый борт р. Псезуапсе, ур. Школьная горка	-//-	внутренняя поверхность стен
21.	правый борт р. Шахе, гр. «Три дуба»	корытообразный	вся поверхность наружных стен

2. Зигзаги и треугольники. Орнамент в виде вертикальных и горизонтальных зигзагов, треугольников, свисающих углов считается характерным для дольменной культуры (Марковин, 1978, с. 215–216). Он встречается не только на стенах и перекрытиях памятников, но и на дольменной керамике (Рысин, 1997, с. 97). Однако памятников, украшенных этими мотивами, сохранилось очень мало. Это уничтоженный порталный Адегойский дольмен **(22)**¹³ со сложным орнаментом на приставных порталных плитах (Лещенко, 1930, с.249–250, рис. 11а), составной дольмен на горе Нексис **(23)** с зигзагообразным орнаментом, нанесенным на периметр внутренних стен (Марковин, 1997, рис. 134), плиточный дольмен на р. Жане **(24)** также с зигзагообразным орнаментом (свисающими углами) по периметру внутренних стен и с вертикальным зигзагообразным орнаментом на передних торцах боковых стен (Трифонов, 2009, с. 119, рис. 8, 9), зигзаг на перекрытии корытообразного дольмена на правом борту р. Абин **(25)** (Валганов, 2004, с. 191, рис.9.9), горизонтальный зигзаг на торце перекрытия плиточного дольмена № 7 группы «Два Брата» **(26)** (Тешев, 2004, с. 10), вертикальные и горизонтальные зигзаги на фасадной стене плиточного дольмена в урочище «Черноморка» **(27)** (Кондряков, 2010, с. 56), зигзаг на переднем торце левой боковой стены плиточного дольмена на хребте Нихетх **(28)** (Кондряков, 2010, с. 33; Кудин, 2017а, рис. 5).

В последние годы обнаружены еще два памятника, украшенных зигзагообразным орнаментом. Сложный узор из горизонтальных и вертикальных зигзагов нанесен на фасадную плиту стоящего в центре группы обнаруженного краеведом А. Б. Кротовым плиточного дольмена на р. Нихетха **(29)** (рис. 5. 1, 2) (Кудин, 2015, с. 66, рис. 1).

Археологом Н. В. Кондряковым обнаружен зигзагообразный орнамент в центре плиты главного фасада дольмена с двумя отверстиями у пос. Марьино **(30)** (рис. 6).

3. Горизонтальные линии. В декорировке дольменных плит встречаются редко. Таким орнаментом из узких горизонтальных линий покрыта плита главного фасада дольмена Назарова щель I близ п. Архипо-Осиповка **(31)**. Остатки орнамента в виде пяти горизон-

13 Здесь и далее продолжение нумерации памятников приведенных в таблице 1.

тальных линий, просматриваются над ложной втулкой на стене главного фасада корытообразного дольмена с ложным входом в п. Пригородный (32) (рис. 7).

И. Н. Анфимов описывает декорировку фасадной стены плиточного дольмена в верховьях р. Небуг (33) в виде горизонтальной полосы из пяти линий над отверстием и двух небольших округлых выпуклостей (Анфимов, 1992, с. 38).

Обломок фасадной плиты еще одного дольмена, украшенного более широкими горизонтальными линиями обнаружен мной напротив пос. Пригородного у г. Туапсе, в урочище «1-я Каштановая щель» (34) (рис. 8). Длина плиты – 1,10 м, наибольшая ширина сохранившегося обломка – 0,86 м, толщина – 0,18 м. На расстоянии 0,63 м от верхнего края плиты выбито овальное отверстие высотой около 0,30 м. Поверхность плиты покрыта горизонтальными канавками глубиной до 0,02 м шириной до 0,10 м, чередующимися с выступами такой же ширины.

4. «Лучи», обрамление входного отверстия. В. И. Марковин упоминает елочный орнамент передней стены дольмена из Скупковой щели (Цыганков хребет), где среди горизонтальных рядов «елочки» от отверстия вверх отходит пучок расходящихся лучей, выполненных той же традиционной «елочкой» (5) (рис. 9) (Марковин, 1978, с. 215–216). Мотив расходящихся от отверстия лучей, но выполненный в другой стилистике, есть на плите главного фасада разрушенного дольмена № 7 группы «Два брата» (26). Этот оригинальный орнамент очень кратко описывает М. К. Тешев, как «три концентрических круга с расходящимися лучами, удивительно напоминающие план мегалитического архитектурного комплекса Псынако I» (Тешев, 2004, с. 10). К сожалению, ни местонахождение рельефа, ни количество лучей в этом описании не указаны. Остатки этого памятника считались окончательно уничтоженными в ходе лесозаготовительных работ, но в 2019 г. были вновь обнаружены автором (рис. 10). Сохранилась верхняя часть обломка фасадной стены шириной 0,70 м, высотой 0,67 м, толщиной 0,21 м с сохранившимся верхним краем входного отверстия, расположенного на 0,60 м от верхнего края плиты. Наружная поверхность плиты тщательно зашлифована. Отверстие обрамляют две концентрические окружно-

сти, выполненные врезами шириной 0,04–0,05 м и глубиной 0,015 м. От второй окружности в стороны отходят выполненные врезами два прямых «луча», соединенные снизу врезанной дугой.

Орнамент в виде пяти врезанных, расходящихся от отверстия и закручивающихся по часовой стрелке лучей нанесен на плиту разрушенного дольмена в урочище «Камышовая горка» в долине по правому борту р. Пшады (35) (рис. 11). Два луча приходятся на трещину раскола плиты.

Своеобразный орнамент, обрамляющий входное отверстие корытообразного дольмена с ложным входом из урочища «скалы Псеченах» по левому борту р. Малые Наужи, был обнаружен С. В. Валгановым в 2015 году (36) (рис. 12). К ряду орнаментов, выделяющих область входного отверстия, относится и изображение головы быка на перекрытии дольмена по правому борту р. Пшада у Оленичевой щели (37) (Валганов, 2004, с. 199–202, рис. 10, 1, 3; Кудин, 2021, рис. 8).

5. Парные полусферы. Трактовка изображения на дольменах парных полусфер как женских грудей (Марковин, 1978, с. 213; Смирнов, 2010, с. 172) находит подтверждение в подобных изображениях на фасадах дольменов Франции, где они часто дополнены изображением ожерелий, лиц, женских фигур (Villes, 1998, p. 7–45). Но смысл древних символов часто бывает многогранным. Например, грудь богини может одновременно символизировать луну и солнце. Возможны и другие значения. С учетом последних находок известно **девять памятников** с такой орнаментацией.

На фасадной стене плиточного дольмена в Широкой щели две пары полусфер расположены над рельефным изображением портала дольмена (38) (Дмитриев, 2001, с. 71–72, рис. 30). Диаметр парных выпуклостей колеблется от 12 до 13 см, а их высота – от 2 до 4 см.

Другой, уже упомянутый мной памятник, с изображением стилизованных женских грудей над входным отверстием и полосой орнамента из пяти горизонтальных линий на фасаде плиточного дольмена в верховьях р. Небуг кратко описан И. Н. Анфимовым (33) (Анфимов, 1992, с. 38).

Дольмен № 719 в урочище «Пасека», левый борт р. Псынако, описан В. И. Марковиным (39) (Марковин, 1978, с. 309). На его пе-

редней плите в верхней части над лазом высечены две округлые выпуклости диаметром 10 см, выступающие над поверхностью плиты на 3 см. Расстояние между выпуклостями – 37 см.

Две пары подобных выпуклостей изображены на ложном фасаде очень интересного плиточного дольмена из урочища «Бганомакух» (Пхабгучел), обнаруженного М. К. Тешевым (40) (Тешев, 2004, с. 9–10). Высота изображений – 3 см, диаметр достигает 8 см, расстояние между выпуклостями – 7 см.

На портале полуразрушенного корытообразного дольмена с ложным входом из бассейна р. Цусквадже можно увидеть изображение одной пары грудей, сильно смещённых в сторону от центра плиты (41). В. И. Марковин, описавший этот памятник, к сожалению, не заметил его орнаментацию (Марковин, 1997, с. 358–361, рис. 188, 3–5). Диаметр выпуклостей – 9–10 см, высота – 3,5–4 см, расстояние между полусферами – 15 см. Правая часть фасада не сохранилась. Учитывая сильное смещение изображения полусфер от центра симметрии, можно предположить, что на несохранившейся части была расположена вторая пара подобных выпуклостей (рис. 13).

Еще один корытообразный дольмен с изображением пары выпуклостей на фасаде обнаружен А. М. Бианки на западном склоне горы Виноградной в бассейне р. Цусквадже (42) (Бианки, 2012, с. 47). Диаметр полусфер – 13 см, высота – 4 см, расстояние между выпуклостями – 30 см.

В 2021 году краеведом Ю. Егоровым обнаружен плиточный дольмен с изображением двух полусфер в урочище «Адигналово», по правому борту р. Псынако (43). Диаметр выпуклостей – 10 см, высота – 3–4 см, расстояние между ними – 20 см (рис. 14).

Обломок фасадной плиты с изображением «двойных грудей» обнаружен С. В. Валгановым в урочище «Кубыши», правый борт р. Малая Наужи (44) (Валганов, 2004, с. 66, рис. 4, 5).

Последнее известное на сегодня изображение парных выпуклостей принадлежало уже исчезнувшему памятнику. По сведениям и фото Н. В. Кондрякова, среди сильно разрушенной дольменной группы «Сортучасток» тридцать лет назад находилась узкая длинная плита с изображением двух округлых выпуклостей в верхней части (45). По всей видимости, это была приставная порталная плита,

следовательно, такая же плита должна была находиться и с другой стороны портала дольмена.

6. Порталы дольменов. На фасадной стене **шести памятников** входное отверстие обрамляет дополнительное, рельефное изображение главного фасада дольмена, создающее в сочетании с выступами боковых плит и перекрытия эффект удвоения портала и художественной перспективы, иллюзию архитектурного продолжения пространства дольмена в ином мире, куда закрыт доступ живым.

У плиточного дольмена в Широкой щели, над рельефным изображением перекрытия портала дольмена находится изображение двух пар полусфер **(39)** (Дмитриев, 2001, с. 71–72, рис. 30).

На главном фасаде плиточного дольмена № 2 р. Жане над отверстием изображены две опоры (выступы боковых плит), поддерживающие двухъярусное перекрытие **(24)** (Трифонов, 2009, с. 119, рис. 8).

В 2007 г. Д. А. Дмитриевым и С. Фиалковской в Широкопшадской щели обнаружен плиточный дольмен с квадратным входным отверстием, обрамленным рельефным изображением портала **(46)**. В центре изображений вертикальных опор перекрытия имеются две прямоугольные объемные метки размером 11 × 12 см.

Еще два памятника с рельефным изображением фасадов дольменов обнаружены и описаны П. С. Уваровой у пос. Джубга. На одном из изображений основание вертикальных опор перекрытия заканчивается базой в виде трех ступеней **(47–48)** (Уварова, 2004, с. 172–173, рис. 73).

Более сложное изображение портала дольмена имеется на фасадной стене корытообразного дольмена Солоницкого хребта **(49)** (Бианки, 2012, рис. 1, 4, 6). Здесь изображения вертикальных опор украшены тремя линиями, а на изображение перекрытия нанесены семь горизонтальных линий. Все пространство внутри изображения портала заполнено елочным орнаментом («дерево жизни») (рис. 15).

7. Кресты. Крест с разной длиной ветвей в круге, выполненный барельефом, изображен среди других элементов орнамента, на правой части фасадной плиты дольмена в урочище «Черноморка» **(27)** (Кондряков, 2010, с. 56–57).

Три подобных креста изображены на плитах из «святилища»

Грузинка IX (50) (Гей, 2008, с. 296, рис. 1). Мотив креста в круге представлен и в барельефной орнаментации шляпок некоторых втулок. В данном случае роль окружности играет граница шляпки втулок. Два таких артефакта хранятся в Геленджикском историко-краеведческом музее. Концы креста на втулке с р. Ачибс украшены небольшими шаровидными выступами (рис. 16). Три креста, заключенные в круги, изображены на перекрытии составного дольмена на горе Нексис (23). Линии крестов выполнены врезам, окружающие их круги состоят из чашевидных знаков (Шариков, Комиссар, 2011, с. 137, рис. 128). Единственное изображение косоугольного креста в круге вырезано на перекрытии дольмена «Дудугуш-1» (51). Этот крест включен в состав сложного петроглифа. Направление азимутов ветвей косоугольного креста на ключевые точки солнечного цикла и его сочетание с другими знаками позволили выдвинуть гипотезу о его календарном и астрономическом значении (Кудин, 2021, с. 11–13, рис. 10). Изображения креста в круге часто интерпретируются исследователями как солярный знак. Солярные знаки другого типа выделены мною в отдельную группу мотивов.

Крупный рельефный крест с разной длиной ветвей изображен на перекрытии плиточного дольмена близ пос. Татьянавка (52) (Кудин, 2015, рис. 4). Еще один крест с разной длиной ветвей, выполненный глубокими врезам, изображен слева от порталной ниши корытообразного дольмена группы «Сортучасток» (53) (Валганов, 2004, с. 170–171, рис. 3).

8. Решетки. Этот мотив встречается на дольменных памятниках очень редко. Шестилучевая рельефная решетка (гребенка) изображена в центре фасадной стены плиточного дольмена в урочище «Черноморка» (27). Подобная фигура из пяти лучей выбита с восточной стороны у верхнего края стены полумонолитного дольмена в Виноградном ущелье (54) (Кизилов, 2015, с. 63, рис. 2). По-видимому, этот орнамент был скрыт после нанесения установленной сверху плитой перекрытия. Решетка из девяти клеток была вырезана рядом с зигзагом на переднем торце перекрытия дольмена № 7 группы «Два Брата» (26) (Тешев, 2004, с. 10).

Еще одна решетчатая структура изображена на верхней части туловища сидящей человеческой фигуры росписи мегалитической

гробницы из кургана 28 могильника «Клады», относящейся к новосвободненской культуре (Резепкин, 1987, с. 27, рис. 1, .1).

9. Чашевидные знаки и метки. Мотив чашевидных углублений очень широко распространен в дольменной культуре. В отличие от остальных орнаментальных мотивов, чашевидные знаки (лунки) встречаются во всех ареалах распространения дольменов. Чаще всего единичные чашевидные знаки и их группы нанесены на перекрытия памятников, но они встречаются и на фасадах, стенах дольменов как внутри, так и снаружи. Чашевидные знаки и метки встречаются не только на дольменах, но и на расположенных рядом с ними камнях, скалах, которые являются неотъемлемой частью сакрального ландшафта, созданного строителями дольменов. Иногда чашевидные знаки нанесены на плиты упорядоченно, их группы образуют линии, кресты, круги. Иногда отдельные лунки соединены между собой канавками.

Б. Х. Бгажноков разделяет их на чашевидные углубления и чашевидные метки (небольшие выбоины в камне, выполненные одним ударом инструмента) используемые в основном для изображений кругов, линий и других фигур (Бгажноков, 2013а, с. 15). Однако достаточно часто встречаются круги и линии из более крупных чашевидных углублений. Некоторые из мотивов, например, два ряда из трех и четырех лунок, повторяются на разных памятниках (Кудин, 2021, с. 8, 17, рис. 5, 14). Значение чашевидных знаков объемно и многопланово, что хорошо показано в работах Б. Х. Бгажнокова (Бгажноков, 2013а; 2013б; 2016).

Спорным остается вопрос датировки чашевидных знаков. Наносились ли они на памятники при их строительстве или появились в другие эпохи при переиспользовании дольменов? Находки последних лет в Западной Европе убедительно показывают, что появившиеся еще в конце мезолита и в неолите чашевидные знаки предшествовали появлению мегалитических сооружений (Ноек, 2001, р. 235, fig. 189) и наносились на памятники в период строительства дольменов (Iversen, 2019, р. 144–145). Некоторые из камней с нанесенными чашевидными знаками искусственно обработаны в характерной для дольменов технике (рис. 17).

10. Соляные знаки. Представляют собой чуть углубленный

в породе, или вырезанный по контуру круг с чашевидной меткой в центре. Описаны В. И. Марковиным в двух пунктах расположения дольменов (сюда мы не включаем описанный им как солярный знак, крест в круге в урочище «Черноморка» у п. Лазаревское). Солярные знаки были обнаружены в группе «Три дуба» у п. Солох-Аул (55) и на дольменах у пос. Мезмай (56) (Марковин, 1978, с. 217, рис. 60). Встречаются как на дольменах, так и на валунах рядом с памятниками. Часто расположены в сочетании с чашевидными знаками. С. В. Валганов описывает солярные знаки на верхнем торце боковой плиты дольмена из группы «Три дуба» (57) и на перекрытии корытообразного дольмена в пос. Пшада (58) (Валганов, 2004, с. 188, 194, 197, рис. 9, 6.2; 9.12). Изображения солярных знаков были обнаружены мной на валуне и пирамидальной скале, включенной в группу дольменов, в дачном поселке в долине р. Цусквadge. На валуне изображены два солярных знака диаметром около 20 см с лункой в центре диаметром 5 см (рис. 18). Пирамидальный валун, стоящий в ряду дольменов, кроме четырех солярных знаков аналогичных размеров на боковой западной стене (рис. 19, 1, 2), орнаментирован рядом из трех лунок, спускающихся по ребру от вершины. На пирамидальной вершине выбито углубление, напоминающее отпечаток стопы – следовик (рис. 19, 3).

11. Орнаментация втулок и ложных втулок. Кроме крестов, украшающих шляпки отдельных втулок, на них встречаются и другие орнаменты. Чаще всего центр полусферической втулки украшен округлым, иногда сильно вытянутым выступом. Например, у обломка втулки дольмена из аула Кале ее высота достигает 19 см. На обнаруженной нами пробке в верховьях р. Цусквadge эта выпуклость двойная (рис. 20).

Втулки трех памятников украшены врезанными концентрическими кругами. Это втулка плиточного дольмена на хребте Нихетх, одна из втулок, хранящихся в Геленджикском историко-краеведческом музее, и втулка из аула Большое Псеушхо. Подобным, но рельефным ступенчатым орнаментом, украшены ложные втулки плиточного дольмена в урочище «Волчьи ворота», плиты от дольмена рядом с аулом Большое Псеушхо и двух корытообразных дольменов в ауле Калеж. Полусферическая выпуклость втулки плиточного

дольмена с правобережья р. Пшады украшена по периметру шестью глубокими врезами, идущими к центру, благодаря которым головка втулки приобрела вид шестилучевой розетки (Валганов, 2004, с. 263, рис. 15, б). Восемнадцатью лучами-врезами украшена шляпка втулки, обнаруженной краеведом В. Копыловым в русле реки Пшада. Подобным образом, только восемью врезами, украшена ложная втулка корытообразного дольмена с ложным входом из Виноградного ущелья.

Необычную орнаментацию имеет одна из дольменных втулок из группы Цыганкова хребта. Кроме центрального полусферического выступа, она имеет еще четыре небольших полукруглых выступа с четырех сторон по периметру шляпки (Валганов, 2004а, с. 173, рис. 6).

12. Фигуративные мотивы. В 2007 году Северо-Кавказской экспедицией Института археологии РАН на одной из плит дольмена А группы Шизе-IV обнаружено изображение в виде «пляшущих человечков», выполненных пикетажем (**59**) (Гей, 2008, с. 296, рис. 2). В передней части дольмена Грузинка XI найден обломок плит, покрытой выбитыми пикетажем лунками, между которыми проходит выбитая в той же технике извилистая (змеевидная) линия с утолщением, изображающим голову (**60**) (Черкасов, 2009, С.411). Западнo-Кавказской экспедицией ИИМК РАН при исследовании в 2006–2008гг. дольмена в п. Джубга обнаружены петроглифы на блоках ограждения двора (**61**). На нижнем блоке, расположенном напротив входного отверстия, находится фриз с изображением из шести расположенных в ряд фигур, иллюстрирующих некий древний мифологический сюжет. В центре фриза изображена антропоморфная фигура с согнутой в локте правой рукой, упирающейся в пояс. Справа и слева вырезаны фигуры животных, развернутые головой от человека. Животные идентифицируются как олень, козлы (горные кавказские туры?) и собака. Вторая группа петроглифов, на другом блоке двора, изображает две зеркально-симметричные антропоморфные фигуры – «близнецов». Еще одна антропоморфная фигура изображена на другой стороне блока (Трифонов, 2014, с. 115–118, рис. 4).

На боковой поверхности валуна, напоминающего морду собаки (волка), рядом с корытообразным дольменом, с ложным входом,

орнаментированным парными полусферами, на р. Цусквадже обнаружено вырезанное схематичное изображение бегущего животного (собаки/волка?) (рис. 21, 1) с чашевидным солярным знаком перед мордой.

13. Единичные мотивы. Некоторые мотивы орнаментации дольменов встречены пока в единственном числе. На внутренней поверхности задней плиты дольменной группы «Большая Ельня» («Небуг-2») изображен ложный вход в дольмен (62). Он представляет собой выбитый на стене круг с диаметром, характерным для входных отверстий, – 32 см и глубиной 3 см, имитирующий вход в дольмен (Тешев, 2004, с. 10).

По-видимому, к дольменной культуре относится орнамент на обломанной с двух концов известняковой плите, найденной в поле насыпи кургана № 11 (Серебряный) из могильника Клады. Он состоит из трех рядов гравированных окружностей. Средний ряд состоит из 7 окружностей, покрытых узором в виде концентрических кругов. Подобный орнамент, как указывалось выше, характерен для некоторых из дольменных втулок. Два крайних ряда покрыты изображениями заключенных в круг мальтийских крестов, по шесть кругов в каждом ряду (Резепкин, 2012, с. 24–25, рис. 34, 2). Плита с двухволютной спиралью обнаружена перед передней стенкой дольмена из кургана № 39 этого же могильника (Резепкин, 2012, с. 47, рис. 93, 8).

А. А. Формозов писал об углубленном изображении человеческой стопы на одном из дольменов ст. Новосвободная (Формозов, 1969, с. 238). Как уже говорилось, изображение стопы есть на вершине валуна пирамидальной формы, дополнительно декорированного солярными и чашевидными знаками, находящегося в центре дольменной группы на р. Цусквадже, (рис. 19, 2). Изображения человеческих стоп из охры широко встречаются в катакомбной обрядности начиная с раннекатакомбного времени. Рисунки стоп известны среди петроглифов Каменной могилы и на идолах из Северного Причерноморья, относящихся к концу неолита-энеолита и выражающих идеи «плодородия, солнечного божества, солнца, путешествующего, шагающего по мирозданию» (Санжаров, Черных, 2021, с. 148). Примечательно, что мыском изображение следа на валуне у дольмена,

вершина пирамиды и расположенные рядом дольмены направлены на восход солнца в зимнее солнцестояние.

На другом валуне, искусственно доработанном до пирамидальной формы, расположенном рядом с корытообразным дольменом Циргойтх, в его верхней части, со стороны, обращенной к дольмену, выбит ромбовидный знак со сглаженными боковыми углами (мандрола) (Кудин, 2021, с. 27–28, рис. 20). Другой такой знак, повернутый горизонтально, вырезан на боковой поверхности уже упомянутого валуна, напоминающего морду собаки (волка), рядом с корытообразным дольменом с ложным входом на р. Цусквадже (рис. 21, 2). На верхней части этого валуна выбито две лунки, а с другой стороны, на вертикальной плоскости, вырезано схематичное изображение бегущего животного (рис. рис. 21, 1).

На камне перед фасадом полумонолитного дольмена в Мамедовой щели выбито сложное изображение из извивающихся, переплетающихся линий и чашевидных меток, не поддающееся трактовке (рис. 22).

Еще одним интересным примером орнаментации фасадной стены дольмена на ручье Крученный, в бассейне р. Абин, является намеренное использование строителями плиты, покрытой природной железистой решеткой (рис. 23).

Таковы основные мотивы орнаментации дольменных памятников. Часто на дольменах представлен лишь один из мотивов, но иногда наблюдается сочетание разных мотивов, создающих сложные композиции.

Проблемы интерпретации орнаментов дольменов

Тема интерпретации абстрактно-геометрических мотивов орнаментации дольменов очень сложная и дискуссионная. Репрезентативные мотивы дольменного орнамента могли означать некие конкретные образы, но нам не хватает контекста, чтобы уверенно их идентифицировать. Определить, что конкретно из множества вещей означает круг или волнистая линия, в определенном контексте очень сложно. Схематические, геометрические знаки представляют сильно закодированные, полисемантические образы. Поэтому изучение их сравнительным методом с привлечением аналогий по принци-

пу формального сходства, на котором ранее традиционно основывались исследователи, часто дает сомнительные результаты. И тот же характерный для дольменной культуры мотив зигзага, в зависимости от предпочтений исследователя и значения этого символа в разных культурах, можно трактовать как символ воды, змеи, гор, молнии, рогов, огня, плодородия либо как волчьи зубы. И даже распознавание смысла знаков на базовом уровне может привести к неправильному пониманию их более глубокого уровня. Например, для человека, далекого от нашей культуры, символ сердца, пронзенного стрелой, может восприниматься как образ убийства или человеческого жертвоприношения, а не любовной страсти.

Казалось бы, правы критики подобной интерпретации орнамента (Палагута, 2009, с. 34–37), но и отвергать этот метод, при разумном подходе, окончательно не стоит. Тем более что каждый знак, изображенный без дополнительных деталей, мог иметь несколько референтов. Это очень уместно в космологии, имеющей ряд слоев реальности, ссылающихся друг на друга. Взаимосвязь многих из перечисленных выше образов (вода земная – змей – вода небесная – гром, молния – плодородие) известна во многих культурах. Фасады практически всех дольменных памятников направлены на водные потоки – реки, море, что так же может свидетельствовать, что одним из возможных значений зигзагообразного орнамента является символика воды. Конечно, такая трактовка является лишь предположением, но имеющим определенные основания.

Ритмичность зигзага, повторение его числовых рядов на разных памятниках дольменной культуры позволило выдвинуть гипотезу о календарном значении зигзагообразного орнамента (Кудин, 2013, с. 63–64; 2017а, с. 59–74). Повторяющиеся в орнаменте на разных памятниках числа зигзагов и свисающих углов: 11, 12, 13, 22, 44 показывают их неслучайный характер. Эти цифры могли быть связаны с важными циклами лунно-солнечного календаря. Дополнительным подтверждением правильности астрономической трактовки является пространственное расположение знаков и совпадение азимутальных направлений орнаментированных памятников с ключевыми, календарными моментами восходов/заходов небесных светил (Кудин, 2021, с. 31). Проживающие на территории распространения дольме-

нов адыги-шапсуги и натухайцы, связываемые многими исследователями с потомками строителей дольменов (Марковин, 1997, с. 33), особо выделяют числа 11 и 22 (Дмитриев, 2007, с. 158). Вновь обнаруженное Н. В. Кондряковым изображение зигзага на фасадной стене дольмена у пос. Марьино, отображающее цифру 11, не выбивается из этого ряда повторяющихся на разных памятниках чисел.

Многие из знаков дольменного орнамента, возможно, связаны с астрономической символикой (Кудин, 2015, с. 66–69; 2021, с. 9, рис. 6).

Сплошную орнаментацию плит елочным орнаментом, казалось бы, можно отнести к т. н. техническому орнаменту, воспроизведению в камне плетения циновки из растительных материалов. Сплошной «елочный» орнамент действительно можно трактовать как изображение циновки, ковров, покрывающих стены либо закрывающих дверные проемы «домов для мертвых», имитирующих структуру жилой среды. Например, имитации свернутых циновки, высекаемые в виде барабанов, встречаются над проемами ложных дверей египетских мастаб (Цветенберг, 2012, с. 19). При этом елочный орнамент дольменов очень точно имитирует плетение циновки из погребения катакомбной культуры 28 кургана 3 могильника Островной (Орфинская, Шишлина, 2002, с. 263, рис. 3, 3). Ю. Н. Шариков и О. Н. Комиссар сделали реконструкцию рогожи такого плетения и сняли с нее гипсово-песчаный слепок, достаточно точно соответствующий сплошному елочному орнаменту, покрывающему стены дольменов (Шариков, Комиссар, 2011, с. 150, фото 142).

Елочный орнамент мог копировать покрытие стен жилых домов, показывая сильную концептуальную связь между домами и гробницами, последние копируют первые, но их материальность противопоставлена – мягкие, органические, недолговечные дома для живых, против твердого, несокрушимого, вечного каменного жилища мертвых. Стены жилищ дольменной культуры, вероятно, выполнялись из плетеных ветвей, лозы или тех же циновки и глиняной обмазки. Такое жильё на Западном Кавказе известно с эпохи неолита (Воронов, 1979, с. 29–30, рис. 10, 2).

Однако сама структура плетения, пересечение волокон циновки создавали узор в виде того же зигзага, имеющего, учитывая сакральный характер дольмена, большое символическое значение.

Ритуальный характер дольменных памятников и возможная многозначность абстрактных дольменных символов, не позволяет утверждать однозначно то, что елочный орнамент является имитацией циновок. Часто памятники с таким орнаментом выделяются среди других дольменов величиной и тщательностью отделки. Обычно они расположены в центре дольменной группы. Например, центральное положение плиточного дольмена с орнаментированной плитой главного фасада архитектурного ансамбля группы «Цыганков хребет» дополнительно подчеркнуто стоящими с двух сторон одинаковыми небольшими корытообразными дольменами и двумя каменными чашами.

Визуальная культура дольменного орнамента редко включает в себя составленные сцены. Мотивы часто образуют повторяющиеся множества, расположенные в определенных местах памятников. Для результативной интерпретации орнаментальных мотивов важно рассмотреть пространственную организацию изображений, их расположение в архитектурном контексте.

А. М. Бианки справедливо замечает, что у корытообразных и полумонолитных склепов весь фасад, выточенный в камне, является рельефной композицией на тему плиточного дольмена, то есть своеобразным декором, имитирующим плиточный дольмен (Бианки, 2012, с. 50). У дольмена монолита в п. Волконка, кроме передней стены-плиты в скале, высечена имитация козырька плиты перекрытия. Развивая эту мысль, высекание имитации элементов постройки дома в скальном массиве – выступов (лопаток) боковых стен, плит главного фасада и перекрытия, шляпки ложной втулки можно назвать архитектурным декором.

Рассмотрим расположение элементов орнамента в архитектурном контексте памятников:

1. Наиболее часто орнамент наносился на наружную поверхность плиты главного фасада памятников. Здесь можно встретить практически все из перечисленных выше мотивов.

2. На передних торцах выступов боковых плит дольменов нанесен вертикальный зигзаг (Жане, Нихетх).

3. Зигзаги, треугольники, парные полусферы встречаются на боковых поверхностях порталных выступов дольменов.

4. Чашевидные знаки, метки и композиции из них, солярные знаки, зигзаг расположены на перекрытиях некоторых дольменов.

5. Периметр внутренних стен покрывался сплошным елочным орнаментом, или линиями зигзагов, свисающих углов.

6. На наружные поверхности боковых и задних стен орнамент наносился крайне редко. Единственный мотив, который на них можно встретить, – это сплошной елочный орнамент.

7. Камни, включенные в сакральный ландшафт дольменных памятников, иногда украшены чашевидными знаками и метками, иногда образующими круги, кресты, линии. На их поверхности встречаются солярные знаки, ромбы со сглаженными боковыми углами (мандролы), следовик, изображение животного.

Три первые из перечисленных выше архитектурных зон относятся к лименальному пространству, порогу между земным и загробным миром. На границе (пороге) между земным и небесным миром находятся и изображения на поверхности перекрытий дольменов. Эти знаки обращены к небу и рассчитаны на восприятие богов, а не людей (Джанхот, Ловпаче, 2003, с. 59). Таким образом, орнаменты дольменов показывают, прежде всего, прочную связь с пространствами прохода и перехода из одного мира в другой. Можно отметить значительную связь между орнаментом и лименальностью. Пространство орнаментальных мотивов ассоциируется с входными отверстиями (отдельные мотивы сфокусированы на них) и переходными пространствами. Орнамент мог иметь апотропные свойства и потому предпочтительно изображался в зоне входов в дольмены.

Защитные, обережные функции орнамента, известны в разных культурах, поэтому изображения сосредоточены в «уязвимых» точках, на границе миров, неся защиту и очищение как мертвым, так и живым, приходящим к дольменам. В качестве таковой защиты могла также выступать орнаментированная дольменная втулка, выступ ее шляпки на плоскости главного фасада и окружающие вход в дольмен другие элементы орнамента.

Другое возможное значение орнамента связано с тем, что он изображает некие символы и элементы иного мира. Сам процесс нанесения знаков и их дальнейшее существование, даже навсегда скрытых от зрителя, по-видимому, был очень важен. Каменные сте-

ны дольмена служили своеобразным интерфейсом между земным и иным миром, а орнамент служил его проявлением в реальности. Для обозначения иного мира могут служить изображения порталов на некоторых памятниках – символических дверных проемов, ведущих за пределы гробницы в мир мертвых. Дольменное искусство явно ассоциируется со смертью и загробным миром.

Расположение некоторых изображений предусматривало их ритуальное сокрытие, они были доступны лишь для глаз мира духов. К ним относятся петроглифы, нанесенные на блоки дворика дольмена в пос. Джубга, скрытые затем насыпью керна и засыпкой дворика (Трифонов, 2014, с. 115–117), елочный орнамент на боковых торцах передней плиты дольмена у Оленичевой щели, на верхнем торце фасадной стены на хр. Ещутай, орнаменты внутри камер дольменов. Такое расположение позволяет охарактеризовать их как специализированные ритуалы при постройке памятника. Сами дольменные постройки демонстрируют явные доказательства особой важности ритуальной деятельности.

Помимо ряда геометрических знаков, дольменное «схематическое» искусство включает в себя обнаруженные в последнее время изображения антропоморфных фигур и животных, сгруппированных в определенные сюжетные композиции (Трифонов, 2014, с. 115–119, рис. 4; Гей, 2008, с. 294–298, рис. 1–2). Аналогии композиции изображения «близнецов» В. А. Трифонов видит в изображениях на стелах из Крыма. Их сюжетно-стилистическое сходство и очевидно общий мифологический сюжет объясняется общей для Западного Кавказа и горного Крыма культурной средой (Трифонов, 2014, с. 124). Отношением к общему культурному кругу можно объяснить сходство отдельных мотивов орнамента дольменной культуры с изображениями на ящиках кеми-обинской культуры и стенах погребений раннекатакомбной культуры. Это, прежде всего, изображение елочного орнамента, так называемого дерева жизни. Оно часто встречается на стенах ящиков и над входами в камеры катакомб. Такое изображение имеется на фасадах двух дольменов Солоницкого хребта (Бианки, 2012, с. 49, рис. 1). Изображение пяти рядов елочного орнамента на катакомбе погребения 1 кургана 1 в Лисичанске близ пос. Березово (Санжаров, Черных, 2021, с. 76, 78, фото 19, рис. 30) практически

совпадает с изображением на фасаде дольмена на р. Нихетха (рис. 5) Следует отметить, что у обоих памятников орнаментация подчеркивает особое значение входа в камеру. Кожедуб предполагает два варианта интерпретации данного явления: элемент декора (жилище для души) и обозначение перерождения (Кожедуб, 2019, с. 22).

Эти примеры показывают интенсивные контакты и обмены между древними обществами, которые способствовали и широкому распространению отдельных орнаментальных мотивов.

Изображения дерева жизни часто встречается в мегалитических памятниках Западной Европы, где их называют Fir Tree Man (еловый человек) (Robin, G., 2012, p. 144, p. 155, fig. 10, 2). Многие другие мотивы, характерные для орнаментации дольменов (зигзаги, решетки, чашевидные и солярные знаки), широко распространены в искусстве мегалитических гробниц других культур эпохи неолита и бронзы в Западной Европе и Средиземноморье. Такое единообразие мотивов на огромном пространстве может быть связано с единообразием и общностью человеческой психики и для его объяснения некоторые исследователи обращаются к нейропсихологии.

Интерпретация абстрактных геометрических мотивов орнамента на стенах мегалитических гробниц как производного от измененных состояний сознания впервые была предложена Р. Бредли (Bradley, 1989, p. 68–75) и развита Д. Льюис-Вильямсом и Т. Доусоном, которые идентифицировали повторение энтоптических мотивов в мегалитическом искусстве как выражение принципов трансформации визуальных образов, вызванных видениями при исполнении шаманских практик. Абстрактные геометрические мотивы орнаментации создавались шаманами (жрецами) после одинаковых видений светящихся геометрических форм – фосфенов, возникающих на ранних стадиях измененного состояния сознания или во время медитаций (Lewis-Williams, Dowson, 1993. p. 55–65). Однако, несмотря на поразительное сходство энтоптических форм и многих орнаментальных мотивов на мегалитических памятниках, нейропсихологическая гипотеза не является общепринятой.

Малое количество орнаментированных памятников, очевидно, показывает, что орнамент был не нормой, а ограниченной социальной привилегией. Он характерен для «элитарных» (по выраже-

нию В. А. Трифонова) сооружений (Трифонов, 2001, с. 34). Кроме крупных размеров камеры, курганной насыпи, дворика, к признакам «элитарности» можно отнести качество отделки плит и наличие орнаментов. Особое положение орнаментированных памятников часто подчеркнуто их центральным положением в дольменном ансамбле. Учитывая сакральный характер знаков орнамента, а также их возможное календарное и астрономическое значение, можно предположить, что орнаментированные памятники служили для погребения представителей древнейшей из четырех ветвей власти, характерной для догосударственных обществ охотников и собирателей, земледельцев и скотоводов. Это духовная власть, осуществляемая особыми лидерами (жрецами, колдунами, шаманами, магами), нередко контролирующими и другие ветви власти: моральную, экономическую и военную (Кореневский, 2011, с. 176–181).

Очевидно, что роль святилищ, на которых представители духовной власти проводили обряды, связанные с календарными веками, выполняли многие из кавказских дольменов, отмечающих астрономически значимые направления и нередко украшенных орнаментальным изображением астрономических и календарных символов, обережных знаков и символов, подчеркивающих значимость перехода между миром живых и миром мертвых (Кудин, 2017б, с. 146).

Итоги краткого рассмотрения семантики орнаментальных символов дольменного искусства дают возможность приблизиться к пониманию космологических принципов и обрядов дольменной культуры. Публикация новых находок дольменного орнамента и принципов их расположения в архитектурном пространстве памятников позволит более уверенно подходить к их интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов И. Н., 1992. Дольменная группа в верховьях р. Небуг // 17 Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. – Майкоп.

Бианки А. М., 2012. Декор двух дольменов Солоницкого хребта и проблема его интерпретации // Записки ИИМК РАН / Отв. ред. Е.Н. Носов. № 7. – СПб.

Бгажноков Б. Х., 2013а. Чашевидные знаки кавказских дольменов // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 2. – Нальчик.

Бгажноков Б. Х., 2013б. Сакральный смысл чашевидных знаков // Вестник института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Вып. 1(20) – Нальчик.

Бгажноков Б. Х., 2016. Культура чашевидных знаков Евразии. – Нальчик.

Валганов С. В., 2004. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа / Отв. ред. С. В. Валганов. – М.

Гей А. Н., 2008. Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. – М.

Джанхот И. Ю., Ловпаче Н. Г., 2003. Кавказские испыуны и египетские пирамиды. – Майкоп.

Дмитриев А. В., 2001. Каменные исполины Черноморья // Дольмены современники древних цивилизаций. / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. – Краснодар.

Кожедуб А. А., 2019. О проявлениях дольменного обряда в катакомбных погребениях кургана 11 курганной группы «Чалтырский XI» // XIV Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» / Материалы конференции; Южный федеральный университет. / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. – Ростов-на-Дону; Таганрог.

Кондряков Н. В., 2010. Тайны сочинских дольменов / Отв. ред. Т. В. Кондрашева. – Майкоп.

Корневский С. Н., 2011. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология) // КСИА. Вып. 225./ Отв. ред. И. Т. Кругликова. – М.

Кудин М. И., 2015. Отражение астрономических и календарных символов в орнаменте дольменной культуры // Северный Кавказ: искусство в контексте времени. Материалы Международной научной конференции (9–11 октября 2015 г.) к 30-летию Северокавказского филиала Государственного музея Востока. – Майкоп.

Кудин М. И., 2017а. Календарные мотивы в орнаменте дольме-

нов // Кавказ и Абхазия в древности и Средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Сборник материалов IV Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного археолога-кавказоведа Л. Н. Соловьева. – Сухум.

Кудин М. И., 2017б. Отражение феномена «духовной власти» в семантике петроглифов на дольмене «Дудугуш-1» // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017г.). / Отв. ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. – Краснодар.

Кудин М. И., 2021. Астрономическое и календарное значение петроглифов дольмена «Дудугуш-1». Реконструкция некоторых космологических мотивов в культуре строителей дольменов Западного Кавказа // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, № 9(1). www.aaatesc.org

Лавров Л. И., 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АБИЯЛИ им. Д.И. Гулиа / Отв. ред. Х.С. Бгажба. – Сухуми.

Лещенко А. Ф., 1931. Матеріяли до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі // *Антропологія*. – Київ, Т. 4.

Марковин В. И., 1975. Составной дольмен у села Азербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар // КСИА. №142.

Марковин В. И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. – М.

Марковин В. И., 1983. Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар // СА. № 3.

Марковин В. И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. – М.

Орфинская О. В., Шишлина Н. И., 2002. Циновки из могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / Отв. ред. Н. И. Шишлина, Е. В. Цуцкина. – М.; Элиста.

Рассамакин Ю. Я., Евдокимов Г. Л., 2010. Курган у с. Томарино с погребением в расписном каменном ящике // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 10. / Гл.ред. С.М. Санжаров. – Луганськ.

Резепкин А. Д., 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной // КСИА. Вып. 192. – М.

Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника “Клады”). – СПб.

Рысин Б. М., 1990. Датировка комплексов из Эшери // СА №2.

Рысин Б. М., 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб.

Санжаров С. Н., Черных Е. А., 2021. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца / Отв. ред. В. Я. Кияшко. – Луганск.

Смирнов А. М., 2010. Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики // Stratum plus. № 2.

Трифонов В. А., 2001. – Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены. Современники древних цивилизаций. – Краснодар.

Трифонов В. А., 2009. Дольмены в долине реки Жане // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров. – М.

Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Алексеев А. О., Калинин П. И., Конников С. Г., Нащекин А. В., 2014. Цвет в архитектуре дольменов Западного Кавказа // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А. П. Деревянко. – Казань.

Трифонов В. А., 2014. Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 10 / Отв. ред. Е. Н. Носов. – СПб.

Формозов А. А., 1969. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. Том 165. – М.

Формозов А. А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. – М.

Цветенберг А. С., 2012. Ложная дверь как главный компонент египетской частной гробницы Старого царства // Интеллектуальный

потенциал XXI века: ступени познания. № 13. – Новосибирск.

Черкасов А. Н., 2009. Исследование мегалитических памятников Грузинка-ХІ и Шизе-VI в долине р. Абин // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. / Отв. ред. И. И. Марченко. – Краснодар.

Шариков Ю. Н., Комиссар О. Н., 2011. Дольмены Кавказа: геологические аспекты и технологии строительства. – Краснодар.

Щепинський А. О., 1971. Кемі-обінська культура // Археологія Української РСР. Т. I. – Київ.

Уварова П. С., 1904. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. Вып. IX. – М.

Bradley R., Deaths and entrances: a contextual analysis of megalithic art // *Current Anthropology*. № 30, 1.

Iversen R., 2019. The appearance, disappearance, and reappearance of non-figurative rock art during the southern Scandinavian Neolithic and Bronze Age // *Habitus? The social dimension of technology and transformation – an introduction.* – Leiden.

van Hoek M., 2001. The Geography of Cup-and-Ring Art in Europe. – Oisterwijk.

Lewis-Williams J. D., Dowson T.A., 1993. On vision and power in the Neolithic: evidence from the decorated monuments // *Current Anthropology*. № 34.

Nash G., 2020. Megalithic Art: A Visual Repertoire for the Dead // *Encyclopedia of Global Archaeology*.

https://www.researchgate.net/publication/344350944_Megalithic_Art_A_Visual_Repertoire_for_the_Dead

Robin, G., 2012. The figurative part of an abstract Neolithic iconography: hypotheses and directions of research in Irish and British passage tomb art // *Visualising the Neolithic: abstraction, figuration, performance, representation.* – Oxford.

Villes A., 1998. Les figurations néolithiques de la Marne, dans le context du Bassin parisien // *Bulletin de la Société Archéologique Champenoise*. № 91.

Рис. 1. *Отслаивание орнамента. Фрагмент фасадной стены
дольмена на левобережье р. Пшада*

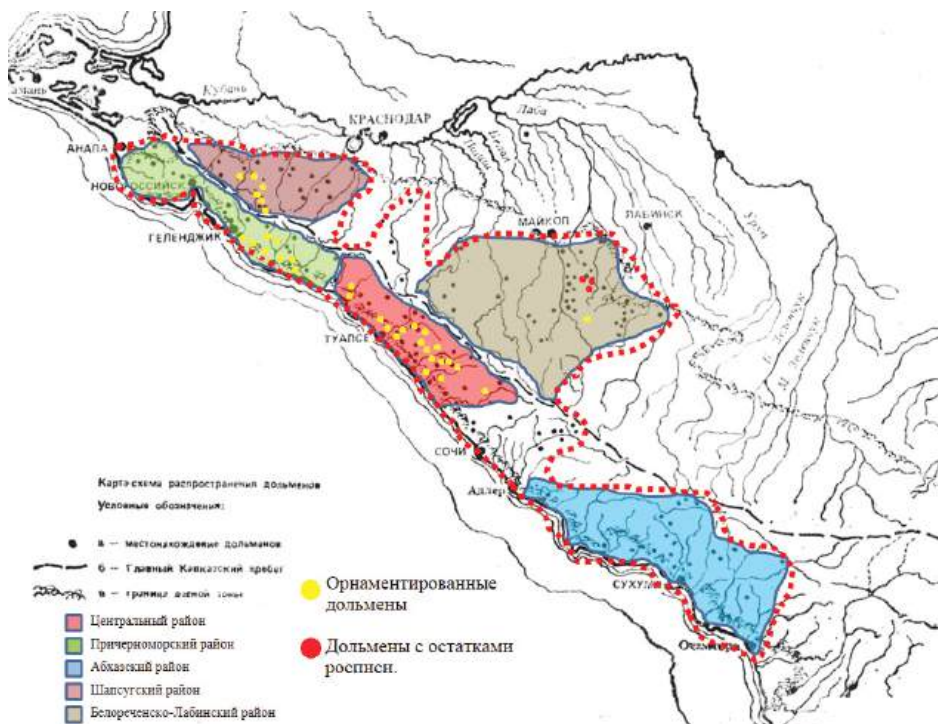

Рис. 2. Карта распространения орнаментированных дольменов на Западном Кавказе

Рис. 3. Фрагмент сплошного елочного орнамента на фасадной плите составного дольмена в урочище «Волчьи ворота»

Рис. 4. Фрагмент фасадной плиты дольмена на р. Ачибс с горизонтальным и вертикальным сплошным елочным орнаментом

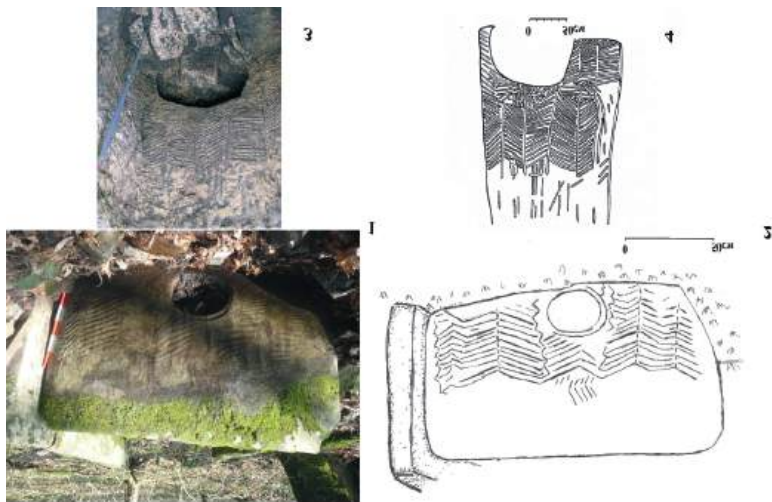

Рис. 5. Елочный орнамент: 1, 2 – орнамент на фасадной стене дольмена на р. Нихетха; 3–4 – орнамент на стене входной шахты катакомбы погребения 1 кургана 1 в Лисичанске близ пос. Березово (по С. Н. Санжарову и Е. А. Черных)

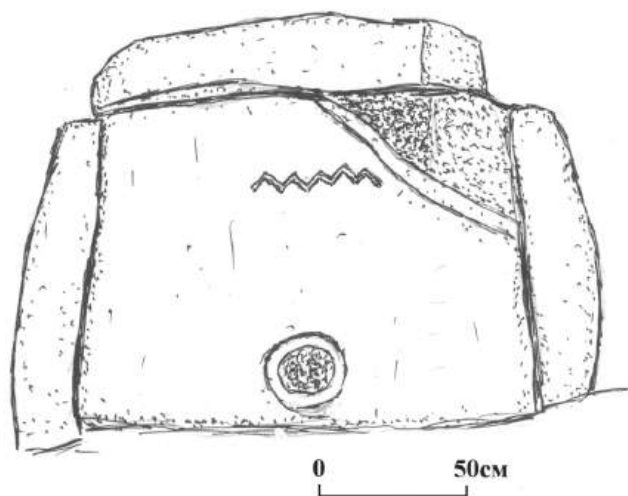

Рис. 6. Зигзагообразный орнамент на фасадной стене дольмена у п. Марьино

Рис. 7. Орнаментация из пяти горизонтальных полос в верхней части фасада дольмена у пос. Пригородный

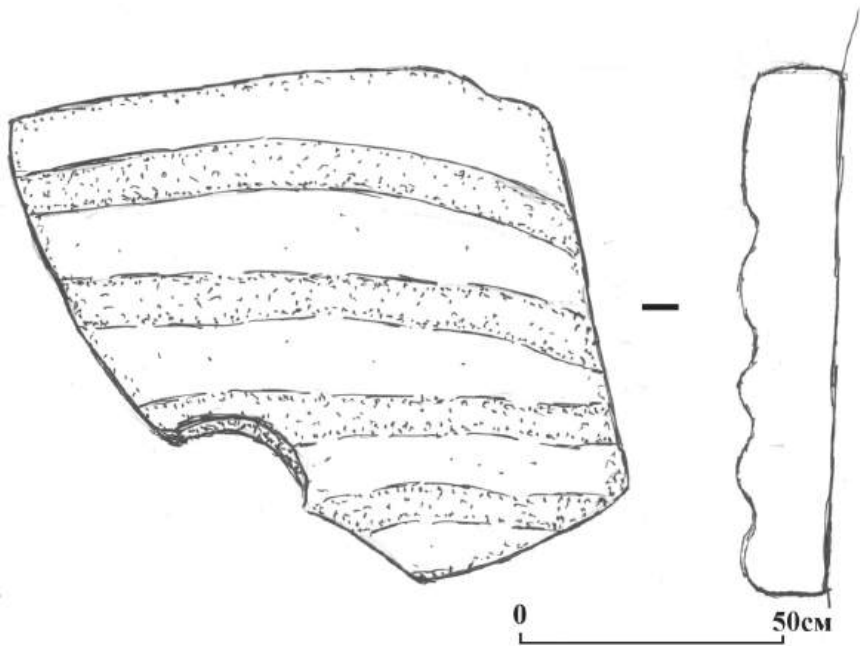

Рис. 8. Орнаментация на обломке фасадной плиты дольмена в «1-й Каштановой щели близ г. Туапсе»

Рис. 9. Лучи вертикального елочного орнамента. Фасадная плита дольмена из Скупковой щели (Цыганков хребет)

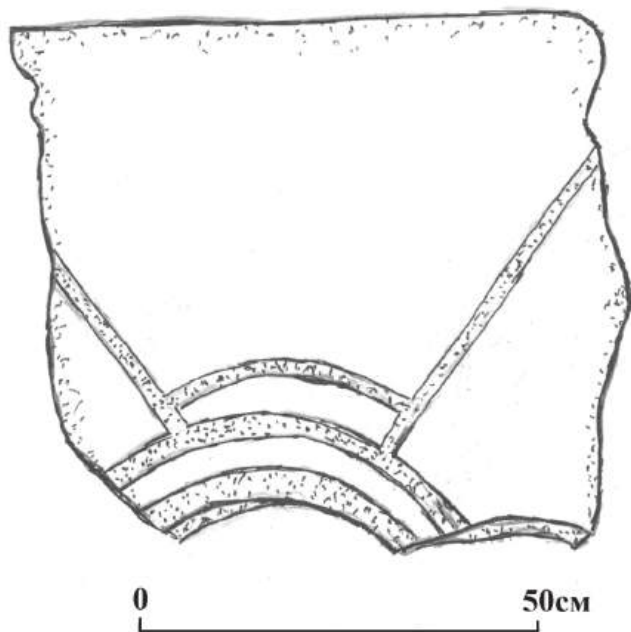

Рис. 10. Орнамент на обломке фасадной стены дольмена № 7 группы «Два брата»

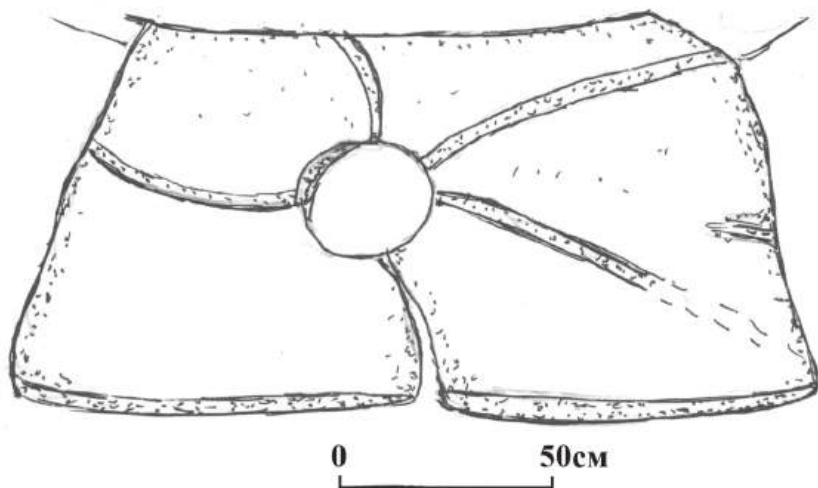

Рис. 11. Орнаментация фасадной стены разрушенного дольмена в урочище «Камышевая горка»

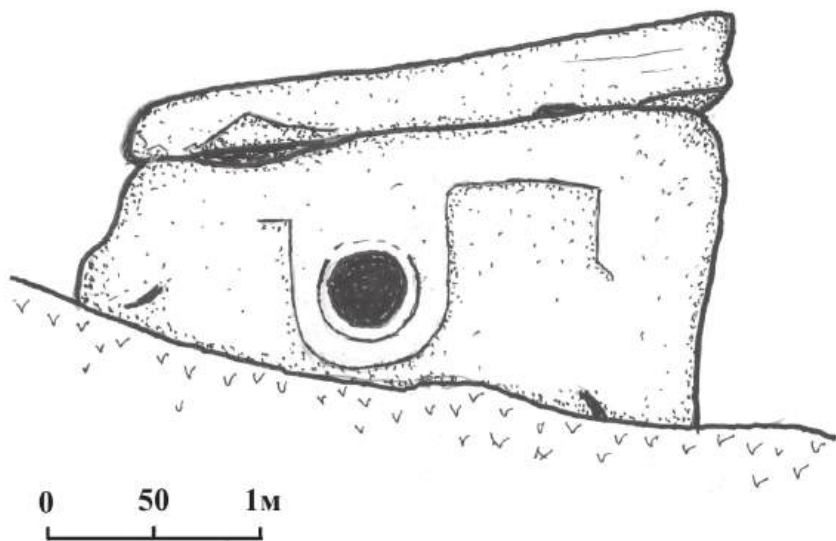

Рис. 12. Орнамент, обрамляющий входное отверстие на боковой стене корытообразного дольмена в урочище «Скалы Псеченах»

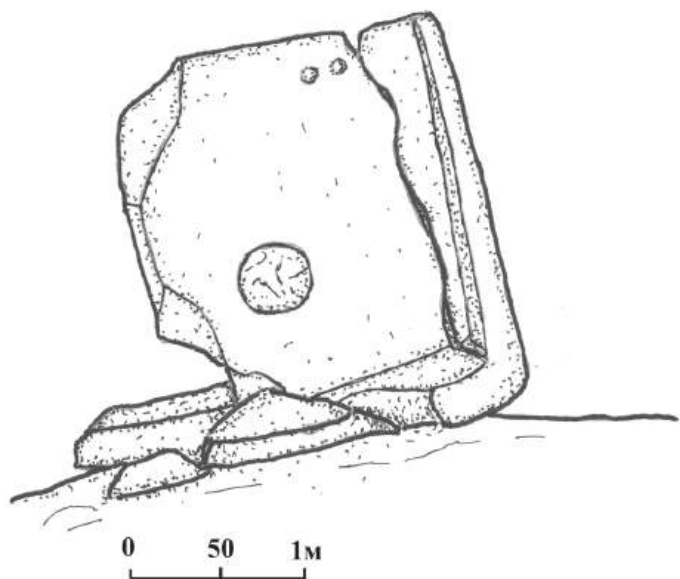

Рис. 13. Изображение парных выпуклостей на портале дольмена с ложным входом в долине р. Цусквадже

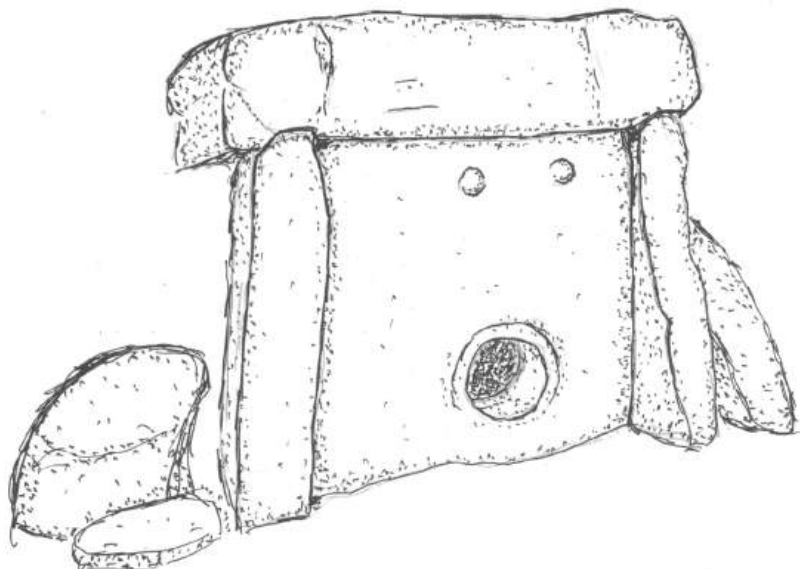

Рис. 14. *Изображение двух полусфер на фасаде дольмена из урочища «Адигналово» в долине р. Псынако*

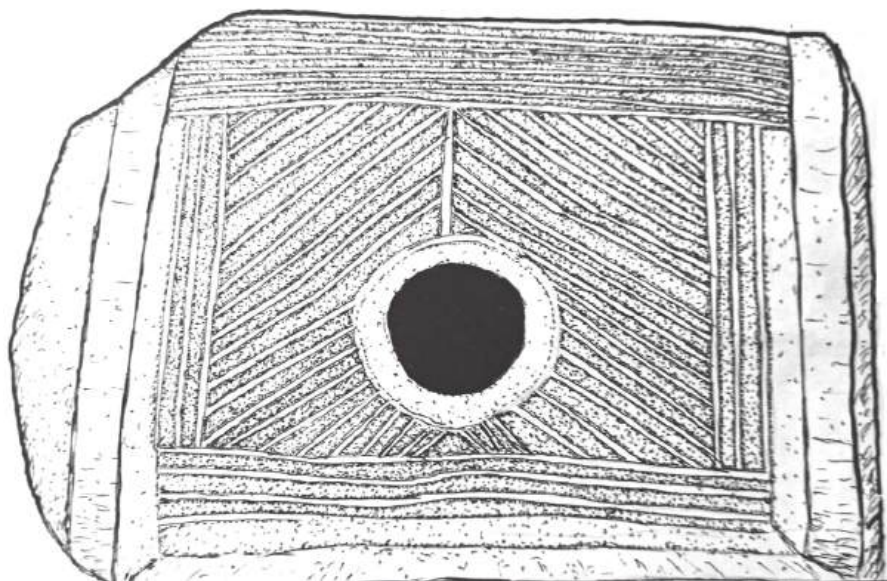

Рис. 15. *Изображение портала и дерева жизни на фасаде корытообразного дольмена на Солоницком хребте. Реконструкция*

Рис. 16. Дольменная втулка с изображением креста с р. Ачибс. Геленджикский историко-краеведческий музей

Рис. 17. Чашечный камень в урочище «Ландыши», гора Виноградная

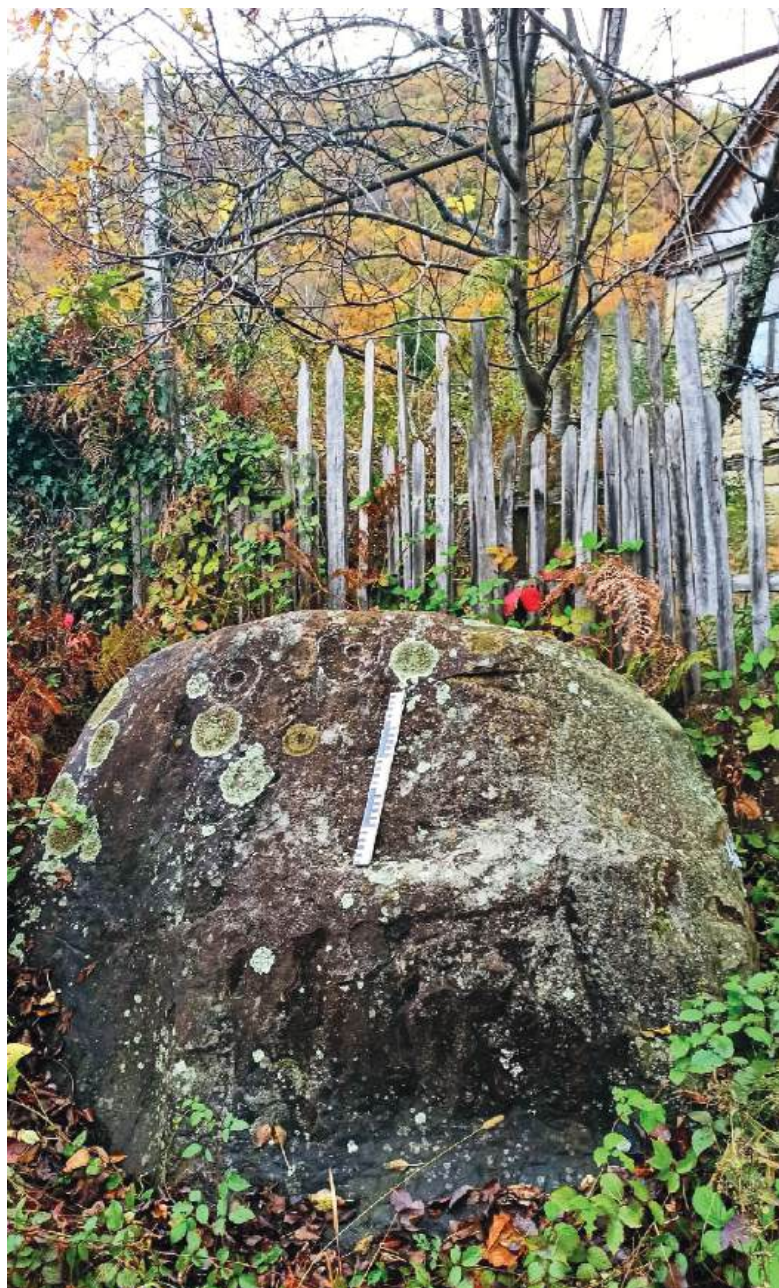

Рис. 18. Валун с изображением двух солярных знаков и лункой на вершине в дольменной группе в дачном поселке, правый борт р. Цусквадже

1

2

3

Рис. 19. *Пирамидальный валун в дольменной группе в дачном поселке, правый борт р. Цусквадже: 1, 2 – солярные знаки и лунки на западной стене валуна, 3 – следовик и лунки на вершине валуна*

Рис. 20. *Втулка с двойной выпуклостью на шляпке. Верховья р. Цусквадже*

1

2

Рис. 21. Изображения на зооморфном валуне, напоминающем морду собаки/волка: 1 – изображение бегущего животного с чашевидным знаком перед мордой, 2 – изображение повернутого горизонтально ромба со сглаженными углами (мандролы) с другой стороны валуна

Рис. 22. Камень с изображением переплетающихся линий и лунок перед фасадом полумонолитного дольмена в Мамедовой щели

Рис. 23. *Природная железистая решетка на фасадной плите
дольмена на ручье Крученый в бассейне р. Абин*

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ГОРОДА АРМАВИРА –
ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
(По архивным материалам краеведа Н. И. Навротского)**

Е. И. Нарожный,

ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева», г. Карачаевск

Аннотация. В статье на основе архивных материалов краеведа, сотрудника Армавирского краеведческого музея Н. И. Навротского охарактеризовано погребение эпохи бронзы на территории города Армавира Краснодарского края.

Ключевые слова: Н. И. Навротский, археологические памятники, погребение, эпоха бронзы, архивные материалы, краеведение, Армавир

**TO THE HISTORY OF THE STUDY OF
ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE TOWN OF
ARMAVIR – BURIAL OF THE BRONZE AGE
(Based on archival materials of the local N.I. Navrotskiy)**

E.I. Narozhnyy,

Karachay-Cherkessian State University n.a. U.D. Aliev, Karachaevsk

Abstract. The article on the basis of archival materials on the local historian, an employee of the Armavir Museum of Local history of N.I. Navrotskiy, describes the burial of the Bronze Age on the territory of the town of Armavir, Krasnodar territory.

Keywords: N.I. Navrotskiy, archaeological sites, burial, Bronze Age, archival materials, Local history, Armavir Museum of Local history

100-летию со дня рождения армавирского
краеведа-исследователя Н. И. Навротского
посвящается

Еще в 1992 г. только что созданная на тот момент археологическая лаборатория Армавирского государственного педагогического института получила конкретное предложение от «Специально уполномоченного комитета по сохранению, эксплуатации и реставрации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края» (г. Краснодар). Лаборатории предлагалось поучаствовать в уже подходившей к завершению «Инвентаризации археологических памятников» Успенского и Новокубанского районов Краснодарского края, расположенных вокруг г. Армавира (Нарожная, 1992). Учитывая напряженный график и характер этих срочных работ, для их выполнения на условиях субподряда нами были приглашены сотрудники Армавирского краеведческого музея Н. И. Навротский и А. П. Лопатин. Н. И. Навротский, в то время являвшийся одним из старейших сотрудников этого музея и самым почтенным по возрасту краеведом Армавира (Виноградов и др., 2000, с. 3–4; Виноградов, 2000, с. 9–10; Виноградов, 2004, с. 3–4; Ольмезов, 2000, с. 5–6; Нарожный, 2020, с. 280–285 и др.), впоследствии, хотя и не совсем регулярно, сотрудничал с этой лабораторией, что неоднократно отмечалось в специальной литературе. Несмотря на разные сложности в этих взаимоотношениях, вплоть до своей затяжной болезни и кончины старейший армавирский краевед много рассказывал не только о своей роли в развитии местного краеведения, но и о сложных своих отношениях с Н. В. Анфимовым. Н. И. Навротский никогда не скрывал того, что Н. В. Анфимова он «просто недолюбливал», что вызывало и анало-

гичную ответную реакцию. Нередко такие взаимоотношения приводили к возникновению совершенно нелепых ситуаций: Н. В. Анфилов одно из открытых им меотских городищ в районе «Биофабрики» (Новокубанский район) назвал «городище Батарей», так как на одном из углов городища находились остатки бастиона российского укрепления XIX в. Зная об этом, Н. И. Навротский переименовал этот памятник-городище в «Три сосны» из-за трех сосен, когда-то росших на этом археологическом объекте. Впоследствии организовав и возглавив при городском «Дворце пионеров» школьный краеведческий кружок (об этом см.: Захаров, 2000, с. 7–9; Лукаш, 2000, с. 10–11 и др.), Николай Иванович (пока еще имел свой Открытый лист) участвовал с кружковцами в нескольких археологических разведках, доисследованиях разрушенных объектов. В его архивных материалах было фото высокого курганообразного всхолмления на правом берегу Кубани, откуда происходила коллекция керамики периода Великого переселения народов («сдана в Армавирский музей»), фото его раскопа на цитадели («Шляпе») меотского городища на высокой террасе напротив современного микрорайона «Северный» г. Армавира. Материалы отсюда часто экспонируются в одной из экспозиций Армавирского краеведческого музея.

Известны и его раскопочные материалы у городища над Старой станицей. Здесь в свое время располагался карьер по добыче глины для производства современной керамики в Армавире. В ходе добычи глины обнаружены погребения, доисследованные Н. И. Навротским, впоследствии обозначенные им как захоронения «грунтового могильника», что послужило основанием для закрытия карьера. Захоронения эти, судя по отчету Николая Ивановича, создают впечатление все-таки не являвшихся частью грунтового могильника, а, скорее всего, происходящих из курганов с давно утраченными насыпями.

Однако к концу жизни он больше всего стал известен благодаря своим многолетним сборам вместе с школьниками-кружковцами достаточно выразительной и довольно представительной коллекции половецких каменных статуй (Навротский, Нарожный, 1992, с. 14–15; Навротский, 1995, с. 157–164; Плетнева, 1995, с. 165–167), ныне хранящейся в местном городском краеведческом музее. В деле её

полной публикации Н. И. Навротскому помог научный сотрудник ИА РАН В.С. Ольховский, имевший тесные и регулярные связи с этим музеем и фактически ставший главным инициатором и поныне издающегося «Историко-археологического альманаха».

В свое время Н. И. Навротский работал в тесном контакте с разными специалистами-археологами, например, П. Н. Шульцем, с которым он раскапывал курган с изваянием эпохи раннего железа у ст. Бескоробной (Навротский, 1971, с. 109; Шульц, Навротский, 1973, с. 189–204). Когда в окрестностях хут. Горькая Балка (Новокубанский район) строился колхозный пруд, перекрывший р. Горькая, было сильно затронуто до того неизвестное, обширное по занимаемой площади поселение хазарского времени. Николай Иванович попытался обратить на него внимание различных ученых (А. В. Гадло (г. Ленинград), В. А. Кузнецова (г. Орджоникидзе) и Х. Х. Биджиева (г. Черкесск)), по-разному среагировавших на эти обращения. А.В. Гадло, побывавший в Горькой Балке и доисследовавший здесь одно или два захоронения в каменных ящиках на одном (м-к № 1) из четырех ныне уже известных некрополей, вместе с А. В. Найденко (г. Ставрополь) включил данную округу в промежуточно-пространственную зону между ареалом обитания донских болгар и аланами Предкавказья раннего средневековья (Гадло, Найденко, 1973, с. 117–118). В. А. Кузнецов, посетивший Армавирский музей, затем в своем письме С. А. Плетневой, на которое она потом и сослалась, упомянул о нахождении в фондах Армавирского музея двух каменных половецких изваяний (Плетнева, 1974). Х. Х. Биджиев, посетив не только Горькую Балку, но и ряд других поселений хазарского времени на правом берегу Кубани, до этого открытых Н. В. Анфимовым (Анфимов, 1982, с. 63–64), провел свои охранно-спасательные археологические исследования на территории поселений не только Ставропольского края, но в «Кизиловой Балке», опубликовав впоследствии несколько тарных сосудов из разрушенной части поселения у пруда Горькой Балки. Указанные археологические материалы с обоих поселений Х. Х. Биджиев соотнес с тюркоязычными болгарами эпохи раннего средневековья (Биджиев, 1985, с. 5–34; 1989, с. 6–47 и др.). Совсем недавно и безосновательно, на что уже указывалось (Нарожный, Соков, 2016, с. 1–17), В. А. Фоменко продекларировал

возможную связь указанных захоронений с летописными касогами. Многолетние охранно-спасательные археологические исследования в Горькой Балке, проводившиеся там силами ЦАИ АГПИ «старого» состава (об этом см: Нарожный, 2020) и археологической учебной студенческой практики, способствовали недопущению там разрушений¹⁴. Также данные работы позволили считать, что эти археологические материалы хазарского времени все-таки создавались представителями более сложных этнокультурных общностей раннего средневековья (Виноградов, Нарожный, Соков, 2001, с. 138–167; 2003, с. 115–141; 2004, с. 179–199; Балабанова, 2004, с. 204–215; Перерва, 2004, с. 216–233; Нарожный, Соков, 2008, с. 17–39; Доценко, Нарожный, Соков, 2008а, с. 149–150; Доценко, Нарожный, Соков, 2008б, с. 28–31; Иванов, Нарожный, Соловьев, 2015, с. 63–192).

Н. И. Навротский интересовался итогами раскопок в округе Армавира, в свое время проводившихся проф. Н. И. Веселовским, ныне большей частью изученных и опубликованных. В. И. Марковин исследовал материалы эпохи бронзы отсюда¹⁵, а также материалы из захоронений зубовско-воздвиженского типа (РЖВ), в свое время разделенных пополам между ГИМом и Эрмитажем (Гущина, Засецкая, 1989, с. 71–141). Н. И. Навротский неоднократно рассказывал о том, что вместе с кружковцами он доисследовал отдельные археологические объекты, среди которых были захоронения на правом берегу Кубани периода Великого переселения народов, на окраине пос. Кирпичного, территориально входящего в границы Армавира, остатки сильно разрушенного распашкой кургана, в свое время раскапывавшегося Н. И. Веселовским. В своих рассказах ориентиры этого кургана он называл не совсем определено: в одних случаях – «в районе очистных сооружений», в других – «напротив переезда

14 Ежегодно, после окончания практики в Горькой Балке, составлялся перспективный план проведения там очередных (на следующий год) охранно-спасательных археологических работ. Из бюджета края на такие работы здесь несколько раз выделялись средства. План таких работ передавался лично в то время сотруднику археологического отдела краевого Управления Г. Г. Давыденко (ныне возглавляющего данную структуру), лично курировавшего указанные работы. Однако некоторое время спустя контроль Управления за археологическими памятниками Горькой Балки был утрачен, что и привело к масштабным разрушениям поселения «Пруд», а не к организации там охранно-спасательных исследований вокруг зоны разрушений.

15 В недавней попытке обрисовать исчерпывающую сводку археологических памятников на территории Армавира (Басов, Орловский, 2019, с. 15–17), на что уже обращалось внимание (Нарожный, 2020, с. 280–285), В. И. Марковин даже не упоминается.

через ж/д». Всем известно, что методика раскопок того времени, которую использовал и проф. Н. И. Веселовский, была простой. Курганы раскапывались траншеей через их центральную часть, отчего полы в такой раскоп не попадали. Зная это, Н. И. Навротский вместе с школьниками и попытался докопать отмеченный выше курган. Как он утверждал, ему «сильно повезло», так как местные жители обнаружили там бронзовый котел. Вследствие того, что «курган этот в списках не числился и городские органы охраны памятников не возражали», т. е. курган считался полностью раскопанным Н. И. Веселовским, но докапывался без Открытого листа, котёл этот был сдан в фонды Армавирского музея как случайная находка, сделанная местными жителями, а затем с такой же сопроводительной легендой он был опубликован (Дударев, Навротский, 1994, с. 20–21). Но, как утверждал Н. И. Навротский, это находка, сделанная его школьниками незадолго до «докапывания кургана Веселовского на Кирпичном». Потом совместно с С. Л. Дударевым он переопубликовал и так называемую киммерийскую стелу из фондов того же музея (Дударев, Навротский, 1998, с. 5–7; 2000, с. 14–17). Н. И. Навротский показывал нам, например, место у старого кинотеатра «Комсомолец» прямо в черте города Армавира. На двух любительских фото не очень хорошего качества здесь были запечатлены несколько курганов, впоследствии срытых. Позднее сотрудниками музея Т. Е. и А. П. Лопатиными было представлено еще одно фото из фондов музея «с близким видом на те же курганы». Информация об этих же курганах подтверждается и другими авторами (Иванов, 1994; Ктиторов, 1994, с. 10–11).

Отсюда, как отмечалось в литературе, были известны и отдельные находки железных «наконечников стрел и бусинки» (Ктиторов, 1994, с. 10)¹⁶. В архивных материалах Н. И. Навротского, наряду с указанными фото курганов из сквера у кинотеатра «Молодежного», были и изображения с фрагментами керамики, но, к сожалению, из-за качества фотографий тогда сделать с них прорисовки не представлялось возможным. По комментариям Н. И. Навротского, консультировавшегося, как он утверждал тогда, с П. Н. Шульцем,

¹⁶ В упомянутом выше перечне археологических памятников Армавира (Басов, Орловский, 2019, с. 15–17) археологические объекты и находки отсюда не упоминаются.

фрагменты эти – «эпохи ранней, средней и поздней бронзы», а также – «от сосудов меото-сарматского времени».

В архивных материалах Н. И. Навротского были и несколько фотографий с видами на курганы с подписями на обороте: «во дворе дома на Линиях», близ «забора воинской части», в «лесу на левом берегу Урупа» и др.

После участия в отмечавшейся «Инвентаризации ...» Н. И. Навротский несколько раз принимал участие в экскурсиях со студентами истфака АГПИ на территорию Армавирского 2-го городища (Лаптева, 1994, с. 17–18), на городище в районе «Биофабрики» в Новокубанском районе края. Тогда же он попросил помочь ему обработать старые записи по поводу раскопок еще одного кургана «скифского времени», которые затем были опубликованы. Он поддерживал и нашу, уже осуществлявшуюся совместно с профессором В. Б. Виноградовым, идею подготовки будущей «Археологической карты Армавира и его округа» (Нарожный, 1992, с. 24–25; Виноградов, Нарожный, 1993а, с. 4–12; 1993б, с. 15–17). К сожалению, рисунки к своим тезисам Н. И. Навротский так и не нашел в бумагах своего архива. Но неожиданно обнаружили там карандашные зарисовки погребения, которые были переведены в тушь тогдашней студенткой истфака АГПИ О. Силиной и планировались на перспективу к изданию. Но по различным причинам этого так и не случилось... Сегодня, с частичной реконструкцией, чертеж этот публикуется (рис. 1), так как, как я полагаю, есть и два хороших повода для их публикации: недавно Н. И. Навротскому исполнилось 100 лет, а во-вторых, это новый археологический материал из «старых» раскопок армавирского краеведа-исследователя.

Рисунок погребения был выполнен карандашом на обычном белом (сильно пожелтевшем) листе писчей бумаги. Местами карандашные линии стерлись или были сильно размазаны. Но рисунок выполнен качественно: Н. И. Навротский называл фамилию художника из городского Дворца пионеров (к сожалению, я ее не запомнил), который готовил его вместе с другими для планировавшейся в то время малоформатной книги «Армавир», но в которую, как это с обидой краевед объяснял, он не попал. На рисунке (рис. 1) – захоронение взрослого человека удовлетворительной сохранности, уло-

женного скорченно на левом боку, длинной осью по линии: СВ-ЮЗ, головой на СВ. Левая рука вытянута вдоль скелета, кистью под колленным сгибом, правая, согнутая в локте, – поперек туловища. Нижние конечности сильно согнутые и подтянутые к тазовым костям, почти параллельны.

На рисунке есть две подрисовочные подписи-обозначения: 1 – «охра на пятках и пальцах ног»; 2 – мелкие фрагменты горшка черного цвета». Однако на плане захоронения они не обозначены. Рисунок фрагментов горшка отсутствует. Тем не менее публикуемый рисунок – еще один артефакт, напоминающий нам не только об истории давних археологических исследований проф. Н. И. Веселовского в Армавире, но и о существовании здесь самых разнообразных археологических объектов разных исторических эпох. Он также заставляет обратить внимание на то, что данный погребальный комплекс сохранился благодаря деятельности в городе краеведа-исследователя Н. И. Навротского, сохранившаяся часть архивных материалов которого, вероятно, внесет определенную лепту в будущую «Археологическую карту Армавира» (Нарожный, 2020).

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н. В., 1982. Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) // XII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – М.

Балабанова М. А., 2004. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Северного Кавказа (По материалам могильников «Горькая Балка 1 и 2») // МИАСК. Вып. 4. – Армавир.

Басов И. И., Орловский В. Г., 2019. О некоторых аспектах выявления и постановки на учет объектов археологического наследия Армавира и его окрестностей // История и естествознание. Научный и научно-методический ежегодник / Отв. ред. С. Н. Малахов. Вып. XVI. – Армавир.

Биджиев Х. Х., 1985. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982–1983 гг. (итоги археологических раскопок) // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск.

Биджиев Х. Х., 1989. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1988 годах // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии / Отв. ред. Е. П. Алексеева. – Черкесск.

Виноградов В. Б., 2004., Н.И. Навротский – первый армавирский археолог (1829–2004 гг.) // Одиннадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. светлой памяти Н. И. Навротского / Под ред. В. Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Виноградов В. Б., 2000. У истоков стоял Н. И. Навротский // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. 80-летию Н. И. Навротского / Под ред. В. Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Виноградов В. Б. и др, Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И. С. А. Голованова, Л. Н. Чернова, С. Н. Ктиторов, А. Л. Пелих, П. В. Соков, 2000. Приветственный адрес замечательному армавирцу – археологу и краеведу Н. И. Навротскому // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. 80-летию Н. И. Навротского / Под ред. В.Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., 1993а. Тайны минувших времен // В. Б. Виноградов. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., 1993б. К истории археологического изучения Армавира и его округа // Вторая кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. – Краснодар.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Соков П. В., 2001. Горькобалковский могильник № 2 VIII-IX вв. (Публикация материалов) // МИАК. Вып. 1. – Краснодар.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Соков П. В., 2003. Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв. Публикация материалов (2) // МИА Северного Кавказа. Вып. 1. – Армавир.

Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Соков П. В. Горькобалковский могильник № 2 VIII-IX вв. Публикация материалов (3) // МИАСК. Вып. 4. – Армавир.

Гадло А. В. Найдено А. В., 1973. Разведка по Егорлыку // АО 1972 года. – М.

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы (Тр. ГИМ) – Вып. 70 / Под ред. М. П. Абрамовой – М.

Доценко И. В., Нарожный Е.И., Соков П. В., 2008а. Исследования Горькобалковского археологического комплекса VIII-IX вв. в 2006 году // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов). – Владикавказ.

Доценко И. В., Нарожный Е.И., Соков П. В., 2008б. Охранно-спасательные археологические работы в Горькой Балке (Новокубанский район Краснодарского края) // Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета. Отчет по итогам научно-исследовательских работ за 2008 год / Под ред. Е. И. Нарожного – Армавир.

Дударев С. Д., Навротский Н. И., 1994. Бронзовый котел из собраний Армавирского музея // Вторые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов) / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир.

Дударев С. Д., Навротский Н. И., 1998. О некоторых аксессуарах «киммерийской» стелы из района города Армавира // Пятые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов) / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир.

Дударев С. Д., Навротский Н. И., 2000. Еще раз об одном из скифских изваяний Прикубанья // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. 80-летию Н. И. Навротского / Под ред. В. Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Захаров В. А., 2000. Из воспоминаний школьных лет о Н. И. Навротском // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. 80-летию Н. И. Навротского / Под ред. В. Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Иванов А. А., Нарожный Е. И., Соловьев С. Л., 2015. Охранные археологические исследования в Новокубанском и Успенском рай-

онах Краснодарского края в 2014 г. // Бюллетень ИИМК РАН / Отв. ред., сост. Н. Ф. Соловьева. – СПб.

Иванов Е. М., 1994. О православных храмах Армавира // Армавирский собеседник. – № 100.

Ктиторов С. Н., 1994. К вопросу об археологических памятниках в Армавире // Вторые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов) / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир.

Лантева А. Н., 1994. Керамика со 2-го Армавирского городища // Вторые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов) / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир.

Лукаш С. Н., 2000. Педагог, археолог // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. 80-летию Н. И. Навротского / Под ред. В. Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Навротский Н. И., 1971. Каменное изваяние воина на ст. Бескорбной // АО 1970 года. – М.

Навротский Н. И., 1995. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // ИАА. Вып. 1. – Армавир.

Навротский Н. И., Нарожный Е. И., 1992. Половецкие каменные изваяния Среднего Прикубанья // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир.

Нарожный Е. И., 1992. К предыстории армянской колонии Армавира // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья / Под ред. В. Б. Виноградова. – Армавир.

Нарожный Е. И., 2020. «Новое» как напрочь забытое «старое» // ДК. Вып 24. – Ростов-на-Дону.

Нарожный Е. И., Соков П. В., 2008. Горькобалковский археологический комплекс VIII-IX вв.: некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии. Международный сборник научных трудов / Под ред. А. М. Илюшина. – Кемерово; Алматы.

Нарожный Е. И., Соков П. В., 2016. Горькобалковский археологический комплекс VIII-IX вв.: реальности и вымысел в этнокультурной атрибуции // Arriogri. Электронный журнал. Гуманитарные

науки № 5. – Краснодар. /<http://www.apriori-journal.ru/serial1/5-2016/Narozhnyj-Sokov.pdf>

Нарожная Ф. Б., 1992. Первые итоги инвентаризации археологических памятников Новокубанского района // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья. Материалы заседания студенческо-преподавательского семинара. – Армавир.

Перерва Е. В., 2004. Палеопаталогия населения хазарского времени Северного Кавказа (По материалам могильников «Горькая Балка 1 и 2») // МИАСК. Вып. 4. – Армавир.

Ольмезов А. А., 2000. Археолог Навротский // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов), посв. 80-летию Н. И. Навротского / Под ред. В. Б. Виноградова и Е. И. Нарожного. – Армавир.

Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–02. – М.

Плетнева С. А., 1995. Об армавирской коллекции каменных половецких изваяний // ИАА. Вып. 1. – Армавир; М..

Шульц П. Н., Навротский Н. И., 1973. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. № 4.

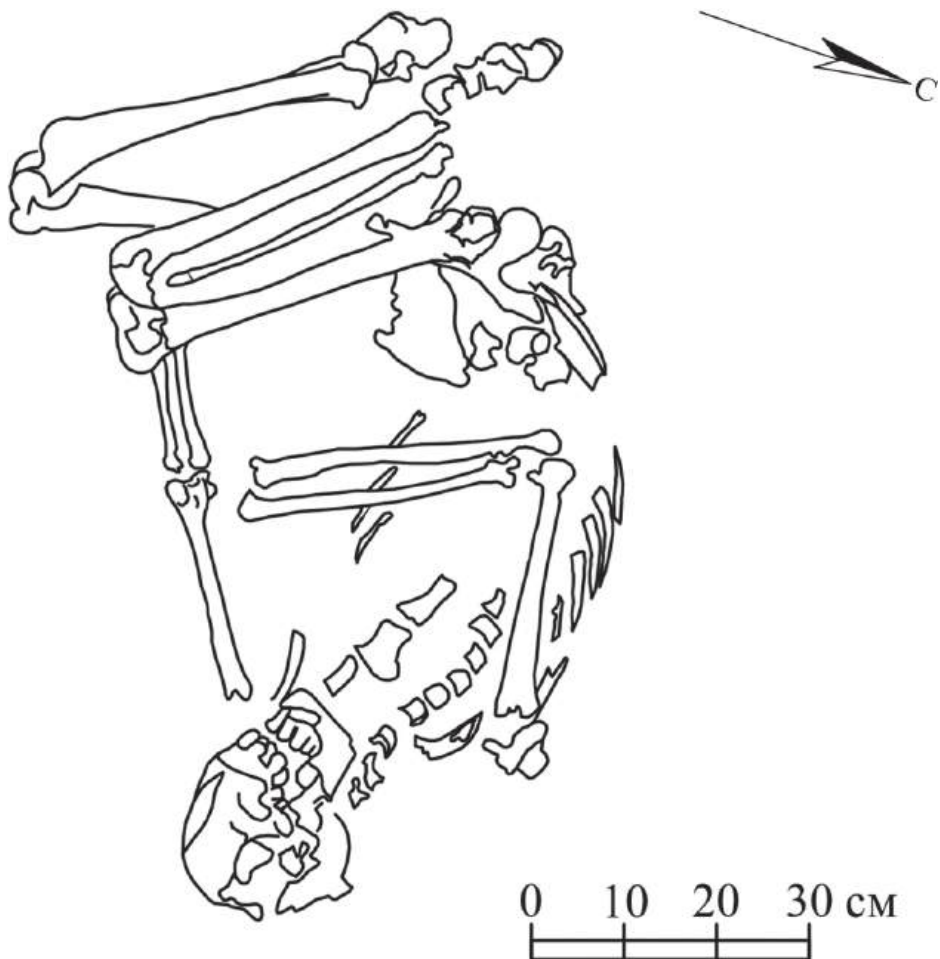

Рис. 1. Погребение эпохи бронзы из Армавира (перерисовка 1993 г., из личного архива краеведа-исследователя Н. И. Навротского)

ДВА СВИНЦОВЫХ КРЕСТА ИЗ АНАПЫ

А.М. Новичихин,

Анапский археологический музей, Анапа, Россия

Аннотация: В научный оборот вводятся два свинцовых креста, случайно найденные в Анапе, на берегу Малой Анапской бухты. Находки отнесены к числу средневековых крестов-амулетов, связанных с морской торговлей.

Ключевые слова: Анапа, свинцовые кресты, кресты-амулеты, морская торговля

TWO LEAD CROSSES FROM ANAPA

A.M. Novichikhin,

Anapa Archaeological Museum, Anapa, Russia

Abstract: Two lead crosses accidentally found in Anapa, on the shore of the Small Anapa Bay, are introduced into scientific circulation. The finds are attributed to the category of medieval amulet crosses associated with maritime trade.

Keywords: Anapa, lead crosses, amulet crosses, maritime trade

Осмотр береговой полосы в черте исторического центра города Анапы приносит время от времени интересные археологические на-

ходки, относящиеся к разным периодам существования города – от античности до начала нового времени. В числе таких находок – два свинцовых креста, найденные у уреза воды в Малой Анапской бухте и переданные в Анапский археологический музей анапчанином С. Г. Бандурко.

Первый крест четырехконечный, равноконечный с прямыми концами, на одном из которых имеется петелька для подвешивания (рис. 1). Патинирован. Размер: $2,8 \times 2,1 \times 0,2$ см. Инвентарный номер музейного хранения – КМ 14282/5.

Второй крест четырехконечный, равноконечный, с расширяющимися концами и округлым средокрестием. На одном из концов – отверстие для подвешивания, в центре средокрестия на лицевой стороне – углубление, на этой же стороне крест украшен гравированными линиями, расположенными по краю концов и вдоль них, пересекаясь в средокрестии (рис. 2). Судя по всему, крест вырезан из листового металла. Патинирован, погнут один из концов. Размер: $3,4 \times 3,4 \times 0,2$ см. Инвентарный номер музейного хранения – КМ 14282/4.

Свинцовые кресты с отверстием или петелькой для подвешивания на одном из концов в большом количестве найдены при подводных исследованиях портового района средневековой Сугдеи – в Судакской бухте Лимена-Кале (Кузьминов, 2004, с. 442–446; Булгаков В. В., Булгакова В. И., 2012, с. 97, рис. 13, 8–13). Среди них имеются экземпляры, близкие публикуемым – с прямыми по типу латинского (Кузьминов, 2004, рис. 2, 4, 5, 9; Булгаков В. И., Булгакова В. И., 2012, рис. 13, 9, 10) и расширенными по типу мальтийского (Булгаков В. В., Булгакова В. И., 2012, рис. 13, 11, 12) концами.

По мнению А. В. Кузьминова свинцовые кресты служили товарными пломбами: «ими опечатывались различные товары, и они являлись своеобразным амулетом при транспортировке» (Кузьминов, 2004, с. 446). «В качестве товарных пломб, которыми опечатывались товары», рассматривает свинцовые кресты из судакских находок и В. В. Майко, отмечая, что «при этом они играли функцию своеобразного оберега и гарантировали качество товара» (Майко, 2013, с. 254).

Заслуживает внимания мнение С. Б. Сорочана, согласно кото-

рому свинцовые кресты (и свинцовые модели якорей), найденные в Судакской бухте Лимена-Кале, использовались «в качестве амулетов, оберегавших грузы и суда»: «Освященные в церкви, они охотно приобретались моряками, которые, вероятно, бросали их в море на удачу» (Сорочан, 2004, с. 339). В качестве вотивных воспринимает модели якорей и кресты из свинца В. И. Булгакова, считающая такие находки одним из элементов археологических комплексов, связанных со средневековыми портовыми сооружениями (Булгакова, 2012, с. 317).

В то же время находки свинцовых крестов, близких по форме первому из публикуемых экземпляров, в средневековых погребениях в Моравии (на территории современной Словакии) (Přichystalová R., 2013, р. 31–43), не оставляют сомнений в том, что кресты с прямыми концами, изготовленные из этого металла, использовались в качестве нательных. Ареал распространения таких нательных крестов был довольно широким. Прямоконечные кресты с отверстием для подвешивания в верхнем конце известны по хорошо стратифицированным раскопкам в Новгороде Великом: один из крестов найден в усадьбе «Ж» Троицкого раскопа в постройке конца XI в., второй – в усадьбе «Т» этого же раскопа, в слое середины – второй половины XI в. (Покровская, Степанов, Сингх, 2017, с. 467, рис. 5, 7, 8). Имеется аналогичный крест среди материалов XI – первой половины XII вв. из раскопок древнерусских селищ Суздальского Ополя (Макаров, Зайцева, 2020, с. 56, рис. 3, 11).

Несколько подобных свинцовых крестов найдено на Волыни (Савицкий, 2014, с. 203, 204, рис. 6, 4, 6–8). Большое количество свинцовых прямоконечных крестов содержится в частных коллекциях – к сожалению места и обстоятельства находок большинства из них остаются неизвестными (Нечитайло, 2002, кат. 191–199; Кайль, Нечитайло, 2006, кат. 553, 554, 571, 574, 582, 584; Кутасов, Селезнев, 2010, кат. 160, 163, 165–167, 169, 393–396, 399, 400). В последнем случае составители каталога датировали подобные кресты XII–XIII вв.

Второй анапский крест – плоский свинцовый, с простейшим резным орнаментом на расширяющихся концах – может быть сопоставлен с группой нательных крестов, вырезанных из листового металла

(Недошивина, 1983, с. 222–225; Тесленко, Мусин, 2014, с. 242–253). Близкий по форме бронзовый крест с украшенными гравированными линиями концами происходит из находок в Крыму (Кайль, Нечитайло, 2006, кат. 589). Несколько близкой формы крестов из медного сплава с украшенными гравированными линиями лопастями происходят из частных коллекций (Нечитайло, 2002, кат. 448; Кутасов, Селезнев, 2010, кат. 89, 93).

Вероятно, следует согласиться с А. Н. Спасеных, считающим древнерусские нательные кресты из оловянно-свинцового сплава «крестами для бедных» (Спасенных, 2015, с. 22). Отметим, что среди приведенных им в качестве примеров подобных крестов имеются экземпляры, близкие по форме анапским (Спасенных, 2015, рис. на с. 22).

При раскопках в Азове в коллективном погребении XVIII в. были найдены два нательных креста – свинцовый и латунный (Дмитриенко, 2006, с. 133, 134, рис. 9, 9, 10). Азовские находки, хоть они и относятся к позднему времени, очередной раз убеждают, что свинцовые кресты использовались как нательные, наравне с крестами из медного сплава. Это также может свидетельствовать в пользу высказанного А. Н. Спасеных мнения о свинцовых крестах, как «крестах для бедных».

Контекст анапских находок – в Малой Анапской бухте у уреза воды – дает основание соотнести их со свинцовыми крестами-амулетами, связанными с морской торговлей. Частые находки на берегу Малой бухты боспорских монет (Нестеренко, 2000, с. 31) позволяют предполагать, что эта небольшая, но хорошо защищенная от ветров гавань могла использоваться в качестве порта жителями античной Горгииппии. Находки на дне бухты многочисленных обломков средневековой керамики, в том числе амфор, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, пифосов (Зажигина, 1999, с. 117–119) и поливных сосудов (Новичихина, Новичихин, 2000, с. 76–80), свидетельствуют, что в IX–XV вв. она активно использовалась в качестве порта или якорной стоянки торговых судов. Судя по всему, к этому же периоду следует относить и поступившие в Анапский археологический музей свинцовые кресты.

ЛИТЕРАТУРА

Булгакова В. И., 2012. «Скопление печатей с территории Сераскерата» в Константинополе: историографический миф? (к вопросу о византийском институте печатей) // Сугдейский сборник. Вып. 5. – Киев; Судак.

Булгаков В. В., Булгакова В. И., 2012. Портовый комплекс Сугдеи (по данным подводных исследований 2004–2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика (Археологический альманах. № 28). – Донецк.

Дмитриенко М. В., 2006. Итоги археологических исследований в Азове по ул. Толстого, 70 в 2005 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. – Азов.

Зажигина Л. Ю., 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // ИАА. Вып. 2. – Армавир; М.

Кайль В. А., Нечитайло В. В., 2006. Каталог нательных христианских крестов, подвесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X–XIII веков. – Луганск.

Кузьминов А. В., 2004. Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. Вып. 1. – Киев; Судак.

Кутасов С. Н., Селезнев А. Б., 2010. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. – М.

Майко В. В., 2013. Материальная культура Восточного Крыма второй половины X–XII вв. // 'Ρωμαϊος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана (Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2). – Харьков.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2020. Кресты на селищах: репрезентация христианства в суздальской земле в XI–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3.

Недошивина Н. Г., 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. № 4.

Нестеренко Н. Д., 2000. Новые данные о топографии Горгиппии // Горгиппийский сборник. – Анапа.

Нечитайло В. В., 2002. Каталог христианских нагрудных выроби́в

містечтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). – Київ.

Новичихина Л. Ю., Новичихин А. М., 2000. Комплекс поливной керамической посуды со дна Малой Анапской бухты // Горгиппийский сборник. – Анапа.

Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К., 2017. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII в. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. (Труды ИИМК. Т. XLVIII). – СПб.

Савицький В., 2014. Нагрудні мініатюрні хрести та підвіски з хрестами княжої доби у збірці Любомльського краєзнавчого музею // Княжа доба: історія і культура. Вип. 8.

Сорочан С. Б., 2004. Сугдея в «темные века» // Сугдейский сборник. Вып. 1. – Киев; Судак.

Спасеных А. Н., 2015. Литые кресты XIV-XVI веков как свидетельство истории образования Московской Руси. – Елец.

Тесленко И. Б., Мусин А. Е., 2014. «Средневековые крестовидные подвески из листового серебра»: тридцать лет спустя // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной (Тр. ГИМ. Вып. 198). – М.

Přichystalová R., 2013. Nálezů olovený křížů z Břeclavi-Poganska // Jižní Morava. Roč. 49. Sv. 52.

Рис. 1. Свинцовые кресты из Малой Анапской бухты

**НОВАЯ НАХОДКА ЧЕТЫРЕХЧАСТНОГО ШЛЕМА
XIII-XIV ВВ.
НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

Полицын Е. Б., Ржевский Д. С.,
Краснодарское краевое отделение ВООПИиК, Краснодар

Аннотация. Целью данной публикации является введение в научный оборот новой находки средневекового четырехчастного железного шлема XIII-XV вв. на территории Краснодарского края.

Ключевые слова: средневековье, Северный Кавказ, шлем

**NEW FINDING OF A FOUR-PART HELMET XIII-XIV
CC. ON THE TERRITORY OF THE KRASNODAR
REGION**

Politsyn E.B., Rzhovsky D.S.,
Krasnodar regional branch of VOOPIK, Krasnodar

Abstract The purpose of this publication is to introduce into scientific circulation a new find of a medieval four-piece iron helmet of the 13th-15th centuries. on the territory of the Krasnodar Territory.

Keywords: Middle Ages, North Caucasus, helmet

В результате оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками УФСБ по Краснодарскому краю весной 2021 года изъяты предметы археологии у лиц, промысляющих незаконными археологическими раскопками, так называемых черных копателей, на территории Краснодарского края. Среди изъятых находок разных эпох у копателей был и фрагментированный четырехчастный шлем (рис. 1). Место находки шлема грабителями не было указано, поэтому мы можем предположить, что, скорее всего, его нашли на территории горно-лесистой местности края, где в основном и были обнаружены подобные боевые оголовья. Шлем сильно корродированный и поврежден грабителями при изъятии из земли, также предмет был заметно деформирован от долгого пребывания в грунте. Однако несмотря на фрагментарное состояние, железное оголовье реконструируется. Шлем состоял из четырех сегментов треугольной формы, скрепленных между собой при помощи кузнечной сварки. Пластины крепились между собой «внахлест» так, чтобы лобовой и затыльные сегменты были поверх боковых. Из-за состояния изделия сейчас невозможно определить, где передняя часть, а где задняя (рис. 1, а). Высота изделия составляет 17 см, толщина пластин в среднем составляет 2,3 мм. По горизонтали шлем в разрезе овальный, почти круглый: по оси «затылок – лоб» 19,5 см (рис. 1, б; по бокам – 17,5 см (рис. 1, в).

На сегодняшний день известно о более чем двух десятках подобных боевых оголовий, хотя на черных грабительских сайтах их число гораздо больше известных. Подавляющее большинство этих оголовий происходит из средневековых могильников предков современных адыгов, хотя есть находки и в кочевнических погребениях. Шлем является элитной деталью защитного снаряжения средневекового воина. Шлем, как и доспех, очень редко клали в могилу вместе с умершим, скорее всего, он переходил по наследству ближайшим родственникам усопшего. Нахождение шлема в могиле подразумевает и наличие кольчужной брони в собственности при жизни покойного, однако этот доспех крайне редко попадает при раскопках. Специалист по адыгскому средневековому вооружению Р. Б. Схатум подобные четырехчастные шлемы делит на два типа: I тип, высокие сфероконические, близкие к коническому; II тип, низкие сфероконические,

нические или сфероконические (Схатум, 2011, с. 190). Представленный нами шлем относится к типу II. Первый тип, по мнению этого автора, принадлежал, очевидно, князьям адыгских обществ, а второй тип – дружинникам. Как правило, по наблюдениям Р. Б. Схатума, шлемы находят без бармиц, которые, вероятно, снимали перед погребением. Следы креплений на нижних краях боевых оголовий свидетельствуют о том, что кольчужные бармицы были на них «при жизни» (Схатум, 2011, с. 190–191). Другой известный специалист, И. А. Дружинина предполагает, что такие шлемы могли снабжаться бармицей из кожи и войлока (Дружинина, 2018, с. 189). Подобные шлемы датируются второй половиной XIII – серединой XIV вв. (Схатум, 2011, с. 190–191; Голубев, Схатум, 2016, с. 70). В русских летописях упоминаются некие «шеломы черкасские» на вооружении русских дружинников, вышедших на Куликово поле в 1380 году (Воинские повести ..., 1985, с. 46).

Таким образом, подобные шлемы бытовали с XIII–XIV вв. на территории Восточной Европы, не исключено, что они могли быть распространены еще и в XV в. В целом сфероконические шлемы на Северном Кавказе были на вооружении воинов вплоть до конца XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Воинские повести...*, 1985. Воинские повести Древней Руси. – Л.
- Голубев Л. Э., Схатум Р. Б., 2017. Воинское средневековое захоронение из могильника «Гостагаевская 1» (Краснодарский край) // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. – Краснодар.
- Дружинина И. А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дис. ... канд. ист. наук. – М.
- Схатум Р. Б., 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII – XIV вв.) // Военная археология. Вып. 2. – М.

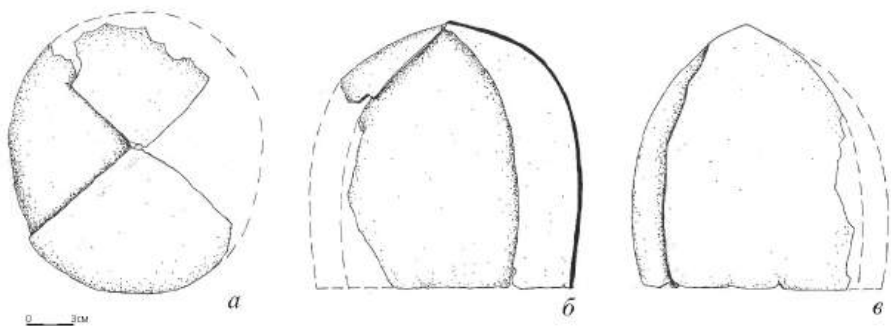

Рис. 1. Средневековый четырехчастный железный шлем с территории Краснодарского края: а – вид сверху, б – вид сбоку, в – вид сзади (или спереди)

БРОНЗОВЫЙ ТОПОР, НАЙДЕННЫЙ НА БЕРЕГУ Р. АДЕГОЙ В АБИНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

А. В. Пьянков, ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар,

В. П. Пономарёв, МБОУ СОШ № 3 г. Абинска, г. Абинск,
Е. Б. Полицын, Краснодарское краевое отделение ВООПИиК,
г. Краснодар

Аннотация. В 2019 г. поисковики Краснодарской краевой организации «Кубанский плацдарм» проводили мероприятия по поиску остатков военного самолёта, упавшего в районе реки Адегой Абинского района. На правом берегу реки в окрестностях урочища «Раздёры» был найден бронзовый топор. находка сделана с помощью металлодетектора на глубине 25 см. Рядом нет следов археологических памятников. Топор литой, имеет слегка изогнутый клин, расширенное сегментовидное лезвие и цилиндрическую втулку с поперечными и продольным валиками, обух отсутствует. По классификации С. Н. Кореневского артефакт соответствует группе 1,1 и относится к эпохе средней бронзы.

Ключевые слова: Краснодарский край, Абинский район, станция Шапсугская, р. Адегой, случайная находка, бронзовый топор, классификация, эпоха средней бронзы, школьный музей

BRONZE AXE FOUND ON THE SHORE OF ADEGOI RIVER IN THE ABINSKY DISTRICT OF KRASNODAR TERRITORY

A.V. P'yankov, ООО «Zapadno-Kavkazskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya», Krasnodar,

V.P. Ponomaryev, secondary school № 3 of Abinsk, Abinsk,

E.B. Politsyn, Krasnodar Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Krasnodar

Abstract. In 2017 the search engines of the Krasnodar Regional organization “Kuban Bridgehead” carried out activities to search for the remains of a military aircraft that fell in the area of the Adegoy river in the Abinsky district. A bronze axe was found on the right bank of the river in the vicinity of the «Razdery» tract. The find was made using a metal detector at a depth of 25 cm. There are no traces of archaeological sites nearby. The axe is cast, has a slightly curved wedge, an expanded segmental blade and a cylindrical sleeve with transverse and longitudinal rollers, there is no butt. According to the classification of S. N. Korenevsky, the artifact corresponds to type 1,1 and refers to the Middle Bronze Age.

Keywords: Krasnodar kray, Abinsky district, Shapsugskaya village, Adegoy river, accidental find, bronze axe, classification, Middle Bronze Age, school museum

В апреле 2019 г. Абинская группа Краснодарской краевой общественной поисковой организации «Кубанский плацдарм» проводила поисковые мероприятия к юго-западу от станицы Шапсугской в ущелье реки Адегой, рядом с урочищем «Раздёры». Группа проверяла сообщение местного жителя об обнаружении в этом районе места падения советского самолёта в годы Великой Отечественной войны.

В ходе работ поисковик Д. А. Ковалёв обнаружил с помощью металлодетектора на глубине, примерно 25 см бронзовый топор (рис. 1, 1). Это место находится в 5,2 км юго-западнее от окраины ст.

Шапсугской и в 2,2 км западнее горы Липовой. Предмет поступил в музей средней школы № 3 г. Абинска. На прилегающей территории видимых признаков археологических объектов нет.

Кроме того, невысокий в этом месте берег р. Адегой во время сильных ливней заливаётся водами реки. Возможны несколько причин появления артефакта в указанной точке. Во-первых, топор мог быть принесён в место находки потоком из другого места, находившегося выше по реке во время сильных ливней или таяния снега. Затем бронзовый предмет был занесён грунтом. Во-вторых, находка была спрятана специально во время обряда и принесена божеству или духам в качестве жертвы. Следовательно, топор мог быть изначально закопан. В-третьих, во время Великой Отечественной войны в бассейне р. Адегой находилось скопление войск Красной Армии и производились различные земляные работы. Всё это вместе с воздушными бомбардировками и артиллерийскими обстрелами приводило к перемещению больших объёмов грунта. В это время археологические материалы могли перемещаться на различные расстояния, иногда значительные.

Ниже приводится описание артефакта.

Топор втульчатый, литой из бронзы (рис. 2, *А-Г*; 3, *А-Е*), без выделенного обуха с круглым отверстием, с изогнутым клином, лезвие расширено и имеет форму сегмента; спинка выпуклая, на вогнутом брюшке имеется узкая канавка, втулка цилиндрическая с четырьмя поперечными валиками и одним на задней стенке втулки, валики полукруглого и подтреугольного сечения. Размеры: длина – 11,35 см, ширина лезвия – 4,9 см, длина втулки – 3,2 см, диаметр втулки по внешнему краю – 3,7 см, диаметры втулки внутренние – 2,5 × 2,4 и 2,6 × 2,5 см, ширина и толщина клина в средней части – 3 × 1,65 см, размеры полости на брюшке – 4,2 × 0,5 × 0,7 см. Вес – 380,45 г.

Бронзовый топор отливался в литейную форму через брюшко, о чём свидетельствует полость на брюшке.

Ближние топоры находим в классификации С. Н. Кореневского втульчатых топоров эпохи средней бронзы. Бронзовые втульчатые топоры с сильным расширением клина к лезвию, у которых нет скоса верхнего обреза втулки, исследователь выделил в отдельную группу 1,1 (Кореневский, 1981, с. 28, рис. 3, *1–5*). С. Н. Кореневский

отнёс к этой группе 5 топоров. В списке автора находится находка у с. Московского бывшей Ставропольской губернии и Ставропольского уезда (Кореневский, 1981, рис. 3, 1). Топор, происходящий из Восточного Закубанья, помеченный исследователем «р. Кубань» (Кореневский, 1981, рис. 3, 3). Другой топор, найден у с. Дериевка бывшего Верхнеднепровского уезда (Кореневский, 1981, рис. 3, 2). Четвёртый топор происходит из с. Анацки бывшей Киевской губернии (Кореневский, 1981, рис. 3, 2). Аналогичный топор найден в погребении 1 кургана № 5 Келермесского могильника из дореволюционных раскопок (Иессен, 1951, с. 103, рис. 36; Кореневский, 1981, с. 28, рис. 3, 5). Однако исследователь относит его к группе 1,1 условно, поскольку у этого топора отсутствовал скос нижнего обреза втулки (Кореневский, 1981, с. 28).

Публикуемый топор по внешним очертаниям и по отсутствию скосов на верхнем и нижнем обрезах втулки близок топору из 5-го кургана Келермесского могильника.

Заметим, что на втулках всех пяти топоров этой группы разное количество поперечных валиков или они отсутствуют вовсе. Поперечные валики на втулках бронзовых топоров продолжают существовать и в эпоху поздней бронзы. Они являются наравне с другими деталями (округлое лезвие, овальная проушина) признаком топоров верхнекубанского типа (Иессен, 1951 с. 94–107; Пелих, 2003, с. 11). Кроме того, в этот период у топоров на обушках появляются выступающие столбики, которые затем превращаются в грибовидные шляпки (см. Козенкова, 1995, с. 67–72, табл. XVII, 1–8; XVIII, 1–6). Такие топоры, становясь постепенно более изящными, и доживают на Северо-Западном Кавказе до начала железного века (см. Эрлих, 2007, с. 110–111; рис. 165, 1–6), одновременно поперечные валики превращаются в орнамент, напоминающий глаз.

Вероятно, наличие поперечных валиков на втулке свидетельствует о принадлежности нашего топора к финалу средней бронзы.

В результате публикации небольшая подборка бронзовых топоров группы 1,1 по С. Н. Кореневскому пополнилась ещё одним артефактом.

ЛИТЕРАТУРА

Иессен А. А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23. – М.; Л.

Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ. В2–5. Вып. 4. – М.

Корневский С. Н., 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи Средней Бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. В. А. Литвинского. – М.

Пелих А. Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб.

Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. – М.

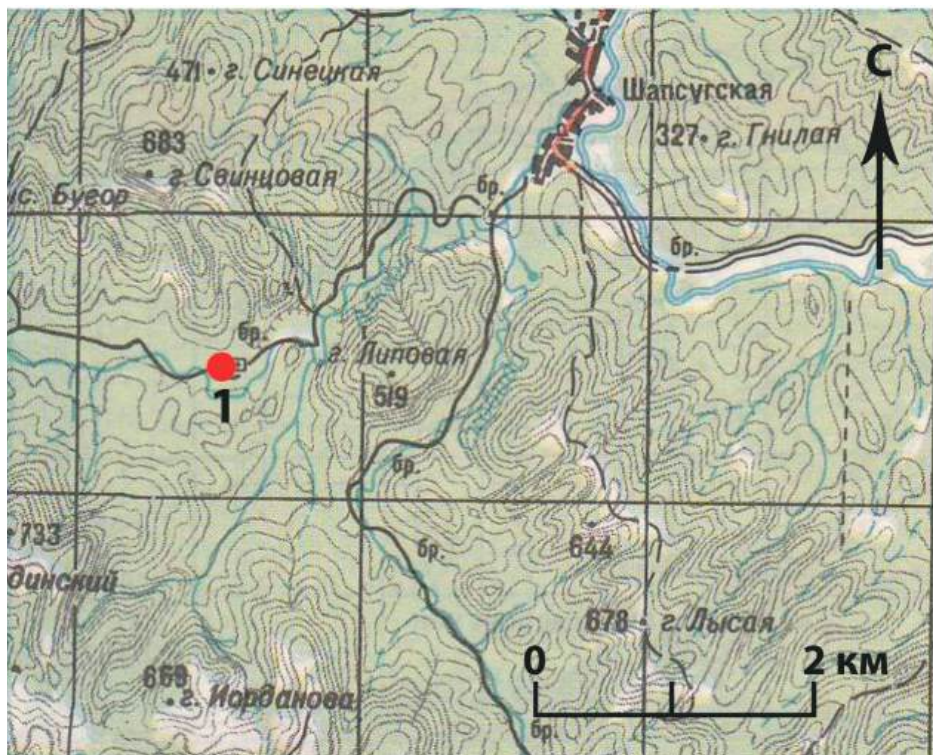

Рис. 1. Карта окрестностей ст. Шапсугской; 1 – место находки бронзового топора

Рис. 2. *Бронзовый топор, найденный на берегу р. Адегой: А – вид со спинки, Б, Г – вид с боков, Д – вид с брюшка. А-Г – бронза*

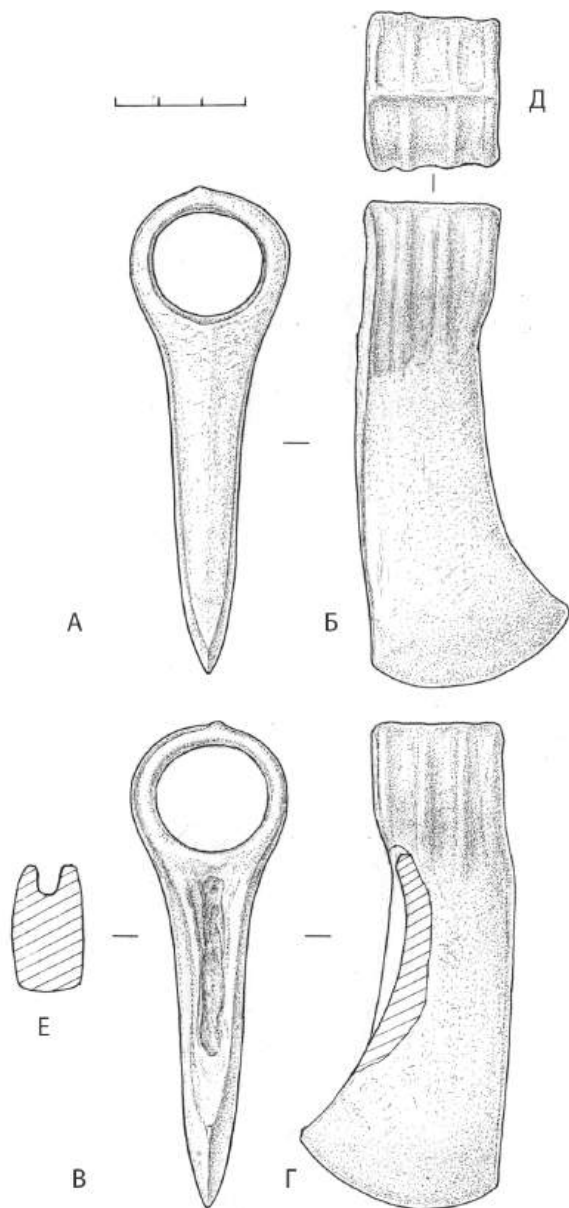

Рис. 3. *Бронзовый топор, найденный на берегу р. Адегой: А – вид со спинки, Б, Г – вид с боков, В – вид с брюшка, Д – вид с обуха, Е – сечение клина. А-Е – бронза*

**К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ШАНДЖИРА –
РЕЗИДЕНЦИИ ИНАЛА
(на основе адыгских преданий
и археологического материала)**

Р. Б. Схатум,

ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына», г. Краснодар

Аннотация. В статье рассматривается ряд версий о локализации резиденции князя Инала – Шанджира. Анализ преданий адыгов и данных археологии позволяет отождествить Шанджир с Краснобатарейным городищем.

Ключевые слова: Шанджир, Инал, адыги, резиденция, Краснобатарейное городище

**TO THE QUESTION OF THE LOCALIZATION
OF SHANJIR – THE RESIDENCE OF PRINCE
INAL (BASED ON THE ADYGHE LEGENDS AND
ARCHAEOLOGICAL MATERIAL)**

R.B. Skhatum,

Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve
named after E. D. Felitsyn, Krasnodar

Abstract. The article discusses a number of versions of the localization of Shanjir, the residence of Prince Inal. Analysis of the legends of the

Adygs and archaeological data allows identifying Shangir with Krasnobatareynoe fortress.

Keywords: Shanjir, Inal, Adygs, residence, Krasnobatareynoe fortress

Локализация резиденции Инала, как и времени его жизни, как оказалось, до сих пор остается дискуссионным вопросом. Авторы конца XVIII – XIX вв. на основе сведений, почерпнутых ими из преданий адыгов, локализовали резиденцию Инала – город Шанджир в Западном Закубанье. В разных вариациях произношения (Шанджир, Шантгир, Чанчир, Шанчир, Шанххире) ее отмечает целый ряд исследователей этого времени: П. С. Паллас, Г. –Ю. Клапрот, С. М. Броневский, Ф. Д. де Монпере, Хан-Гирей (Адыги..., 1974, с. 218, 231¹⁷, 243, 259; Броневский, 1999, с. 148; Монпере, 2002, с. 125; Хан-Гирей, 2008, с. 98, 186). Одним из первых его упоминает П. С. Паллас, который локализует его развалины между ручьями рек Непиль и Псиф (Адыги..., 1974, с. 218). Вслед за ним в этом же междуречье резиденцию Инала упоминают и другие исследователи конца XVIII – первой половины XIX вв. (Броневский, 1999, с. 148; Адыги..., 1974, с. 243, 259; Хан-Гирей, 2008, с. 97, 98). При этом в отличие от большинства других своих современников, Г. –Ю. Клапрот приводит некоторые дополнительные данные о резиденции Инала Шанджире, в отношении описания указываемого П. С. Палласом памятника. У остальных авторов обычно прямо идет ссылка на П. С. Палласа либо кого-то из наиболее ранних современников. Например, Хан-Гирей ссылается на С. М. Броневского, который приводит данные П. С. Палласа. В любом случае у авторов конца XVIII – первой половины XIX вв. наблюдается полное единодушие в определении места расположения рассматриваемой резиденции.

Несмотря на то, что у авторов конца XVIII – первой половины XIX вв. месторасположение города Шанджира указано достаточно точно, в более поздней литературе приводится несколько вариантов его локализации. Например, В. К. Гарданов, комментируя сведения П. С. Палласа, по-своему интерпретировал реки, упоминаемые по-

17 Комментарий Г.-Ю. Клапрота к тексту Я. Потоцкого.

следним. При этом р. Непиль у него оказалась на территории «Таманского района», а вторую он обозначил как реку среднего бассейна р. Кубани, произвольно исказив ее название с Псиф, указанное П. С. Палласом, на Псефирь (Адыги..., 1974, с. 218), что предполагает широкую географическую локализацию резиденции, но без четких ориентиров и привязок. Локализация резиденции Инала у Н. Г. Ловпаче выглядит более конкретной. Ссылаясь на информацию Хан-Гирея, которая основана на все тех же сведениях П. С. Палласа и Г.-Ю. Клапрота, он помещает ее на месте Семибратнего городища, тем самым локализуя его якобы между теми же реками Непиль и Псиф (Ловпаче, 1997, с. 115). Этому же мнения придерживается А. М. Новичихин (Новичихин, 2000, с. 99) и, вероятно, некоторые другие авторы¹⁸. Еще один вариант локализации резиденции Инала приводит А. В. Гадло. Сославшись на место ее расположения, указанное П. С. Палласом и Г.-Ю. Клапротом на основе преданий адыгов между реками Непиль и Псиф, автор поместил ее при этом к югу от Кизилташского лимана, недалеко от Анапы, на городище у ст. Раевской (Гадло, 1978, с. 27; Гадло, 1994, с. 24). Рассмотрим вышеприведенные варианты локализаций резиденции Инала подробнее.

«Таманский район», где В. К. Гарданов поместил одну из двух рек (р. Непиль), по всей видимости, означает современный Темрюкский район, а следовательно, правобережье Нижней Кубани. Река Псефирь является притоком р. Фарс и впадает в нее в районе станиц Махошевской, Ярославской и Костромской и находится несколько западнее р. Лабы. Таким образом, резиденция Инала у В. К. Гарданова оказалась на огромном почти 300-километровом пространстве, то есть охватывающем практически все Западное и Центральное Закубанье от «Таманского района» на западе и до бассейна р. Лабы и ее притоков на востоке. Никаких уточнений по поводу более конкретного расположения Шанджира автор при этом не привел.

18 Например, Б. Х. Бгажноков по этому поводу отмечает следующее: «Столицей Черкесии и резиденцией самого Инала стал укрепленный город Шанджир, построенный дедом Инала Абдан-ханом между реками Псиф и Непиль на развалинах древней Синдики, главного города Синдского государства» (История..., 2007, с. 34). С одной стороны, под «древней Синдикой», автор, возможно, имел в виду развалины древнего города на месте нынешней Анапы. С другой стороны, в научной литературе с «главным» городом «Синдского государства», «столицей» древней Синдики исследователи обычно сопоставляют именно Семибратнее городище (Блаватская, 1959, с. 94; Анфимов, 1963, с. 189 и др.). Если Б. Х. Бгажноков основывался на этих данных, то, следовательно, его можно отнести к группе авторов, которые помещают Шанджир на месте Семибратнего городища.

Локализация резиденции Инала на месте Семибратнего городища имеет более конкретную привязку. Однако данный памятник расположен в 12 км западнее станицы Варениковской (Анфимов, 1982, с. 64), то есть в нескольких десятках километров от рассматриваемого здесь междуречья. Более того, на городище неизвестен средневековый археологический материал. На основе последних исследований этот город существовал только до I в. н. э. включительно (Шаров, Самарина, 2009, с. 430). Возможно, сторонников подобной версии ввела в заблуждение информация Г.-Ю. Клапрота о холмах (курганах) на севере от описываемого им городища, которые он мог принять за Семибратние курганы, расположенные недалеко от одноименного древнего укрепленного поселения. Однако они находятся западнее этого памятника (с севера его омывала р. Кубань в древности). Кроме того, указанное городище имело неправильную трапециевидную форму, сужаясь с севера на юг, тогда как Г.-Ю. Клапрот вполне определенно сообщает об укреплении «правильной четырехугольной формы», которое имеет рвы и валы «как римские лагеря, четыре выхода». Исходя из этого, мнение сторонников рассматриваемой версии о размещении Шанджира на Семибратнем городище не имеет под собой никакой реальной основы.

А. В. Гадло также связывает резиденцию Инала с конкретным археологическим памятником. Однако в отличие от вышеприведенной точки зрения он помещает ее вблизи станиц Раевской и Анапской, где прослеживаются следы пребывания населения хазарского времени по находкам в могильниках и на поселениях VIII-X веков. Подобное мнение А. В. Гадло хорошо сопоставляется с его точкой зрения о времени жизни Инала в хазарское время (Гадло, 1978, с. 30–33). В частности, на Раевском городище помимо античного слоя, прослежен и средневековый, оно существовало с рубежа IV-III вв. до н. э. до XIII-XIV вв. (Онайко, 1984, с. 92) с перерывами. Однако небольшие шурфовки, сборы или находки в перемешанных слоях VIII-X вв. между Анапой и Геленджиком не позволяют более или менее полно характеризовать эти памятники (Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 199). К тому же, и Раевское городище находится совершенно в другом месте от рассматриваемого междуречья (Непиль и Псиф). Поэтому у нас нет оснований связывать резиденцию Инала

с рассматриваемым памятником в районе ст. Раевской. С таким же успехом ее можно локализовать на любом другом поселении Западного Закубанья хазарского времени.

В итоге можно заключить, что, если у того же А. В. Гадло было основание, по крайней мере, на археологическом материале, совпадающем, согласно его гипотезе, со временем жизни Инала в хазарское время, отнести Шанджир к Раевскому городищу, то локализация группой авторов резиденции на Семибратнем городище не имеет под собой сколько-нибудь реальной основы из-за хронологической и географической нестыковок. Что же касается мнения В. К. Гарданова, то оно не несет в себе никакой сколько-нибудь определенной научной значимости по указанным выше причинам.

На самом деле Псиф и Непиль являются левыми притоками реки Адагум, они находятся рядом и протекают параллельно друг другу, в восточной части современного Анапского района. Этот фактор уже суживает и конкретизирует место поиска резиденции Инала. Кроме того, в междуречье рек Непиль и Псиф на карте Ф. Д. де Монпере указано поселение под названием «Chaxtchir» (рис. 1)¹⁹, что созвучно с известными нам версиями написания и произношения Шанджира (Шантгир, Чанчир, Шанчир, Шанххире). В рассматриваемом междуречье располагается населенный пункт Красная Батарея, где известны остатки городища, основанного еще в эпоху античности. Развалины именно этого археологического памятника, получившего в научной литературе название «Краснобатарейное городище», и имели в виду П. С. Паллас, Г.-Ю. Клапрот, Ф. Д. де Монпере, Хан-Гирей и другие²⁰, когда описывали и упоминали рассматриваемый объект. Данные сведения подтверждает и тот факт, что помимо этих укреплений Г.-Ю. Клапрот дополнительно отмечает длинный вал: «Это укрепление примыкает с запада к реке Нефилу (Непилю – Р.С.), а с востока – к реке Пфифу (Псифу – Р.С.) и в ширину (в длину – Р.С.) имеет три версты» (Адыги..., 1974, с. 243). Длина вала в «три версты», указанная автором, равна примерно 3200 м²¹. Он проходил южнее Краснобатарейного городища и ограждал с юго-востока

19 Благодаря Л. Э. Голубева, любезно сообщившего об этой карте и ознакомившего меня с ней.

20 Других подобных памятников, судя по описанию и локализации, в этом месте нет.

21 1 верста в старорусской метрической системе равна 1066,8 м.

земли, прилегающие к нему, что соответствует современным исследованиям археологов на этом памятнике (Шевченко, 2009, с. 435). Семибратнее и Раевское городища не имеют таких дополнительных укреплений.

Таким образом, не остается никаких сомнений, что в преданиях адыгов, в изложении П. С. Палласа, Г.-Ю. Клапрота, Ф. Д. де Монпере, Хан-Гирея указывались остатки именно Краснобатареиного комплекса как места резиденции Инала, находящегося как раз в междуречье рек Непиль и Псиф, впадающих с юга в левый приток реки Кубани – Адагум. Как видно, расположение этого объекта достаточно точно было отмечено не раз в литературе конца XVIII – первой половины XIX вв.

Остается вопрос: насколько верно в адыгских преданиях резиденция Инала сопоставлена именно с Краснобатареиным археологическим комплексом? С учетом отсутствия письменных источников об этом населенном пункте в средние века, основным доказательством того, что рассматриваемый памятник или какая-то его часть могли являться резиденцией Инала, может служить в первую очередь археологический материал. Несмотря на то, что Краснобатареиное городище известно уже не одно столетие в науке, сам памятник до сих пор полностью не раскопан. Тем не менее в ходе последних исследований краснодарского археолога Н. Ф. Шевченко на самом Краснобатареином городище (акрополь на северо-западе и «батарейка» юго-восточнее первого) прослежен античный слой IV в. до н. э. – III в. н. э.²². По времени это исключает данные объекты как место резиденции Инала. Однако в ходе разведок на других участках рассматриваемого археологического комплекса появилась дополнительная информация об этом памятнике. Помимо внешнего вала длиной в 3000 м, полностью соответствующего описанию Г.-Ю. Клапрота, проходящего по диагонали с северо-востока от р. Псиф на юго-запад к р. Непиль, известен вал поменьше. Это укрепление отходит непосредственно от восточной части античного городища и в три раза меньше в длине, чем первый вал (прослеженная длина равна 1100 м) и доходит только до Балки Чубук, а не до

22 В этом периоде прослеживается хронологическая лакуна «как минимум в полтора столетия, охватывающая I в. до н. э. и первую половину I в. н. э.» (Шевченко, 2009, с. 437).

р. Непиль. Расположены оба укрепления по отношению друг к другу не параллельно, а под некоторым острым углом (рис. 2). К сожалению, на данный момент оба вала сильно распаханы и читаются уже с трудом. Можно отметить небольшое всхолмление – перепад почвы и несколько разный цвет грунта в этом месте.

Недалеко от места, где второй вал меньших размеров подходит к Балке Чубук, известен курган «Саянова Гора», в районе которого произведены находки, связанные уже со средневековым слоем поселения. На территории акрополя он более мощный, а на поселении, – три основных слоя (эллинистический, римский и раннесредневековый) читаются слабо. К сожалению, собранный материал невыразителен и не позволяет пока более точно датировать располагавшееся здесь селище²³. По предварительным данным Н. Ф. Шевченко датировал его V-VI вв. Тем не менее «слой эпохи раннего средневековья маловыразителен и может быть связан с отдельными жилыми участками на территории акрополя» (Шевченко, 2009, с. 435, 437). Впрочем, по сведениям местных археологов, в этом месте находили предметы и хазарского времени VIII-X вв.²⁴ Сам факт наличия здесь жизни в раннем средневековье существенно подкрепляет сведения, указанные в адыгских преданиях в отношении места резиденции Инала. Это тем более вероятно, так как адыги, указывающие на Краснобатареиное городище в конце XVIII – начале XIX вв., не могли знать археологии и соответствующей хронологии, даже если и находили на этом памятнике какие-то древние предметы²⁵.

Таким образом, данные археологии в определенной степени дополняют предания адыгов. Тем не менее лишь дальнейшие раскопки в этом месте и собранный материал смогут подтвердить или опровергнуть сведения о резиденции Инала на этом памятнике в хазарское время. Возможно, легендарный Шанджир находился не на

23 Выражаю искреннюю признательность Н. Ф. Шевченко за предоставленную мне в 2009 г. информацию его исследований на Краснобатареином городище. Собранный на объекте материал представлен в основном обломками керамики, которые не позволяют пока более точно датировать средневековое поселение. Подробнее ознакомиться с последними исследованиями Краснобатареиного городища можно в работе Н. Ф. Шевченко (Шевченко, 2009, с. 434–438).

24 Благодарю за это сообщение В. А. Крутоголовенко, отметившего, что на территории Краснобатареиного комплекса находили предметы и салтовского времени (середина VIII – начало X вв.).

25 Местные адыги (натухаевцы, шапсуги) могли указать, например, и на Семибратнее городище или на иной выделяющийся своими размерами и остатками сооружений комплекс.

самом Краснобатареинном городище, а несколько южнее его, между оконечностями вышеописанных двух валов, в районе кургана «Саянова Гора». Это было относительно укрепленное место, огороженное Балкой Чубук и р. Непиль на западе, большим валом с южной и юго-восточной сторон. Если учесть, что обе насыпи в античную эпоху поддерживались в надлежащем состоянии в римское время примерно до III в. н. э., то в раннем средневековье они могли еще сохраняться в достаточно хорошем состоянии, тем более раз они «дожили» до наших дней, по-видимому, без особых «реконструкций» в средние века²⁶. Однако логичнее предполагать, что само место пребывания Инала находилось именно на акрополе или «батареijke» – наиболее возвышенных местах в этом месте, окруженных рвами, то есть имеющих уже готовые укрепления. Использование этого места как резиденции могло быть относительно недолгим – в течение нескольких десятилетий, что может объяснять отсутствие раннесредневековых артефактов на них, а то, что оставалось, за тысячу лет могли собрать здесь местные жители или пришельцы, так как данные объекты, безусловно, привлекали внимание людей и в древности.

Дальнейшие исследования Краснобатареиногo комплекса, возможно, позволят выявить более выразительный археологический материал, который позволил бы с большей уверенностью локализовать резиденцию Инала именно на этом памятнике и подтвердить ее локализацию на месте рассматриваемого археологического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

Адыги..., 1974. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик.

Анфимов Н. В., 1948. Городище восточной окраины Боспорского государства (Материалы к археологической карте Краснодарского края) // Историко-археологический сборник научно-исследователь-

²⁶ Скорее всего, если бы не бездумная распахка в советские годы, валы можно было бы наблюдать и сегодня, так же как мы до сих пор видим акрополь, «батареijke», курган «Саянова Гора».

ского института краеведения и музейной работы. – М.

Анфимов Н. В., 1963. Синдика в VI-IV вв. до н. э. // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Вып. XXXIII. – Краснодар.

Анфимов Н. В., 1982. Курганы рассказывают... – Краснодар.

Блаватская Т. В., 1959. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. – М.

Броневский С. М., 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе (Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу). – Нальчик.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В., 2003. Древности и памятники VIII-IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. – М., 2003.

Гадло А. В., 1978. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. – Л.

Гадло А. В., 1994. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. – СПб., 1994.

Дюбуа де Монпере Ф. 2002. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1. – Нальчик.

История..., 2007. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик.

Ловпаче Н. Г., 2007. Этническая история Западной Черкесии. – Майкоп.

Новичихин А. М., 2000. Анапский район в средние века // Очерки по истории Анапы. – Анапа.

Онайко Н. А., 1984. Юго-восточная окраина Боспора // Античные государства Северного Причерноморья. – М.

Хан-Гирей, 2008. Записки о Черкесии. – Нальчик.

Шаров О. В., Самарина Т. А., 2009. Семибратнее городище на рубеже эр // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар.

Шевченко Н. Ф., 2009. Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар.

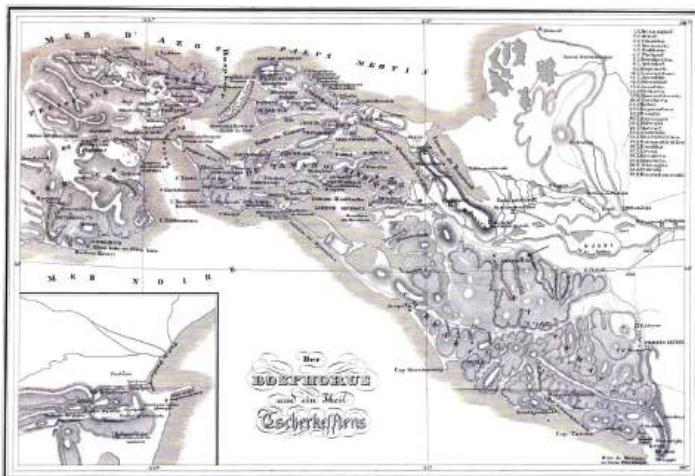

Рис. 1. Карта 1833 г. Таманского полуострова, Западного Закубанья и Черноморского побережья от Анапы до Геленджикской бухты из книги Ф. Д. де Монпере 1843 г. Стрелкой показана локализация Шанджира в междуречье рек Псиф и Непиль.

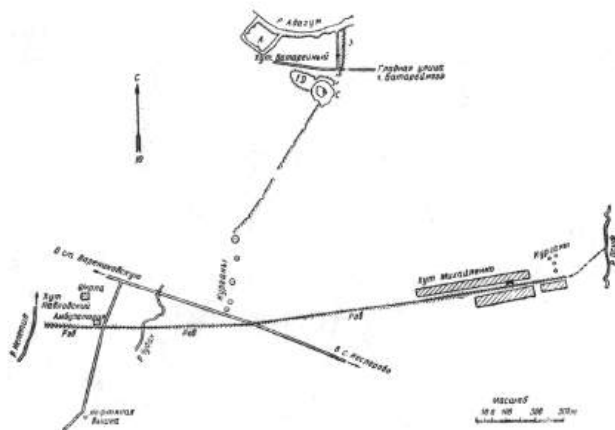

Рис. 2. План городища и двух валов у х. Краснобатареиного в междуречье рек Непиль (Непетил) и Псиф (по: Анфимов, 1948): А – акрополь, В – вал, С – «батарейка», от нее отходит малый вал (1100 м) в сторону курганов, в том числе «Саянова Гора». Южнее через х. Михайленко от р. Непиль до р. Псиф идет большой вал длиной более 3 км.

Рис. 3. Вид с юго-восточного угла (башни) на западную сторону «батарейки». Современное фото автора

Рис. 4. Вид с юго-восточного угла (башни) на северную сторону «батарейки». Современное фото автора

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ВИКТОРОВИЧА БОЧКОВОГО

Один из опытнейших кубанских археологов-полевиков современности Владимир Викторович Бочковой родился 8 марта 1962 г. в станице Марьянской Красноармейского района Краснодарского края. Его отец Виктор Федорович, здравствующий и сейчас, являясь прирожденным рыболовом и охотником, с малолетства привил и сыну эти увлечения. Их характер, связанный с вниманием, но главное, с поиском, во многом в дальнейшем послужил основой для увлечения юным Владимиром археологией. А он ей заинтересовался рано.

Случилось так, что его учителем истории был директор школы ст-цы Марьянской И. И. Левченко, учившийся в университете у Н. В. Анфимова и выявивший в Черном лесу, расположенном в округе станицы, меотский могильник, постоянно разрушающийся водами Кубани. Предметы, собранные из разрушенных погребений могильника, стали основой для создания школьного музея, при котором со временем образовался историко-археологический кружок, который

и посещал В. В. Бочковой. Вместе с учителем члены кружка неоднократно выезжали на осмотр могильника и на сбор вымытых из коренного берега древних предметов. Сборы так увлекли Владимира, что осмотры он стал проводить самостоятельно, нередко совмещая их с рыбалкой. Одновременно с этим он начал собирать сведения о других, еще неизвестных памятниках. Так, например, был выявлен знаменитый Прикубанский могильник IV в. до н. э.

В 1976 г. по причине смены работы отца семья Бочковых переехала жить в Магаданскую область. Жизненные обстоятельства несколько не охладили увлечений Владимира Викторовича, наоборот, дикие места и богатства природы Магадана сулили незабываемые приключения на охоте и рыбалке. Но не только давнее хобби увлекало. Археология уже на тот момент стала для него страстью. За годы жизни в Магадане Владимир выявил и обследовал многие древние стоянки, в том числе и на ручье Конго. Все собранные находки, как и информацию о памятниках, он отправил знаменитому магаданскому археологу Н. Н. Дикову, с которым состоял в переписке.

В 1979 году была предпринята попытка поступить в Кемеровский университет, которая закончилась неудачно, и В. В. Бочковой вернулся на Кубань. Сразу же он устроился лаборантом на раскопки курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы, проводимых Северо-Кавказской экспедицией Северо-Осетинского университета (руководитель В. А. Сафронов), в отряд к И. И. Марченко, и проработал там до 1980 г., когда был призван в армию. Служил Владимир Викторович в Хакасской АО, где во время земляных работ также по случаю проводил сборы подъемного материала.

После демобилизации в 1982 г. В. В. Бочковой вернулся в археологию. И с той поры на должности лаборанта он каждый год участвовал в различных экспедициях по Краснодарскому краю. В 1982, 1984 и в 1986 гг. под руководством И. И. Марченко он проводил работы на меотском грунтовом могильнике городища № 3 у хут. Ленина, на раскопках курганов у ст. Геймановская и у х. Малаи. В 1983 г. в экспедиции во главе с В. А. Тарабановым работал на раскопках курганов у хут. Бураковского, а в 1985 г. – на раскопках курганов у хут. Белевцы под руководством А. В. Пьянкова.

С 1987 по 2013 гг. ежегодно (кроме 1993 г.) в составе Краснодарской археологической экспедиции КубГУ В. В. Бочковой участвовал в раскопках меотского грунтового могильника Старокорсунского городища № 2 на берегу Краснодарского водохранилища. В 1988 и 1989 гг. в должности старшего лаборанта экспедиции под руководством А. М. Ждановского и И. И. Марченко он участвовал в исследовании средневековой крепости на мысе Малый Утриш и кургана в Лобановой щели под г. Новороссийском. Одновременно с полевыми работами В. В. Бочковой учился на историческом факультете Кубанского государственного университета, который окончил в 1992 г.

После окончания учебы в должности младшего научного сотрудника Краснодарской археологической экспедиции КубГУ принял участие в раскопках следующих памятников археологии: в 1993 г. – курганов и двух средневековых поселений на Тамани, в 1994 г. – кургана возле пос. Фонталовского на Тамани, в 1995 г. – двух курганов возле ст-цы Марьянской в Красноармейском р-не, в 1997 г. – курганов возле ст-цы Воронцовской в Динском р-не. В 1998 г. по Открытому листу провел исследования Прикубанского могильника. В 1998 и 1999 гг. участвовал в раскопках курганов у ст-цы Нововеличковской, в 1999–2001 гг. возглавлял отряд по исследованию меотского грунтового могильника «Прикубанский», в 2001 г. – средневекового поселения «Виноградный-7» на Тамани, в 2002 г. – курганов у ст-цы Пластуновской и средневекового поселения «Виноградный-7», в 2003 г. – меотского грунтового могильника городища Спорное у хут. Двубратского в Усть-Лабинском р-не, в 2004–2006 гг. – курганов и поселения «Виноградный-7», в 2008 г. – курганов у хут. Пролетарского в Абинском р-не, в 2010 г. – курганов у ст-цы Варениковской. С 2010 по 2013 гг. ежегодно участвовал в раскопках меотского грунтового могильника городища № 3 хут. Ленина на берегу Краснодарского водохранилища. В 2011 г. проводил разведочные работы в Крымском и Тимашевском районах, вел раскопки поселения майкопской культуры у хут. Чекон Анапского района, в 2012 г. исследовал курганы у пос. Черноморского в Крымском р-не, в 2013 г. участвовал в разведочных работах на Тамани.

В 2014–2015 гг. – начальник экспедиции по раскопкам позднесредневекового поселения «Волна-6» и участка грунтового мо-

гильника эпохи эллинизма на территории поселения на Тамани в Темрюкском районе. В 2016 г. – начальник отряда ОАО «Кубаньархеология» по раскопкам курганов «Верхний Чекон-3» в Крымском районе, «Афипский-15» и «Афипский-20» в Северском районе.

В 2017–2020 гг. В. В. Бочковой проводил исследования на территории Горгиппии, в сезоны 2017–2019 гг. работал на поселении «Волна-1» на Тамани. В 2019 г. он раскапывал селища «Куафо-6» и «Кеслерово-9» в Абинском и Крымском районе, поселение «Афипс 1» в Северском районе края.

Владимир Викторович Бочковой – один из тех ученых, которые посвятили жизнь полю. И на поприще полевой археологии он достиг мастерства. Душа компании, яркий, легкий, отзывчивый человек, тонкий и требовательный исследователь – все это о нем. В канун шестидесятилетия мы, коллектив авторов, наверное, и все наше археологическое сообщество, пожелаем Владимиру Викторовичу крепкого здоровья, хорошего лова и большой археологической удачи, которая, впрочем, никогда не отворачивалась от этого человека.

Список опубликованных работ В. В. Бочкового

1. Средневековая крепость на мысе Малый Утриш // Тезисы докладов и сообщений второй зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1990.

2. Результаты работ Краснодарской экспедиции // АО 1995 года. М., 1996. (в соавторстве с Н. Ю. Лимберис).

3. Охранные раскопки Краснодарской экспедиции (в соавт. с Н. Ю. Лимберис) // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. (в соавторстве с Н. Ю. Лимберис).

4. Новый меотский могильник у хут. Прикубанского // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов конференции. Краснодар; Анапа, 2001. (в соавторстве с И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис).

5. Раскопки курганов у ст. Нововеличковской в 1999 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. (в соавторстве с Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко).

6. Раннесредневековые погребения из раскопок Прикубанского могильника в 1999 году // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. (в соавторстве с Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко).

7. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. Вып. 5. Краснодар, 2005; (в соавторстве с Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко).

8. Раскопки могильника «Виноградный – 7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАК. Вып. 7. Краснодар, 2007. (в соавторстве с И. И. Марченко и В. Ю. Кононовым).

9. Протомеотские погребения из курганов могильника «Железнодорожный-2» // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013. (в соавторстве с Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко).

10. Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43. № 2. Новосибирск, 2015. (в соавторстве с С. Н. Кореневским и М. Б. Медниковой).

11. Антропоморфная подвеска из поселения Волна 1 // Древности Боспора. Т. 24. М., 2019. (в соавторстве с Е. Н. Булахом и А. И. Данилиным).

12. Археологические раскопки северо-западной части поселения Волна 1 в 2017 г. (Раскоп XXII) // Древности Боспора. Т. 24. М. 2019. (в соавторстве с Е. Н. Булахом и А. И. Данилиным).

13. A New Mask and Musical Instruments from the Eastern Bosphorus // Ancient Theatre and Performance Culture around the Black Sea. Cambridge University. 2019. (в соавторстве с Д. Брундом, Р. Мимоходом и Н. Сударевым).

А.В. Иванов,
ООО «Южный региональный центр
археологических исследований»,
А.Н. Ткачев,
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет», Краснодар

К 60-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ВАСИЛИНЕНКО

11 мая 2022 г. научная археологическая общественность Кубани, России и многих научных центров Зарубежья поздравляет с 60-летием ветерана кубанской и российской археологии Василенко Дмитрия Эдуардовича.

Д. Э. Василенко родился 11 мая 1962 г. в г. Армавире. Отучившись в 1969–1979 гг. в Армавирской СШ № 8, далее, благодаря собственной целеустремленности и дальновидности, получил передовое для своего времени и разностороннее образование. В 1979 г. поступил на исторический факультет Удмуртского государственного университета. В 1983 г. перевелся на исторический факультет Кубанского государственного университета, который окончил в 1988 г. В 1995 г. прослушал курс «Применение компьютеров в археологии» в Саутгемптонском университете (Великобритания), грант Британской академии наук.

С детских лет, фактически с прошлого тысячелетия и по настоящее время Д. Э. Василенко не изменяет своему выбору – профессиональной археологии и охране культурного наследия народов Кубани и Российской Федерации.

С 1974 по 1976 гг., будучи подростком, Дима Василенко получил первый полевой археологический опыт в составе археологиче-

ской экспедиции кружка юных археологов Армавирского городского дворца пионеров и школьников под руководством Н. И. Навротского.

В 1980 г. Д. Э. Василенко участвовал в разведках Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета в Яранском районе Кировской области.

В 1982 г. он в составе археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока принимал участие в раскопках Уляпских курганов.

В 1984–1988 гг. работал на раскопках курганных могильников в Абинском, Динском, Тихорецком районах Краснодарского края в составе Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А. Н. Гея, В. И. Мельника, И. Б. Орловской, Е. И. Савченко, И. А. Сорокиной.

С 1982 по 1984 гг. он трудился в штате Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника.

С 1984 по 2004 гг. являлся сотрудником краевых государственных органов по охране памятников. С 2004 по 2012 гг. – старший научный сотрудник ГУП «Наследие Кубани», ОАО «Наследие Кубани».

С 2012 г. по настоящее время – начальник отдела археологии ООО «Кубаньархеология».

Сформировавшиеся с годами полевых археологических исследований основные научные интересы юбиляра лежат в области средневекового храмового зодчества и фортификационных сооружений Северо-Восточного Причерноморья.

Впервые возглавил самостоятельные археологические исследования в 1988 г., с того времени работал в качестве научного сотрудника, заместителя начальника экспедиций, начальника отрядов и экспедиций по исследованию различных археологических памятников на территории Краснодарского края, Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, Республики Крым. Д. Э. Василенко с успехом руководил рядом археологических экспедиций при реализации масштабных проектов: строительстве нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума, трубопровода «Голубой поток», строительстве объектов Олимпиады-2014, создании сухогрузного района морского порта Тамань и

ряда других. Для первого из перечисленных впервые в Российской Федерации при непосредственном участии Д. Э. Василенко были разработаны базисно-индексные сметные нормы и расценки на археологические исследования.

Человек энциклопедических знаний, бывалый полевик, имеющий обширный опыт в полевых исследованиях и подготовке научных отчетов любой сложности, с присущим ему тонким, интеллигентным юмором, Д. Э. Василенко никогда не придавал значения мишуре статусных званий и регалий и фактически всю жизнь посвятил выбранной благородной профессии изучения и сохранения древнего культурного наследия – драгоценного достояния народов Российской Федерации.

Д. Э. Василенко является автором более 50 научных публикаций.

Список основных опубликованных работ Д. Э. Василенко

1. О некоторых негативных тенденциях в популяризации древней истории Кубани // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Сб. научн. трудов. Краснодар, 1991. (в соавторстве с А. М. Ждановским и В. Н. Каминским).

2. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // *Studia Pontocavcasica*. Понтийско-Кавказские исследования. Т. I. Древности Кубани и Причерноморья. Краснодар, 1993. (в соавторстве с А. В. Кондрашевым и А. В. Пьянковым).

3. Исследование, консервация, музеефикация памятников археологии эпохи средневековья бассейна р. Мзымта (Адлерский район г. Сочи). Рекреационные ресурсы Олимпиады-2014 и последующее использование памятников в культурном туризме // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2008. (в соавторстве с А. В. Кучер).

4. Удила типа «Енджа – Константиновка» из Правобережного Прикубанья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Археология, палеоантропология,

краеведение, музееведение. М., 2007. (в соавторстве с О. П. Куликовой).

5. Средневековый курганный могильник «Носовцева Поляна 1» в долине реки Мзымта (г. Сочи) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М., 2007.

6. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. I. Краснодар, 2007.

7. Новый памятник раннесредневековой архитектуры Кавказского Причерноморья: базилика близ Адлера // XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. Владикавказ, 2008. (в соавторстве с Л. Г. Хрушковой).

8. Ачипсинская крепость: возможности использования памятника в сфере культурного туризма // Праці центру пам'ятокознавства. Вип. 15. Київ, 2009. (в соавторстве с А. Н. Медведем).

9. К вопросу об этнической истории абазин Восточного Причерноморья в период позднего средневековья (по данным археологии) // Исторический вестник. Вып. 8. Нальчик, 2009.

Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.

10. Археологические исследования остатков крепости Мамай-Кале (Центральный район г. Сочи) // ДК. Вып. 22. Краснодар, 2010.

11. Ачипсинская крепость: проекты охранных зон, реставрации, музеефикации. Возможности и перспективы использования памятника в сфере культурного туризма // ДК. Вып. 22. Краснодар, 2010. (в соавторстве с А. Н. Медведем).

12. Исследования на крепостях эпохи средневековья в бассейне р. Мзымты (Краснодарский край, Адлерский район г. Сочи) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. Сухум, 2011. (в соавторстве с Д. С. Коробовым).

13. Новые данные об археологических памятниках эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной

конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум, 2011). Сухум, 2011.

14. *Basilica Lesnoe-1 near Sochi in the north-eastern black sea region // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history. British Archaeological Reports. International Series 2432. Oxford, 2012* (в соавторстве с Л. Г. Хрущковой).

15. Середньовічні залізні вотивні хрести Північно-Західного Кавказу і Північно-Східного Причорномор'я // Софійські читання: Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині – скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.). Київ, 2013. (в соавторстве с А. В. Пьянковым).

16. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешевс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар, 2013. (в соавторстве с А. В. Пьянковым).

17. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII-XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Вып. XXX. Симферополь, 2014. (в соавторстве с В.В. Майко, П.В. Соковым, И.Б. Тищенко).

18. Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения «Железнодорожное 2» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Сб. научных трудов. Вып. 2. Краснодар, 2014. (в соавторстве с Р. А. Бараганян и И. Б. Тищенко).

А.А. Сазонов,
ООО «Кубань Археология», Краснодар

ОЛЬГЕ ПЕТРОВНЕ КУЛИКОВОЙ 70!

15 июня текущего года Ольге Петровне Куликовой исполняется 70 лет. Наша героиня родилась в 1952 году в станице Кущевской Краснодарского края, после окончания школы поступила в Ростовский государственный университет, где и увлеклась археологией. После окончания этого учебного заведения вся жизнь Ольги Петровны неразрывно связана именно с этой наукой. Опытнейший функционер в области охраны памятников археологии начала трудовой путь в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына, откуда в 1983 г. перешла на работу в «Производственную группу по охране памятников истории и культуры при управлении культуры Краснодарского края и уже в 1988 году возглавила эту организацию. Ольга Петровна всю жизнь посвятила любимому делу, она отдает ему все свое время. Наполненная идеями и неистовой энергией юбиляр помогает молодым специалистам осваивать трудное ремесло «охранной» археологии. Ольга Петровна всегда готова прийти на помощь коллегам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Она обладает природной интуицией и умением просчитывать сложные производственные ситуации в работе, которые успешно преодолевает.

С деятельностью Ольги Петровны связан значительный период в развитии археологии на Кубани. Редакционная коллегия «Древно-

стей Кубани» от всей души поздравляет Ольгу Петровну с юбилеем, желает крепкого здоровья, радости жизни и такой же неиссякаемой энергии!

**Редакционная коллегия
сборника «Древности Кубани»**

ЕВГЕНИЮ БОРИСОВИЧУ ПОЛИЦЫНУ 60 ЛЕТ

В этом году отмечает юбилей наш друг – Евгений Борисович Полицын, участник многих экспедиций на Северном Кавказе и Крыму. Юбиляр родился 27 марта 1962 года в городе Хабаровске, откуда его родители переехали на Кубань. До прихода в археологию Евгений Борисович сменил множество работ: от службы в милиции и цирке до работы художника-реставратора в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике (КГИАМЗ) им. Е. Д. Фелицына. Его руками была создана не одна выставочная экспозиция как КГИАМЗ, так и многих других муниципальных и ведомственных музеев Краснодарского края. Душа компании, хороший рассказчик с отменным чувством юмора, отличный повар. Историческое образование получил поздно – в 2014 году, окончив факультет культурологии по специальности «Музееведение и охрана памятников» в Краснодарском государственном институте культуры и искусств.

Наш юбиляр принял участие во множестве археологических экспедиций, проводимых разными организациями из разных городов России (Краснодара, Ростова-на-Дону, Ставрополя), а также Институтом археологии РАН на Юге России и Северном Кавказе: В период работы в музее КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына он участвовал в охранно-спасательных наземных и подводных археологических работах

на Тузлинском античном некрополе с 2007 по 2011 гг. под руководством А. В. Кондрашева; В 2013 г. принимал участие в раскопках поселения «Мессажай». В 2014 г. проводил раскопки курганно-грунтового могильника «Гастагаевская-1». В 2015 г. он участвовал в раскопках курганов у станиц Ленинградской, Нововеличковской, Полтавской под руководством Л. Э. Голубева. В 2016 году проводил раскопки курганов и грунтового могильника рядом со станицей ст. Курчанской, а в 2017 г. – раскопки позднеантичного – раннесредневекового поселения «Тамань 14». В 2018 г. проводил раскопки средневекового поселения у ст. Смоленской. В Крыму он был задействован в раскопках по строящейся трассе «Таврида» и в зоне прокладки других коммуникаций: участвовал в раскопках поселений и курганов под руководством В. В. Верещагина и В. В. Майко, работал под руководством О. В. Шарова, участвовал в раскопках грунтового могильника в Бахчисарайском районе Крыма под руководством Д. С. Богачука, могильника «Сувлу-Кая» под руководством В. В. Масыкина. В 2020–2021 гг. принимал участие в раскопках могильников «Киль-Дере» и «Дездар-Дере» под руководством С. В. Язикова. Также Евгений Борисович принимал участие в исследованиях в Республике Северная Осетия – Алания – в раскопках курганов эпохи бронзы в районе села Средний Урух. В 2020 г. участвовал в раскопках в Северной Осетии на части «Нузальского» могильника под руководством К. А. Крутоголовенко.

Евгений Борисович занят общественной работой, является активным членом Краснодарского краевого отделения «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК). Благодаря этой деятельности выявлены ранее неизвестные памятники археологии и истории, большинство из которых поставлены под государственную охрану.

Многие рисунки-реконструкции Евгения Борисовича опубликованы в научных статьях и монографиях археологов и историков. Дизайн обложек последних выпусков научных сборников трудов археологов «Древности Кубани» и «Вопросы археологии Адыгеи» тоже принадлежат нашему юбиляру. Сам он является автором ряда научных публикаций.

Редакционная коллегия «Древностей Кубани» желает Евгению

Борисовичу крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых профессиональных успехов.

Список публикаций Е. Б. Полицына

1. Таинственный «город» на горе Индюк // XI Фелицынские чтения. Краснодар, 2009. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым).

2. Остатки архитектурных сооружений на горе Индюк // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Назрань, 2010. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым и М. И. Медведевым).

3. Воинское погребение с шашкой на реке Алепси (Туапсинский район) // IV Абхазская международная конференция «Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Тезисы докладов. Сухум, 2013. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым и Р. Б. Схатумом).

4. Памятник на горе Индюк, следы узкоколейной железной дороги или археология // XVIII «Фелицынские чтения» Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: Проблемы и перспективы. Краснодар, 2016. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым).

5. Адыгское воинское погребение у р. Алепси (Туапсинский район Краснодарского края) // Материалы IV Абхазкой международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л. Н. Соловьеву. «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сухум, 2017. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым и Р. Б. Схатумом).

6. Христианские древности из музея города Белореченска // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Волгоград, 2019. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым, С. Н. Малаховым, А. Р. Корепановым и А. В. Пьянковым).

7. Новые находки римских монет в Краснодарском крае // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. К 90-летию А. С. Мельниковой и 100-летию В. В. Узденикова. М., 2019. (в соавторстве А. В. Пьянковым).

8. Монеты Кесарии Каппадокийской из новых находок в Краснодарском крае // Нумизматические чтения Государственного Исто-

рического музея в 2020 году. Памяти В. А. Дурова. М., 2020. (в соавторстве с А. И. Бабийцом).

9.Перстень с византийской монетой из Анастасиевского поселения в Краснодарском крае // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея в 2020 году. Памяти В. А. Дурова. М., 2020. (в соавторстве с А. В. Пьянковым и С. Л. Завьяловым).

10.Милиарисии византийских императоров второй половины X века из находок в окрестностях города Новороссийска // VII Международный Нумизматический Симпозиум «Припонтский меняла: деньги местного рынка. Материалы научной конференции». Симферополь, 2020. (в соавторстве с А. В. Пьянковым и А. В. Бабийцом).

11.Воинские погребения из могильника поселения «Афипс-1» // IX Анфимовские чтения, Краснодар, 2020. (в соавторстве с В. В. Верещагиным, Л. Э. Голубевым и Р. Б. Схатумом).

12.Два римских солида из находок на Таманском полуострове Краснодарского края // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 2020. № 12–13. (в соавторстве с А. В. Пьянковым и А. В. Бабийцом).

13.Подражание византийской золотой монете (VII век) из находок в окрестностях поселения Сенной на Тамани // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 2020. № 12–13. (в соавторстве с А. В. Пьянковым и С. Л. Завьяловым).

14.Неизданные монеты Анастасиевского (Славянского) клада // Отрадненские историко-краевые чтения. 2020. Выпуск 8. (в соавторстве с А. В. Пьянковым и С. Л. Завьяловым).

15.Курган 9 могильника «Гостагаевская-1» из окрестностей города Анапа // ВАА. Майкоп, 2021. (в соавторстве с Л. Э. Голубевым, А. В. Пьянковым и Р. Б. Схатумом).

16.Субератное подражание солиду императора Льва III из находок на Таманском полуострове // VIII Международный Нумизматический Симпозиум «Припонтский меняла: деньги местного рынка. Материалы научной конференции». Симферополь, 2021. (в соавторстве с А. В. Пьянковым и С. Л. Завьяловым).

Л.Э. Голубев, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп

К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ШИШЛОВА

А. В. Шишлов родился 9 июня 1951 г. в семье военного пограничника в пос. Манзовка Черниговского района Приморского края. Окончил школу в г. Лиепая, Латвийской ССР, куда семья переехала к новому месту службы отца.

С 1973 по 1987 гг., окончив Школу техников Военно-морского флота в г. Киеве, служил старшим бортовым оператором радиоразведки в отдельном дальнем разведывательном авиационном полку Тихоокеанского флота. В 1987 г. А. В. Шишлов был демобилизован и переехал с семьей на постоянное место жительства в г. Новороссийск.

В январе 1988 г. был принят на работу в Новороссийский исторический музей-заповедник. С этого момента жизнь Александра Владимировича круто изменилась, навсегда связав его с археологией! Рабочий в археологической экспедиции, научный сотрудник отдела археологии, а с 1995 г. по настоящее время – заведующий отделом археологии. Окончил исторический факультет Адыгейского государственного университета.

С 1995 г. по 2016 г. под руководством Шишлова А. В. проведены 43 археологические экспедиции, среди которых наиболее значительными являются исследования:

- некрополя VII-V вв. до н.э. у с. Владимировка, г. Новороссийск в 1998 и 2000 гг.;

- средневекового поселения XIII-XV вв. н. э. у с. Глебовка, г. Новороссийск, 1998–2000 гг.;

- средневекового поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском р-не Краснодарского края, 2000–2006 гг.;

- двух курганов на горе Зеленой в Темрюкском р-не Краснодарского края, 2004–2005 гг.;

- памятников эпохи ранней бронзы (майкопской культуры) у ст. Натухаевской, г. Новороссийск (курганной группы «Натухаевская-1» в 2004, поселения Натухаевское-3 в 2007 и 2008 гг., курганной группы «Натухаевская-3» в 2008 г., поселения Катусвина Кривица-2 в 2013 и 2014 гг., курганно-грунтового могильника «Натухевский-4» в 2014 г.

- в 2010 г. работы по подготовке документации для формирования единого государственного реестра по объектам археологического наследия г. Новороссийска Краснодарского края.

- в 2016 г. проведена масштабная разведка на г. Маскага, на земельном участке площадью в 660 га, в результате которой выявлено более 20 ранее неизвестных разновременных поселений и могильников от эпохи бронзы до средневековья, важным открытием стало новое поселение майкопской культуры Заря-1.

Несомненным научным достижением Александра Владимировича Шишлова является открытие и изучение памятников эпохи ранней бронзы (Майкопской культуры) у ст. Натухаевской Новороссийского района. Особенностью выявленных памятников и их отличием от других известных памятников этой культуры является наличие высококачественной, орнаментированной краской, керамической посуды. Важность открытия подчёркивает интерес Российской академии наук.

В 2018 г. Александру Владимировичу присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Кубани». А. В. Шишлов является автором 86 научных работ.

Поздравляем Александра Владимировича с юбилеем, желаем новых интересных археологических открытий и крепкого здоровья!

Список основных опубликованных работ А. В. Шишлова

1. Археологические фонды Новороссийского Государственного исторического музея-заповедника // РА. № 1. 1999. (в соавторстве с Л. А. Колбасиной).
2. Могильник античного времени у с. Южная Озерейка // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 3. Новороссийск, 1999.
3. Новые данные к абсолютной хронологии памятников Северо-Западного Кавказа // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. XIII. Москва-Магнитогорск. 2003. (в соавторстве с А. Н. Геем, А. А. Гольевой, А. А. Малышевым, О. А. Чичаговой).
4. На заре цивилизации // Новороссийск – город-герой. Краснодар, 2006. (в соавторстве с А. П. Кононенко).
5. Комплекс бронзовых предметов с поселения Азиатского Боспора: типология и технология изготовления. // КСИА. Вып. 220. М., 2006. (в соавторстве с А. А. Малышевым, И. Г. Равичем).
6. Памятники майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // Наследие Кубани. Вып. I. Сборник научных статей. Краснодар, 2008. (в соавторстве с Н. В. Федоренко).
7. Новороссийский исторический музей-заповедник // Античное наследие Кубани. Т. 3. М., 2010. С. 158–166. (в соавторстве с А. А. Малышевым).
8. Объекты культурно-исторического наследия // Государственный природный заповедник «Утриш». Атлас. Научные труды. Т. 2. Анапа, 2013. (в соавторстве с Н. В. Федоренко).
9. Раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в 2005–2006 гг. // Биоразнообразие государственного природного заповедника «Утриш». Научные труды. Т. 1. 2012. Анапа, 2013. (в соавторстве с А. В. Колпаковой и Н. В. Федоренко).
10. Археологические исследования Новороссийского исторического музея-заповедника с 1997 по 2012 гг. // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 8. Новороссийск, 2013.
11. Керамический комплекс поселения майкопской культуры Натухаевское-3 // Историко-археологический альманах (Армавирского

краеведческого музея). Вып. 12. Армавир; М., 2013. (в соавторстве с А. В. Колпаковой и Н. В. Федоренко).

12. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника «Кедровая Роща» // КСИА. Вып. 231. ИА РАН. М., 2013. (в соавторстве с П. С. Успенским, М. В. Добровольской, Е. А. Клещенко и Н. В. Федоренко).

13. Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточно-европейском скифском зверином стиле // Вестник Южного научного центра. Т. 10. № 4. 2014. (в соавторстве с А. Р. Канторовичем).

14. Поселение Катусвина Кривица 2 – новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 237. М., 2015. (в соавторстве с А. В. Колпаковой, Н. В. Федоренко и А. Н. Геем).

15. Могильник «Натухаевский IV» – новый памятник майкопской культуры под Новороссийском // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М., 2018. (в соавторстве с А. Н. Геем, А. В. Колпаковой и Н. В. Федоренко).

16. Исследования могильника раннего железного века «Лобанова Щель» (по итогам раскопок 2007 и 2009 гг.) // Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана. Научные труды. Т. 5. Государственный природный заповедник «Утриш». Анапа, 2021. (в соавторстве с А. В. Колпаковой и Н. В. Федоренко).

17. Six complete mitochondrial genomes from Early Bronze Age humans in the North Caucasus // Journal of Archaeological Science 73 (2016) 138–144. (на англ. языке) (в соавторстве с А. С. Соколовым, А. В. Недолужко, Е. С. Булыгиной, С. В. Цыганковой, Ф. С. Шарко, Н. М. Груздевой, А. В. Колпаковой, А. Д. Резепкиным, К. Г. Скрыбиным и Е. В. Прохорчук).

Список полевых отчетов об археологических исследованиях А. В. Шишлова

1. Шишлов А. В. 1990. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска в 1990 г. // Архив НИМЗ. НА-5429.

2. Шишлов А. А. 1994. Отчет об археологических разведках на горе Маскага в 1993 г. в Новороссийском районе Краснодарского края // Архив НИМЗ. НА-6064.

3. Шишлов А. В. 1996. Отчет о раскопках некрополя у с. Южная Озереевке Новороссийского района Краснодарского края в 1995 г. // Архив НИМЗ. НА-6302.

4. Шишлов А. В. 1998. Отчет об археологической разведке средневекового поселения у с. Глебовское Новороссийского района в 1997 г. // Архив НИМЗ. НА-6802, 6803.

5. Шишлов А. В. 1999. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у с. Глебовское Новороссийского района в 1998г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21196–21197. Архив НИМЗ. НА-6804, 6805, 6806.

6. Шишлов А. В. 2000. Отчет о раскопках курганных могильников «Урочище Скаженное-1», «Смоленская-1» (щель Воргушена) и «Попова-1» в зоне строительства газопровода «Россия-Турция» в Краснодарского крае в 1999 г. // Архив НИМЗ. НА-6837, 6838.

7. Шишлов А. В. 2001. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у с. Глебовское Новороссийского района в 1999–2000 гг. // Архив НИМЗ. НА-6829, 6830, 6831, 6832, 6833,6834,6835,6836.

8. Шишлов А. В. 2001. Отчет об археологических раскопках 12 курганов из курганного могильника «Бжид-2» в 2001 г. // Архив НИМЗ. НА-6920, 6921.

9. Шишлов А. В. 2001. Отчет об археологических раскопках кургана в пос. Мостовском Краснодарского края в 2001 г. // Архив НИМЗ. НА-6922, 6923.

10. Шишлов А. В. 2002. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края в 2001 г. // Архив НИМЗ. НА-6924, 6925.

11. Шишлов А. В. 2003. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края в 2002 г. // Архив НИМЗ. НА-6958, 6959.

12. Шишлов А. В. 2005. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском

районе Краснодарского края в 2004 г. Краснодар // Архив НИМЗ. НА-7717, 7718.

13. Шишлов А. В. 2005. Отчет об археологических раскопках памятников, разрушенных траншеей газопровода «ст. Натухаевская – х. Победа» в Приморском округе г. Новороссийска Краснодарского края в 2004 г. Новороссийск // Архив НИМЗ. НА-7753.

14. Шишлов А. В. 2007. Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у балки Лисовицкого в Темрюкском районе Краснодарского края в 2006 г. // Архив НИМЗ. НА-8145/1-6.

15. Шишлов А. В. 2007. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника в устье р. Дюрсо Приморского округа г. Новороссийска Краснодарского края в 2006 г. // Архив НИМЗ. НА-8146.

16. Шишлов А. В. 2008. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника в устье р. Дюрсо Приморского округа г. Новороссийска Краснодарского края в 2007 г. // Архив НИМЗ. НА-8293.

17. Шишлов А. В. 2009. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника в устье р. Дюрсо Приморского округа г. Новороссийска Краснодарского края в 2008г. // Архив НИМЗ. НА-8379.

18. Шишлов А. В. 2009. Отчет об археологических раскопках двух курганов курганной группы у ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края (на участке строительства) в 2008 г. // Архив НИМЗ. НА-8399, 8400.

19. Шишлов А. В. 2009. Отчет об археологических разведках на территории Новороссийского района г. Новороссийска Краснодарского края в 2008 г. // Архив НИМЗ. НА-8401.

20. Шишлов А. В. 2010. Отчет об археологических разведках на территории Приморского района г. Новороссийска Краснодарского края в 2009 г. // Архив НИМЗ. НА-8632.

21. Шишлов А. В. 2010. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника в устье р. Дюрсо и грунтового могильника «Лобанова Щель» в устье Лобановой Щели Приморского округа г. Новороссийска Краснодарского края в 2009 г. // Архив НИМЗ. НА-8633.

22. Шишлов А. В., Федоренко Н. В. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Составление карты объектов культурно-исторического наследия территории Государственного природного

заповедника «Утриш» для атласа-справочника». Государственный контракт от 28 августа 2012 г. № 20. Новороссийск, 2012. Архив НИМЗ. НА–8935.

23. Отчет экспедиции Новороссийского исторического музея-заповедника о проведении в 2010 г. работ по подготовке документации для формирования единого государственного реестра по объектам археологического наследия г. Новороссийска Краснодарского края. Том I (Памятники ст. Натухаевской), Том II (памятники с. Мысхако, с. Цемдолина. с. Южная Озереевка). Новороссийск, 2011 // Архив НИМЗ. НА-8840/1,2.

24. Шишлов А. В. 2013. Отчет об археологических разведках у ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края в 2012 г. // Архив НИМЗ. НА-9385.

25. Шишлов А. В. 2013. Отчет об археологических раскопках кургана №2 курганной группы «Натухаевская-5» у ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края в зоне расширения ЕСГ для обеспечения подачи газа в газопровод «Южный поток» // Архив НИМЗ. НА-9455.

26. Шишлов А. В. 2015. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2013 г. // Архив НИМЗ. НА-9612.

27. Шишлов А. В. 2015. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселения Катусвина Кривица-2», расположенного в зоне строительства в стц. Натухаевской Новороссийского внутригородского района г. Новороссийска Краснодарского края в 2013 г. // Архив НИМЗ. НА-9613/1,2.

28. Шишлов А. В. 2019. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2016г. Новороссийск // Архив НИМЗ. НА-10211/1–11.

**Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кузин И.И.,
ГБУК КК «Новороссийский исторический
музей-заповедник».**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕДАКТОРАХ

Абрамова Александра Николаевна – заведующая отделом археологических фондов ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына» (г. Краснодар).

Акимченков Геннадий Федорович – независимый исследователь (г. Абинск).

Вальчак Сергей Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (г. Москва).

Верещагин Владислав Викторович – генеральный директор ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» (г. Ростов-на-Дону).

Горошников Андрей Алексеевич – специалист отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (г. Москва).

Горошникова Зоя Викторовна – лаборант отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (г. Москва).

Голубев Лазарь Эвандоич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора археологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (г. Майкоп), член совета Краснодарского краевого отделения ВОО ВООПИК (г. Краснодар).

Городовая Виктория Владимировна – хранитель Музея историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза (Нижний Архыз).

Евглевский Александр Викторович – старший научный сотрудник Донецкого национального университета, археологическая научно-исследовательская группа (г. Донецк).

Иванов Алексей Владимирович – начальник археологической экспедиции ООО «Южный региональный центр археологических исследований» (г. Краснодар)

Исайкин Виктор Михайлович – ведущий консультант управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (г. Краснодар).

Коваленко Максим Анатольевич – ведущий консультант управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (г. Краснодар).

Колпакова Алиса Вадимовна – старший научный сотрудник отдела археологии ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник» (г. Новороссийск).

Кудин Михаил Иванович – внештатный научный сотрудник сектора археологии отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (г. Сочи, г. Майкоп).

Кузин Игорь Иванович – художник-реставратор ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник» (г. Новороссийск).

Нарожный Евгений Иванович – заслуженный работник культуры Кубани, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и главный специалист Археологического центра ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева» (г. Карачаевск).

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Анапского археологического музея (г. Анапа).

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, профессор Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир).

Пономарёв Виктор Петрович – учитель истории средней образовательной школы № 3 (г. Абинск).

Полицын Евгений Борисович – эксперт по археологии Краснодарского краевого отделения ВВО ВООПИК (г. Краснодар).

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар).

Ржевский Дмитрий Сергеевич – член президиума, руководитель экспертной группы Краснодарского краевого отделения ВОО ВООПИК (г. Краснодар).

Ржевская Елена Игоревна – член совета Краснодарского краевого отделения ВОО ВООПИК, генеральный директор ООО «КУБАНЬПРОЕКТРЕСУРС» (г. Краснодар).

Сазонов Александр Алексеевич – директор ООО «Кубань Археология» (г. Краснодар).

Схатум Руслан Боричевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических фондов ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына» (г. Краснодар).

Ткачев Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Улитин Владислав Всеволодович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических фондов

ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д.Фелицына», доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Федоренко Наталья Валентиновна – старший научный сотрудник отдела археологии ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник» (г. Новороссийск).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории
АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований
АЗ – Археологические записки
АГПУ – Армавирский государственный педагогический университет
АГУ – Адыгейский государственный университет
АО – Археологические открытия
ВАА – Вопросы археологии Адыгеи
ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ДК – Древности Кубани
ЗРАО – Записки императорского Русского археологического общества
ИАА – Историко-археологический альманах
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КБИГИ РАН – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований Российской Академии наук
КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАСК Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
НИМЗ – Новороссийский исторический музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения института археологии
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова А. Н., Горошников А. А., Горошникова З. В. Антропологические данные поселения Панагия 1 как источник по реконструкции связей населения юго-западной части Таманского полуострова в эпоху поздней бронзы.....	3
Акимченков Г. Ф. Отчет о работе археологических отрядов краевого лагеря «Альпинист» в 1999 году.....	14
Бурков С. Б. К вопросу о формировании воинского сословия на территориях Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья в конце II – начале I тыс. до н.э.	32
Вальчак С. Б. Катакомбные погребения могильника «Уташ» в Краснодарском крае	44
Голубев Л. Э. Раскопки средневековых курганов № 48 и № 51 группы «Гостагаевская-1» близ г. Анапы	59
Городовая В. В., Пелих А. Л. Вислообушные топоры из музея Нижнего Архыза	68
Евглевский А. В. Изваяние средневековых кочевников из Тбилиси: Переосмысление нюансов иконографии	77
Иванов А. В. Курган у с. Кеслерово в Западном Закубанье	100
Исайкин В. М., Коваленко М. А. Фрагмент каменного молота из Центрального Закубанья	122
Кудин М. И. Орнаментация дольменов. Основные мотивы и новые находки	129

Нарожный Е. И.

К истории изучения археологических памятников
города Армавира – погребение эпохи бронзы
(по архивным материалам краеведа Н. И. Навротского) 172

Новичихин А. М.

Два свинцовых креста из Анапы 185

Полицын Е. Б., Ржевский Д. С.

Новая находка четырехчастного шлема XIII-XIV вв.
на территории Краснодарского края 191

Пьянков А. В., Пономарёв В. П., Полицын Е. Б.

Бронзовый топор, найденный на берегу р. Адегой
в Абинском районе Краснодарского края 195

Схатум Р. Б.

К вопросу о локализации Шанджира – резиденции Инала
(на основе адыгских преданий и археологического
материала) 203

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 214

Иванов А. В., Ткачев А. Н.

К 60-летию Владимира Викторовича Бочкового 214

Сазонов А.А.

К 60-летию Дмитрия Эдуардовича Василенко 219

Редакционная коллегия сборника «Древности Кубани»

Ольге Петровне Куликовой 70! 224

Голубев Л. Э.

Евгению Борисовичу Полицыну 60 лет 226

Колпакова А. В., Федоренко Н. В., Кузин И. И.

К 70-летию Александра Владимировича Шишлова 230

Сведения об авторах и редакторах 237

Список сокращений 241

Научное издание

ДРЕВНОСТИ КУБАНИ

Выпуск 25

Подписано в печать 19.12.2022

Формат бумаги 60x90/16

Объем 17,5 печ. л. Гарнитурa «Times New Roman»

Печать листовая. Бумага листовая

Тираж 100 экз. Заказ № 2380

Отпечатано в типографии ООО «Митра»,

г. Краснодар, ул. Стасова, 182/1.

+7 989 80-80-125

Отпечатано по заказу ООО «КУБАНЬПРОЕКТРЕСУРС»

тел.: 8(861) 268-44-44, 8(984) 268-44-44

e-mail: kubanproektresurs@bk.ru